

Четвертые Лупповские чтения

Санкт-Петербург
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Четвертые Лупповские чтения

Доклады и сообщения

Санкт-Петербург, 12 мая 2015 г.

*Сергей Павлович Луппов
(1943 год)*

Санкт-Петербург
2016

Ответственный редактор
В. П. Леонов

Составитель
П. И. Хотеев

Рецензент
Н. М. Баженова

Ч-52 **Четвертые Лупповские чтения:** Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2015 г. / отв. ред. В. П. Леонов; сост. П. И. Хотеев. – СПб.: БАН, 2016. – 112 с.

В сборнике представлены материалы Четвертых Лупповских чтений (Санкт-Петербург, Библиотека Академии наук, 12 мая 2015 г.), посвященных 105-й годовщине со дня рождения Сергея Павловича Луппова (1910–1988) – выдающегося петербургского историка и библиографа. Книгоиздательство, особенности художественного оформления книги, частные книжные собрания, библиотеки общественного пользования – вот круг вопросов, затронутых в публикуемых докладах и сообщениях.

Издание рассчитано на историков, книгovedов, библиографов и всех интересующихся историей культуры.

От составителя

Четвертые Лупповские чтения, состоявшиеся 12 мая 2015 г. в Библиотеке Российской академии наук, были приурочены к 105-й годовщине со дня рождения Сергея Павловича Луппова (1910–1988) – выдающегося петербургского историка, книговеда и библиографа. Как и на предыдущих Чтениях, проводившихся в 2000, 2005 и 2010 гг. [1], тематика представленных докладов и сообщений в значительной степени отражала научные интересы С. П. Луппова.

Чтения открыл директор БАН доктор педагогических наук профессор В. П. Леонов, который обратился к присутствующим с приветственным словом. Он дал высокую оценку результатам научной деятельности С. П. Луппова и отметил, что Чтения проходят в период празднования 70-й годовщины Победы над Германией. В связи с этим В. П. Леонов напомнил, что С. П. Луппов был участником Великой Отечественной войны и внес вклад в героическую оборону Ленинграда. Лишь с наступлением мирного времени Сергей Павлович смог всецело посвятить себя историческим исследованиям. Период становления научных интересов С. П. Луппова был посвящен доклад, подготовленный его дочерью Л. С. Васильевой и его внучкой А. А. Васильевой. Этот доклад был основан на материалах семейного архива. Биографический характер носило и сообщение А. Н. и Н. П. Копаневых, которые привели подробности, связанные с научной и организаторской деятельностью хранителя Библиотеки Вольтера Николая Александровича Копанева (1957–2013).

В последующих семи выступлениях были подробно рассмотрены конкретные вопросы художественного оформления книги, истории книгоиздательства, частных книжных собраний и библиотек общественного пользования. Свои доклады и сообщения вниманию многочисленных слушателей представили сотрудники Библиотеки Академии наук (Д. Д. Гальцин, М. Ю. Гордеева, В. Г. Подковырова, Е. А. Савельева, П. И. Хотеев), Российской национальной библиотеки (А. В. Вознесенский), Санкт-Петербургского государственного университета (Д. В. Руднев).

Состав и содержание настоящего сборника полностью совпадают с программой Четвертых Лупповских чтений. Иными словами, здесь публикуются тексты всех девяти заслушанных докладов и сообщений.

Пятое Лупповские чтения намечено провести в 2020 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лупповские чтения: Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2000 г. / под ред. В. П. Леонова и П. И. Хотеева. СПб.: БАН, 2000. 139 с.; Вторые Лупповские чтения: Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2005 г. / сост. П. И. Хотеев; отв. ред. В. П. Леонов, П. И. Хотеев. М.: Наука, 2006. 162 с.; Третьи Лупповские чтения: Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2010 г. / отв. ред. В. П. Леонов; сост. П. И. Хотеев. СПб.: БАН, 2011. 188 с.

А. А. Васильева, Л. С. Васильева

Сергей Павлович Луппов. Военные письма

АННОТАЦИЯ

Авторы биографического очерка, дочь и внучка петербургского историка С. П. Луппова, на основе материалов семейного архива описывают жизнь и службу в армии этого известного ученого в годы Великой Отечественной войны. Цитируются письма с фронта самого С. П. Луппова, а также интереснейшие воспоминания его ближайших родственников.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, С. П. Луппов, биография ученого, семейный архив, материалы переписки.*

По случаю 105-й годовщины со дня рождения С. П. Луппова и в связи с празднованием 70-летия Победы в Великой Отечественной войне представляется уместным вспомнить военные страницы биографии ученого, опираясь на его письма того далекого времени (1944–1946), письма и воспоминания его родных, сохранившиеся в нашем семейном архиве, а также материалы, любезно предоставленные архивом Библиотеки Академии наук [1]. Тем более что о семье, родителях и детских годах [2], научной деятельности [3] Сергея Павловича обстоятельно рассказано в предшествующих публикациях, а сведения о военном этапе жизни ученого ранее опубликованы не были.

9 мая – великий памятный день для каждого россиянина, он был особым и для Сергея Павловича Луппова, прошедшего две войны – советско-финляндскую и Великую Отечественную. Праздник Победы в семье отмечали дважды: 9 мая и 12 мая – в день рождения Сергея Павловича.

Сергей Павлович Луппов (1910–1988) – доктор исторических наук (1972), архивист, книговед и библиограф, заслуженный работник культуры РСФСР (1964). Демобилизовавшись из армии после Великой Отечественной войны, он окончил исторический факультет

Ленинградского университета. Первый этап научной деятельности С. П. Луппова связан с Музеем истории Ленинграда (1946–1953). Его кандидатская диссертация «История строительства и городского хозяйства Петербурга первой четверти XVIII века» (защита в 1956 г., опубликована в 1957 г.) и по сей день является эталоном научного исследования как для историков, так и для искусствоведов, занимающихся изучением Петербурга и его пригородов. Второй этап научной деятельности Сергея Павловича связан с Библиотекой Академии наук (1953–1988). Двадцать один год возглавлял он научно-библиографический отдел (1953–1974), принимая активное участие в организации библиографической работы в стране и разработке регламентирующих «Правил библиографического описания» (1964). Основной сферой его интересов стало комплексное изучение истории книжного дела в России XVII–XVIII вв. В 1972 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную его любимому историческому периоду – эпохе Петра I, и создал «триптих» (по меткому выражению И. Е. Баренбаума) фундаментальных научных работ: «Книга в России в XVII в. (Л., 1970)», «Книга в России в первой четверти XVIII в.» (Л., 1973), «Книга в России в послепетровское время. 1725–1740» (Л., 1976). Возглавив учрежденный по его инициативе в 1974 г. научно-исследовательский отдел истории книги, С. П. Луппов создал новое научное направление многоаспектного изучения книжного дела, которое ныне плодотворно развивается.

Семейный архив

Многие члены большой семьи Лупповых трепетно относились к событиям истории, свидетелями которых они стали, и оставили рукописные мемуары. Столь же бережно хранились письма. Сведения о жизни семьи в довоенные и военные годы в Ленинграде и Кирове приводит в своих записках отец Сергея Павловича – Павел Николаевич Луппов [4]. Бесценные материалы о жизни в блокадном Ленинграде содержат мемуары старшей сестры С. П. Луппова Елизаветы Павловны Лупповой [5]. В окруженном Ленинграде Елизавета Павловна преподавала на факультете литературы в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского. 12 декабря 1941 г. в Ученом совете Педагогического института им. А. И. Герцена она защитила кандидатскую диссертацию «Староладожский говор» [6]. Ученую степень кандидата филологических наук и ученое звание доцента ей присвоили в январе 1942 г. 4 марта 1942 г. в тяжелом состоянии она была эвакуирована по Дороге Жизни в город Киров. Сохранились

и ее письма к родным в Киров, которые она старалась, по ее собственным словам, посылать как можно чаще, чтобы мама знала, что в этот день дочь еще жива, а также письма родителей к ней в осажденный Ленинград.

Сохранились и письма Сергея Павловича к родным, написанные в период его военной службы.

Довоенные годы

Сергей Павлович Луппов родился 12 мая 1910 г. в селении Териоки Выборгской губернии (ныне г. Зеленогорск), где его семья в тот год жила на даче. Его отец – Павел Николаевич Луппов (1867, с. Усть-Чепецкое – 1949, Ленинград), доктор исторических наук, ученый-краевед, исследователь истории Вятского края и народности вотяки, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР (1945). Мать С. П. Луппова Нина Михайловна Луппова (1878, С.-Петербург – 1957, Ленинград), дочь известного русского философа М. И. Каринского, окончила Высшие женские Бестужевские курсы, занималась воспитанием детей, а когда они повзрослели, посвятила себя педагогической деятельности – в Кирове (Вятке) преподавала в начальной и средней школе, на рабфаке, в техникумах, затем в педагогическом институте. Сергей был шестым ребенком. Всего в семье выросло семеро детей (еще две дочери умерли во младенчестве), Н. М. Луппова получила орден «Материнская слава», которым и она сама, и семья очень гордились.

В 1917 г. семья из Петрограда переехала в Вятку, где Сергей окончил среднюю школу. В 1928 г. он, как и его братья и сестры, отправился учиться в Ленинград [7]. Поселился он в доме № 66 по каналу Грибоедова, где уже обосновались старший брат Николай и сестры Екатерина и Елизавета [8]. Сергей поступил в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства, который окончил в 1932 г., получив специальность «инженер по эксплуатации городского транспорта». После выпуска он работал в Стройконторе пути и воздушной сети Треста «Лентрамвай» (июль 1932 – март 1933 г.). В марте 1933 г. был призван в Красную Армию на действительную службу (19-й саперный батальон). По окончании военной службы работал помощником прораба, а затем прорабом на строительстве Октябрьской железной дороги на участке Обухово–Тосно (1934–1936), затем под Усть-Лугой (1936–1937).

Пять лет работы по технической специальности позволили молодому человеку понять, что более он тяготеет к гуманитарной сфере.

Начало Великой Отечественной войны

В этом, несомненно, сказывались семейные традиции, деятельность его отца, историка Вятской губернии, и Серезино увлечение историей, которое проявилось еще во время учебы в школе. В юношестве Сергей вместе с родными и двоюродными братьями и сестрами, отцом и матерью участвовал в создании рукописных журналов, для которых стихотворения, заметки, шарады, загадки-шутки, анекдоты, рассказы и даже драмы и «повести с продолжением», а также акварельные и графические иллюстрации создавались младшими членами семьи Лупповых и Каринских [9]. Первые литературные опыты С. П. Луппова были посвящены истории: «Подвиг Сусанина» (драма в 2-х действиях; журнал № 1, 1919), «На даче. Воспоминания» (№№ 4, 5, 6; 1919, с пометкой «Продолжение следует»), «Князь Николай Александрович Юрьев» (№ 6; 1919); «Князь Курбский» (драма в 3-х действиях; № 6, 1920).

На 27-м году жизни в 1937 г. Сергей Павлович принял решение изменить сферу деятельности и поступить для учебы экстерном в Ленинградский университет на исторический факультет. Для организации планомерных занятий, учебы и сдачи экзаменов в университете он уволился с Октябрьской железной дороги, вернулся в Ленинград и поступил на работу во Всесоюзный алюминиево-магниевого институт (ВАМИ), где проработал инженером проектного отдела около двух лет (сентябрь 1937 – март 1939 г.). Однако совмещать проектную деятельность с учебой было трудно, и вскоре Сергей Павлович приступил к работе по новой специальности – начал преподавать историю в стахановской школе Кожевенного завода им. А. Радищева (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.).

В жизненные и учебные планы вмешалась война: во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. С. П. Луппов был призван в армию, участвовал в военных действиях на Карельском перешейке, был командиром взвода и военным техником 10-го дорожно-эксплуатационного полка. В 1940 г. награжден медалью «За боевые заслуги». Возвращение к мирной жизни, учебе и преподаванию было недолгим: в июне 1941 г. он был вновь призван в армию и находился на службе долгих пять лет – вплоть до конца марта 1946 г.

В первые годы Великой Отечественной войны Сергей Павлович служил в 29-м управлении оборонного строительства Ленинграда, принимал участие в создании оборонительных рубежей под городом и в городе (1940–1942), с 1943 по 1945 год работал в строительных участках в городе Венев Тульской области (163 км от Москвы), в 1945–1946 гг. был начальником кабельного, а затем деревообрабатывающего завода в Болшево (23 км от Москвы).

Война застала Сергея и большую часть семьи Лупповых в Ленинграде [10]. В июне 1941 г. П. Н. Луппов и Н. М. Луппова приехали из Кирова (Вятки) к детям в Ленинград, в квартиру в доме № 66 по каналу Грибоедова, где жили втроем Сергей, Елизавета и Людмила. Родители приехали в научную командировку: П. Н. Луппов – для представления к защите на степень доктора наук в Ленинградский университет своей монографии «История города Кирова» [11], Н. М. Луппова – для работы по немецко-русскому словарю, начатой ею ещё в прошлые годы [12]. В Ленинграде также жили брат С. П. Луппова Николай с супругой Агнией и сыном Михаилом и сестра Вера с мужем Александром. Вера работала в сельскохозяйственном институте, ее муж А. П. Русалеев [13] – преподавателем в вечерней школе.

В мемуарах сестра Сергея Павловича Елизавета пишет: *«Я очень хорошо помню день объявления войны, когда мы, ничего не зная, с утра уехали в Сестрорецк, где жил мой племянник Миша на даче с бабушкой Валентиной Петровной. Были мама, брат Коля и я. Мы сидели на чудесном белом песочке на берегу Сестры-реки и читали вслух стихотворения. Запомнились стихи Шефнера: “Заплакала и встала у порога”. Было воскресенье, чудесная погода раннего лета со свежей молодой зеленью. И вдруг по радио раздалась речь Молотова. Все было нарушено, все закрутилось. Мы, как и другие дачники, спешили в Ленинград. Вечером небо уже бороздили лучи прожекторов. Как дальше действовать, мы еще не знали. Но папа заявил определенно, что им с мамой надо ехать домой в Киров»* [14].

Вскоре Сергей Павлович получил повестку и был призван на фронт. Будучи инженером, он работал на строительстве ленинградских оборонительных сооружений.

Общими усилиями через эвакуационный пункт удалось оформить отъезд в Киров родителей П. Н. и Н. М. Лупповых, младшей сестры Людмилы и племянника (сына Николая Павловича Луппова) Михаила с бабушкой Валентиной Петровной. 9 июля 1941 г. в обычном еще поезде с пассажирскими вагонами первая часть семьи Лупповых была отправлена в эвакуацию в Киров.

Блокада Ленинграда

К началу блокады Ленинграда из семьи Лупповых в городе остались Елизавета, Вера с мужем Александром и Сергей на фронтовой полосе [15].

Сергей периодически навещал сестру Елизавету в осажденном Ленинграде, приходя с линии обороны пешком в их квартиру на канал Грибоедова или в Педагогический институт им. М. Н. Покровского, где она работала, и куда позже, обессиленную в январе 1942 г., ее перевели на стационарное проживание. Навещал он и вторую сестру Веру, жившую с мужем на улице Полтавской близ Московского вокзала – в эти страшные дни семья старалась не терять друг друга из виду. Елизавета вспоминает об осени 1941 г.: «Как-то раз пришел с линии фронта “на побывку” мой брат Сережа (он был “на фронте” где-то за Невской лаврой в районе проспекта Обуховской Обороны) и лег спать на своей постели. В боевых условиях он наскучался по постели и крепко заснул. Начались удары зениток. Я выскочила на двор. Там было большое оживление. Жильцы тушили зажигательные бомбы, падающие к нам на двор. Я поднялась наверх и стала будить Сережу: “Вставай, наш дом бомбят, попали зажигательные бомбы!”. Сережа спросонья спросил: “Что, потушили?” и, услышав мой утвердительный ответ, повернулся на другой бок и опять заснул. В это время раздался страшный удар, наш дом качнуло и все затихло. После отбоя воздушной тревоги я улеглась спать. На утро, когда мы проснулись, мы заметили, что в комнате очень холодно. Оказалось, что все стекла, несмотря на оклейку их полосками ткани и специальные деревянные ставни, вылетели и мы были, в сущности, как на улице. Пришлось искать плотника, заколачивать рамы досками, и в комнате воцарились вечные сумерки. Хорошо еще, что на улице еще не было тогда больших морозов, и можно было как-то держаться» [16].

Сергей старался принести сестре что-нибудь из своего скудного пайка (пайки военных были все же больше, чем пайки гражданских лиц), чтобы хоть как-то ее поддержать. Большим подспорьем стал ордер на получение дров, выписанный Елизавете в ноябре 1941 г. как сестре военного. «Это было несколько бревен сырой осины, вмерзшей в землю, которые мы с трудом извлекли и привезли на санях, но я была рада, что у меня появилось топливо. Надо было дрова напилить и мелко наколоть, чтобы подтапливать печку» [17].

Вспоминая о самом голодном декабре 1941 г., Елизавета Павловна пишет: «Сережа оставил на буфете “НЗ” – ½ литра сахарного песка и банку консервов. Когда в декабре стало нестерпимо голодно, я не выдержала и, приходя домой, съела чайную ложку сахара. Это поддерживало силы. Когда Сережа как-то пришел, он заметил исчезновение части сахара, но посмотрев на меня, замолчал. Тогда я вспомнила, что у меня хранилась маленькая детская шоколадка,

которую я хотела свезти племяннику Мишеньке, когда собиралась эвакуироваться. Мне стало жалко Сережу, и я отдала ему эту шоколадку. Когда через несколько времени после ухода Сережи, я вышла из дома, на нашей лестнице я увидела обертку шоколадки. Значит, он был очень голоден и сразу же съел шоколадку» [18].

Сергей провожал сестру Елизавету в эвакуацию. «Утром 4 марта 1942 года <...> пришел Сережа, мы с ним поели, и двинулись в путь. Кто-то из преподавателей дал нам санки (они тогда были на вес золота) с обязательством Сережи вернуть их. На Финляндском вокзале был подан поезд, состоявший из классных вагонов дачного типа. В вагоны уже набилось много народу, и Сережа, с трудом пробившись через толпу, посадил меня на свободное местечко. Сани на это время он оставил в тамбуре, и оттуда они исчезли, так что Сережа не смог выполнить свое обещание по возвращению саней» [19].

За день до Елизаветы эвакуировались на Кавказ Вера с мужем Александром (Вера была начальником поезда) [20].

За самоотверженную работу по строительству оборонительных сооружений вокруг Ленинграда С. П. Луппов был награжден Почетной грамотой Ленгорисполкома (от 29 июля 1942 г.) и медалью «За оборону Ленинграда» (1944). После краткой реабилитации в Костроме Сергей Павлович был переведен в 1943 г. на службу в г. Венев Тульской области.

Служба под Москвой. Письма будущей жене Н.Н. Рылеевой

Летом 1939 г. Сергей вместе с сестрой Людмилой (в то время студенткой Ленинградского университета) и родителями ездили в Лаишев к младшей сестре отца Антонине Николаевне Лупповой (в замужестве Годяевой, 1877–1967). Антонина была младшей и любимой сестрой Павла Николаевича и общение с нею и членами ее семьи всегда было очень тесным (чаще всего, конечно, в письмах). Вышедшая замуж за вдовца В. Л. Годяева, Антонина Николаевна воспитала троих приемных детей – Николая, Сергея и Веру и общего сына Юрия. Окончив курс Казанской женской гимназии, а затем Высшие женские курсы в Петербурге (1917), Вера вернулась в Лаишев, поселилась в доме своей приемной матери Антонины Николаевны, начала преподавать в средней школе, вскоре вышла замуж за Николая Александровича Рылеева (1892–1974). С самых первых дней появления на свет в доме Антонины Николаевны на ее попечении были дети падчерицы Веры (в замужестве Рылеевой) – Нина (1924) и Владимир (1928–1971). Бабушка Антонина в письмах брату с большой

любовью рассказывала о своих внучатах. Видно было, что в них она находит отраду. В таком составе семью и застали приехавшие в гости Лупповы: Антонина Николаевна с сыном Юрием, приемной дочерью Верой и внуками Ниной и Владимиром. Как вспоминает отец Сергея Павловича П. Н. Луппов, «Погода была прекрасная. <...> Провели здесь время очень недурно, совершали прогулки на берег многоводной Камы, купались там. Борис Александрович организовал чаепитие на берегу Камы по принятому им способу. Молодые члены нашей компании затевали во время прогулки разные игры» [21].

Во время войны родители и бабушка Нины Антонина Николаевна Годяева, переписывавшиеся с П. Н. Лупповым в Кирове, попросили Нину написать Сергею на фронт «для поддержания духа». С этой первой открытки и завязалась переписка, изредка прерываемая переменной адресов и переброской С. П. Луппова на новое место службы [22].

Вспоминая о довоенном приезде Лупповых в Лаишев и походе с чаепитием на Каму, Нина пишет 29 июля 1943 г. из Лаишева: «Здравствуйте, дорогой Сережа! Вчера получила от Вас открытку, на которую я теперь могу ответить. <...> Я раза два была на Каме и несколько раз в лугах (от своего учреждения). Сережа! Если бы Вы только знали, какие в этом году луга! Трава выше лица, конечно не везде, даже пробраться в некоторых местах невозможно, настолько она густая, кругом кузнечики трещат, а цветов ужас сколько. Когда я возвращаюсь из лугов, то у меня полны руки ими, а мне все мало. Очень часто вспоминается то время, когда мы ходили туда с чайником, на весь день и было так весело, весело. После войны не раз еще сходим, только вот дяди Юры не будет, а без него того уж никогда не будет» [23].

За время войны Нина окончила школу и в 1943 г. поступила в Казанский медицинский институт. С поступлением в институт было много переживаний. Помимо сложного военного времени, необходимости уехать из родного дома и жить в далекой Казани самостоятельно, скудных хлебных пайков и трудностей с продовольствием, уже сдавшую вступительные экзамены будущую студентку страшила возможность мобилизации. Еще в 1941–1942 гг. начались военные занятия для школьников, которые усилились в 1943 г.: «В прошлом году военные занятия происходили от ОСО [24], а нынче от Татарского военкомата, поэтому, вероятно, все мы, будущие снайперы, попадем в военную школу», пишет Нина Сергею 25 мая 1943 г. из Лаишева. А спустя два месяца взволнованно сообщает: «А у меня, Сережа, тоже чуть было все мои планы об учении не рухнули, т. к. не очень

давно я получила повестку явиться на мед. комиссию, которую я прошла и тут же (в 5 ч. вечера) получила повестку быть готовой к отправке в 8 ч. утра следующего дня. На вызов в институт сначала не обратили внимания и только в 7 ч. вечера меня известили о том, что я оставлена. Но теперь в резерве числюсь, а поэтому в любую минуту меня могут взять. Если теперь Ваша судьба более или менее определилась, то моя наоборот, стала еще неизвестнее. А как мне хочется учиться!» (29 июля 1943 г.; Лаишев).

В письмах Сергей передает приветы родным Нины и вести от своих родственников, рассказывает о работе (конечно, без запрещенных военной цензурой подробностей), размышляет о смене специальности, предпринятой им еще до войны, о будущей жизни. Красной нитью проходит мечта о возвращении к мирной жизни: «Мечтаю и живу надеждой на скорую предстоящую мирную жизнь» (6 марта 1945 г.).

О характере Сергея Павловича, его желании не терять ни минуты времени и стремлении к гуманитарным знаниям свидетельствует то, что еще в 1944 г., во время службы под г. Веневаем Тульской области, он поступил на заочные курсы иностранных языков, причем сразу по двум отделениям – английскому и немецкому, и начал усердно заниматься. Занятия даются с трудом – сказываются и усталость от напряженной работы, и отсутствие времени. Но Сергей строг к себе и, не делая скидок на условия учебы, сетует в письме к Нине на отсутствие способностей к языкам: «Я сейчас немного занимаюсь заочно немецким и английским языками, но что-то туго идет и иной раз кажется, что у меня нет никаких способностей к языкам» (7 июня 1944 г.). Однако с переводом из Венева в Болшево в 1945 г. сфера работы и ее условия принципиально меняются – теперь Сергей Павлович возглавляет деревообрабатывающий завод и вынужден разбираться во всех тонкостях производства и даже хозрасчета. Спустя год он пишет: «Так как у меня в прошлом году было гораздо больше свободного времени, то я довольно успешно занимался языками почти год. В этом году условия изменились и очень трудно совмещать учебу с работой» (6 марта 1945 г.), а вскоре сообщает: «С курсов получил предупреждение, что меня исключат, если я не начну работать». (26 марта 1945 г.).

Ощущение приближающегося окончания войны и наконец прогремевший счастьем День Победы, как ни ждал его Сергей Павлович, не привели к долгожданной демобилизации. Более того, после победы начался новый, незнакомый и трудный этап работы: необходимо было организовать труд на заводе военнопленных немцев: «У меня

некоторые изменения в служебных делах. Я сейчас работаю с военнопленными. Обширная практика для овладения немецким языком. К сожалению, мои знания слишком ограничены для этого. Ну ничего, постепенно освоим это дело. Очень тяжело мне далась организация работы военнопленных на моем заводе, но сейчас это уже пройденная страница. Дело наладилось и идет полным ходом» (7 августа 1945 г.). Однако надежды на освоение немецкого языка в «практическом общении» не оправдались, и через несколько месяцев Сергей Павлович сообщает: «К стыду своему я так и не научился говорить по-немецки, т. к. непосредственно мало общался с военнопленными, имея возможность пользоваться переводчиком» (6 ноября 1945 г.).

В сентябре 1945 г. работать стало еще труднее – С. П. Луппову по совместительству поручили вторую должность, о чем он пишет 23 сентября 1945 г.: «Меня страшно сильно нагрузили работой, дав по совместительству другую ответственную должность — главного механика строительства»; и спустя две недели 14 октября 1945 г.: «Уж очень уставал я в последнее время с работой: дали двойную нагрузку (2 должности) и никак не успевал всего переделать. По-прежнему надеюсь на возвращение к мирной жизни и тяну ляжку. Правда, работа дает много удовлетворения, т.к. дело идет неплохо».

Мечта о демобилизации оставалась только мечтой. В письмах Сергея Павловича очевидно ощущается стремление покончить с неизвестностью, желание вернуться домой и сожаление об упущенных из-за войны годах.

9 июля 1945 г.: «У меня все идет по-старому и по сути дела мало что изменилось за последние месяцы. Я смеюсь, говоря, что для меня война кончится тогда, когда я скину военное обмундирование».

6 ноября 1945 г.: «Все упорнее ходят слухи о скорой демобилизации офицеров, и все мы ждем этого часа. Определенного пока ничего еще нет, но надежд много. Странно будет, когда настанет этот миг: ведь целый кусок жизни (и какой еще!) отойдет прочь. Мне кажется, что уходит и моя молодость с ее некоторой беспечностью, задором, легкомыслием. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Поживем – увидим. Работы у меня по-прежнему много».

Эйфория от победы и радостные надежды на скорую демобилизацию сменяются пессимистическими настроениями, когда становится очевидно, что вверенный ему новый объем работ не предвещает скорого возвращения домой. Он пишет 11 декабря 1945 г.: «Я все еще в Болшево, демобилизация затягивается. Не писал я тебе, потому

что все время на работе, а вечером сидим без света. Настроение у меня неважное в связи с затяжкой возвращения к прежней жизни. Как видишь, я живу сейчас одними мыслями и через каждые пять строк возвращаюсь к той же теме. Как буду дальше строить свою жизнь, пока не загадываю. Все будет ясно, когда все определится. Занятия языками забросил, да и не до того сейчас. От Нового года жду многого, а как получится – покажет будущее».

В октябре 1945 г. С. П. Луппов получил отпуск на 10 дней для поездки в Ленинград. «Пишу из Ленинграда, но это не полное возвращение. О нем пока нет и речи. Мне удалось отпроситься на 10 дней. И вот по истечении 3-х лет я снова в Ленинграде. Трудно сказать, рад я возвращению или нет, слишком много тяжелых воспоминаний связано у меня с Ленинградом! Помню, в 1942 году я уезжал отсюда без всякого сожаления, но ведь с тех пор прошло достаточно много времени! Сегодня (приехал я вчера) разбирался в своих вещах, письмах. Часто какая-нибудь мелочь вызывает кучу воспоминаний. Здесь, в Ленинграде, брат Николай с семьей – это единственный член нашей семьи, который окончательно уже обосновался в Ленинграде. Он сейчас уже доктор геологических наук [25]» (14 октября 1945 г., Ленинград).

В Ленинграде кроме брата Николая Сергей встретился со своей сестрой Елизаветой, также приехавшей сюда в отпуск из Кировского педагогического института и занимавшейся восстановлением простоявшей без стекол с ноября 1941 г. закопченной от печки-буржуйки и лампы-коптилки квартиры. О трудностях послевоенного быта свидетельствует скупая фраза в воспоминаниях Елизаветы: «Серезжа приехал тогда из Москвы со стеклами, которые в Ленинграде ценились на вес золота, и мы остеклили нашу квартиру» [26].

В январе 1946 г., сдав свои дела в Болшево и ожидая из Москвы решения своей судьбы – или демобилизация или перевод на другое место службы (что случалось с офицерами чаще), Сергей Павлович возобновил свои занятия по языкам и гуманитарным предметам: «Время свободное сейчас есть, и я начал заниматься немецким языком и по своей специальности. Решил, что ни один день не должен пропадать зря» (18 января 1946 г.). Наконец с большим трудом он добился перевода из Москвы в Ленинград и 17 февраля 1946 г. пишет Нине: «Пишу уже из Ленинграда. Ты хорошо знаешь, как я рвался к возвращению к гражданской жизни. Последние месяцы я всецело потратил на хлопоты, но самое большее, чего я смог добиться, это перевода в Ленинград. 5-го февраля я покинул Москву, и здесь в Ленинграде судьба неожиданно улынулась мне: сейчас я в резерве и в

ближайшие дни должен демобилизоваться. Целый кусок очень памятный уходит в прошлое и сейчас надо решать, как строить свою новую жизнь. Как-то немного оторвался ото всего. <...> Сестра Катя [27] вернулась из экспедиции и думает поехать в Киров к родителям. Я, наверное, никуда не поеду, а сразу засяду за работу. Надо догонять упущенное время».

Однако ожидание демобилизации уже в Ленинграде затянулось на полтора долгих месяца [28]. Не желая терять ни дня, сразу же после приезда в Ленинград Сергей вернулся к обучению на историческом факультете Ленинградского государственного университета, о чем сообщил Нине: *«Я решил все же закончить свою переквалификацию, т. к. занятия техникой мне не дают удовлетворения. В общем, пользуясь свободным временем, я восстановился в университет и начал занятия. Послезавтра буду сдавать первый экзамен. Всего 12 экзаменов, не считая дипломной работы и госэкзаменов. Нагрузка очень солидная. Ну да “взялся за гуж...” . В общем, буду продолжать и кончать».* Рефреном проходит мысль о необходимости наверстывать потерянное время: *«Жаль только, что столько времени упущено, ведь нужно еще диссертацию защищать, чтобы совсем встать на ноги по новой работе. Ну ничего, лишь бы только не сорвалось самое основное, т. е. демобилизация!»* (8 марта 1946 г.).

Наконец 1 апреля 1946 г. он объявляет: *«Мое последнее письмо было несколько мрачно, а все разрешилось как нельзя лучше. Сейчас я уже гражданский человек».* Уволен в запас 1-й очереди в чине младшего лейтенанта военно-инженерных войск. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

О твердости намерений Сергея Павловича освоить новую специальность, упорстве в достижении поставленной цели и одновременно о невероятном желании наверстать упущенные из-за войны годы говорят поставленные им самим перед собой сроки обучения: он решил изучить все положенные предметы и сдать все оставшиеся 12 экзаменов в срок с марта по декабрь 1946 г., т. е. за 10 месяцев! Государственные экзамены и написание дипломной работы запланировал на первую половину 1947 г.

Как следует из писем, за месяц – с начала марта до 7 апреля 1946 г. – он сдал 3 экзамена, 8 апреля – четвертый. 29 апреля он сообщил, что сдал еще два экзамена и ему осталось шесть: *«Кроме госэкзаменов и дипломной работы, мне нужно еще сдать 6 экзаменов, и хочу по возможности осуществить это до осени 1946 г., а уж госэкзамены и дипломная останутся до следующей сессии (зимней или весенней)»* (29 апреля 1946 г.).

С возвращением в Ленинград Сергей Павлович занялся поисками работы, которая позволила бы ему заниматься новой специальностью. После долгих поисков он нашел работу, которая до известной степени совмещала обе его специальности – инженерно-техническую и историческую: его приняли заведующим отделом в Музей истории и развития Ленинграда (1946–1953 гг.).

«Ты спрашиваешь, не жалко ли мне старой специальности? Пожалуй, иногда и бывают такие мысли, но ведь всегда можно, на худой конец, вернуться. Впрочем, это едва ли будет. Получается так, что в этом году я начинал жизнь по-новому, и я решил смотреть только вперед, а назад не оглядываться и ничего не жалеть» (29 апреля 1946 г.).

Итак, на 36-м году жизни, получив уже одно высшее образование и пройдя за 8 лет суровую школу двух войн, Сергей Павлович Луппов «начал новую жизнь». В начале следующего 1947 г. он сделал предложение студентке IV курса Казанского медицинского института Нине Николаевне Рылеевой и они поженились (правда, супруга уехала доучиваться в Казань и молодая семья воссоединилась только спустя два года). В этом же году он сдал государственные экзамены, написал и защитил дипломную работу «Крестьянский вопрос в петербургской периодической печати 1861-го года» и 30 июня 1947 г. получил диплом с отличием о присвоении квалификации историка и всецело погрузился в работу в музее и изучение строительства Петербурга.

Несомненно, война для С. П. Луппова, как и для миллионов россиян, стала суровым испытанием, отняла молодость и целых восемь лет жизни. Но служба в армии дала много – умение планировать и организовывать свою работу и продуктивную деятельность большого коллектива, разрабатывать тактику и стратегию развития отдела, быть твердым и требовательным руководителем и вместе с тем избегать конфликтов. Рассказывать о войне Сергей Павлович не любил, и только его треугольником сложенные письма со штампом «Прочтено военной цензурой» сохраняют дух и факты военных лет.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы личного дела С. П. Луппова № 229, в том числе личный листок по учету кадров Академии наук СССР и автобиография С. П. Луппова, написанные им собственноручно в 1953 г.

2. Васильева А. А. Родословная Лупповых–Каринских // Лупповские чтения: докл. и сообщ. (Санкт-Петербург, 12 мая 2000 г.). СПб., 2000.

С. 9–31; *Безгрешнова А. М.* Научные традиции семьи // Там же. С. 32–36; *Васильева Л. С.* Воспитание детей в семье Лупповых–Каринских // Там же. С. 37–47; *Васильева А. А., Васильева Л. С.* Летние дачи Петербургской губернии в формировании личности ученого // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. 4: Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии / под ред. А. Н. Кирпичникова. С. 207–222.

3. *Моисеева Г. Н.* К семидесятилетию С. П. Луппова // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX вв.: сб. науч. тр. Л., 1979. С. 161–170; *Хотеев П. И.* Основные вехи жизненного пути и творчества Сергея Павловича Луппова // Лупповские чтения: доклады и сообщения. С. 5–8; Сергей Павлович Луппов: библиогр. указ. (К 75-летию со дня рождения) / сост.: А. А. Зайцева, Н. А. Никифоровская, П. И. Хотеев. Л., 1985. 30 с.

4. *Луппов П. Н.* Мои воспоминания. К 70-летию Антонины Николаевны Лупповой (Годяевой). [Рукопись]. Ленинград, 1947. 8 с.; *Луппов П. Н.* Автобиография. [Рукопись]. Ленинград, 1947. 44 с.

5. *Луппова Е. П.* Война и блокада Ленинграда. Записано Е. П. Лупповой через 27 лет по личным воспоминаниям. Рукопись. Васкелово, июль 1969. Елизавета Павловна Луппова (1903–1989) – ученый-диалектолог, кандидат филологических наук, доцент Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Окончила факультет русского языка и литературы Вятского педагогического института (1925), затем аспирантуру Научно-исследовательского института языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете под руководством члена-корреспондента АН СССР профессора Д. К. Зеленина (1927–1929). Во время эвакуации (1942–1946) работала на кафедре русского языка заочного отделения Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина; после возвращения из эвакуации – в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (1946–1964). Автор более 30 научных трудов.

6. См. об этом: *Фруменкова Т. Г.* Мы вышли из блокадных дней: Герценовский университет в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / под общ. ред. Г. А. Бордовского и В. А. Козырева. СПб., 2005. С. 101–104.

7. Один за другим братья и сестры Лупповы перебирались в Ленинград для получения образования. Старшая сестра С. П. Луппова Екатерина (1901–1987) в 1924 г. по окончании Вятского педагогического института уехала в Ленинград для обучения в аспирантуре. В том же 1924 г. брат Николай (1904–1975) с четвертого курса Вятского педагогического института перевелся в Ленинградский университет. В 1927 г. в Ленинград переехала сестра Елизавета (1903–1989) для поступления в аспирантуру. В 1930 г. в Ленинград прибыли для обучения в аспирантуре сестра Вера (1906–1988) и брат Владимир (1912–1988), вскоре поступивший в Ленинградский институт железнодорожного транспорта по отделению электротяги. В 1937 г. в Ленинград приехала младшая сестра Людмила (1920–1983), поступившая в Ленинградский университет.

8. На долгие годы эта квартира стала вторым домом Лупповых. Здесь Елизавета Луппова прожила первые годы блокады Ленинграда до эвакуа-

ции в Киров к родителям, здесь ее навещал «приходящий с фронта» Сергей. В эту квартиру Елизавета вернулась после реэвакуирования и Сергей после демобилизации в 1946 г. В 1947 г. сюда перевезли родителей П. Н. и М. Н. Лупповых из Кирова.

9. В Вятку (Киров) вместе с семьей Лупповых из Петербурга в 1917 г. переехал со всей своей семьей и дядя С. П. Луппова, старший брат его матери Нины Михайловны Николай Михайлович Каринский (1873–1935) – доктор филологических наук (1934), славист, палеограф, диалектолог, член-корреспондент АН СССР (1921). В Вятке он преподавал в Педагогическом институте и руководил программами по проведению этнографических наблюдений (1919–1923). По его инициативе в 1922 г. в Вятке был организован первый в России Научно-исследовательский институт краеведения, в котором старшим научным сотрудником и работал муж его сестры П. Н. Луппов. В Вятке семьи Лупповых и Каринских жили рядом, дети много времени проводили вместе.

10. Старшая сестра Екатерина, энтомолог по специальности, к началу войны находилась в научно-исследовательской экспедиции в Таджикистане, а брат Владимир работал на строительстве железной дороги в Сибири.

11. Еще в 1911 г. в Санкт-Петербурге П. Н. Луппов опубликовал монографию «Христианство у вотяков в первой половине XIX века», а в 1913 г. защитил диссертацию на эту тему в Казанской духовной академии и был удостоен степени доктора церковной истории. Однако присвоенные в дореволюционный период ученые степени не были признаны советской властью. Рассмотрев представленные Павлом Николаевичем документы и материалы, в Ленинградском государственном университете ему предложили подать заявление о присвоении степени доктора по совокупности работ, что он и сделал уже во время войны, когда Ленинградский университет был в эвакуации в Саратове. И лишь в июле 1944 г. Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы и научных учреждений утвердила П. Н. Луппова в степени доктора исторических наук, как указано в документах, «без защиты диссертации».

12. См. об этом: *Луппов П. Н.* Мои воспоминания. К 70-летию Антонины Николаевны Лупповой (Годяевой). Рукопись. Ленинград, 1947. С. 6; *Луппова Е. П.* Война и блокада Ленинграда. Записано Е. П. Лупповой через 27 лет по личным воспоминаниям. Рукопись. С. 1.

13. Когда началась война, Александр Петрович Русалеев (1905–1956), как и многие мужчины города, пошел в ополчение добровольцем. Тяжело заболел дизентерией, и после госпиталя был отпущен домой. В июле и августе 1941 г. Александр и Вера выполняли работы по перегонке колхозного скота из прифронтовой полосы, поэтому неоднократно ездили в «командировки» в пригороды Ленинграда. По воспоминаниям Е. П. Лупповой, «жили они очень дружно, старались быть все время вместе: вместе ездили на окопы, вместе дежурили на чердаке дома и говорили: “Если умирать, так вместе”». (*Луппова Е. П.* Война и блокада Ленинграда. Записано Е. П. Лупповой через 27 лет по личным воспоминаниям. Рукопись. С. 21).

14. *Луппова Е. П.* Война и блокада Ленинграда. Записано Е. П. Лупповой через 27 лет по личным воспоминаниям. Рукопись. С. 1, 2.

15. Брат Николай Павлович Луппов через месяц после начала войны, в июле 1941 г. был направлен в Ашхабад работать по специальности и провёл в геолого-разведывательных экспедициях все военные годы. Его жена Агния Петровна (1904–1998) была эвакуирована в Киров к сыну Михаилу (1933–1956) в марте 1942 г.

16. *Луппова Е. П.* Война и блокада Ленинграда. Записано Е. П. Лупповой через 27 лет по личным воспоминаниям. Рукопись. С. 8.

17. Там же.

18. Там же. С. 11.

19. Там же. С. 15.

20. Вера Павловна Русалеева (1906–1988; в девичестве Луппова) – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент. Была эвакуирована с мужем А. П. Русалеевым из блокадного Ленинграда на Северный Кавказ в марте 1942 г. вместе с сотрудниками Сельскохозяйственного института, в котором работала. В связи с наступлением немецких войск на Кавказ эвакуированы второй раз в Армению, где у них родился сын Сергей. В 1944 г. по вызову селекционера академика Н. В. Рудницкого приехала в Киров для работы на опытно-мелиоративной станции. С 1945 г. преподавала на кафедре ботаники Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской (г. Йошкар-Ола) С 1951 г. работала на кафедре растениеводства Рязанского сельскохозяйственного института (ныне Рязанский государственный агротехнологический университет им. П. А. Костылева).

21. *Луппов П. Н.* Мои воспоминания. К 70-летию Антонины Николаевны Лупповой (Годяевой). Рукопись. С. 6.

22. Письма Н. Н. Рылеевой С. П. Луппову адресованы или на военную почту, или до востребования, например: «*Тульская обл. г. Венев. Почтамт (До востребования)*»; или в Москву родственникам Сергея Павловича, которых он имел возможность изредка навещать: «*Москва. Машиков переулок (ул. Чаплыгина), дом 2, кв. 1. Риттер Елене Николаевне (для С. П. Луппова)*». Е. Н. Риттер (1900–1982; урожденная Каринская) – двоюродная сестра С. П. Луппова, дочь его дяди Н. М. Каринского.

23. Юрий Владимирович Годяев (1910–1941), сын А. Н. Годяевой (в девичестве Лупповой) и В. Л. Годяева, сводный брат матери Нины В. В. Рылеевой. Был призван в армию в первые дни войны и вскоре пропал без вести (в 1941 г.).

24. ОСО – Общество содействия обороне СССР, предшественник ДОСААФ.

25. Николай Павлович Луппов (1904–1975) – доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Туркменской ССР, геолог, крупный знаток меловой системы и геологии Средней Азии, теоретик и практик науки, наставник молодежи. Окончил геолого-минералогическое отделение физико-математического факультета ЛГУ (1929). В 1935 г. ему присвоена степень кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации. В годы Великой Отечественной войны в должности старшего геолога Туркменского ГУ он консультировал все геологоразведочные работы республики, проводил геологическую съемку на северо-западе Туркмении. В 1945 г. защитил диссертацию доктора геолого-минералогиче-

ских наук «Нижнемеловые отложения и фауна аммонитов Северо-Западного Кавказа». С 1945 г. и до конца жизни являлся старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского. Автор 122 публикаций, в том числе 17 монографий. Им были составлены первые для ряда районов Средней Азии листы геологической карты СССР. Он был главным редактором и одним из составителей сводных геологических карт Туркмении, ответственным редактором, организатором и одним из основных авторов двух изданий томов «Геологии СССР» (том XXII Туркменской ССР).

26. *Луппова Е. П.* Война и блокада Ленинграда. Записано Е. П. Лупповой через 27 лет по личным воспоминаниям. Рукопись. С. 20.

27. Старшая сестра Екатерина Павловна Луппова (1901–1987) – ученый-энтомолог, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института зоологии Таджикского отделения Академии наук СССР, ежегодно участвовала в тяжелейших научных экспедициях по Средней Азии. Один из обнаруженных ею видов паука был назван её именем – *Phrurolithus Lurrovae*. Последние годы жизни провела в Ленинграде, где, будучи уже на пенсии, занималась определением коллекции муравьиных львов Зоологического института РАН. В этот период ею были составлены определительные таблицы муравьиных львов фауны европейской части СССР (1987).

28. Елизавета вспоминает, что, вернувшись в Ленинград и поселившись в их квартире на канале Грибоедова, Сергей «очень пострадал от кражи квартиры нашими новыми соседями, и не имея даже костюма, до глубокой осени ходил в белых брюках». (*Луппова Е. П.* Война и блокада Ленинграда. Записано Е. П. Лупповой через 27 лет по личным воспоминаниям. Рукопись. С. 20).

А. Н. Копанева, Н. П. Копанева

Николай Александрович Копанев – хранитель Библиотеки Вольтера

АННОТАЦИЯ

В статье представлена история создания Центра изучения эпохи Просвещения в Российской национальной библиотеке и особого зала для хранения Библиотеки Вольтера; отражена роль хранителя Библиотеки Вольтера Н. А. Копанева в создании научно-просветительского центра и особого хранения библиотеки французского просветителя.

Ключевые слова: Библиотека Вольтера, Центр изучения эпохи Просвещения, Н. А. Копанев, Российская национальная библиотека.

Николай Александрович Копанев (1957–2013) работал в Библиотеке Академии наук в Научно-исследовательском отделе истории книги с 1980 по 1994 г. В 1994 г. он был принят в Российскую национальную библиотеку (далее – РНБ) на должность заведующего сектором редких книг, а с 2003 г. стал руководителем созданного им Центра изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» [1].

Престижное и почетное место работы для исследователя, если смотреть с позиций ученого, пользователя библиотеки, но не ученого-библиотекаря. Только библиотекарь знает, какая ответственность скрывается за этим словом – «хранитель». Ответственность для Николая Александровича, как оказалось, была не только в том, чтобы держать высокую научную планку его предшественников [2]. Задача была драматичней и, пожалуй, в середине 1990-х, сложнее.

Основная проблема, которая сразу же встала перед Н. А. Копаневым – это физическое сохранение Библиотеки Вольтера и других уникальных коллекций, которые были размещены в том же помещении сектора редких книг. Противопожарная защита хранилищ, охранная сигнализация были недостаточны, электропроводка нуждалась в существенном обновлении. Уже в декабре 1994 г. в служебной записке директору РНБ В. Н. Зайцеву (1938–2010) Н. А. Копанев писал:

«К сожалению, фонд редких книг оказался сегодня наименее защищенной частью Библиотеки. Опасность пожара, затопления от прорыва отопительной системы или просто прямого грабежа именно в этом фонде является очень значительной. Возникновение пожара – основная опасность, которая угрожает фонду редких книг. За последний год в секторе было два случая оплавления дросселя лампы дневного освещения в непосредственной близости от Библиотеки Вольтера. <...> В первом случае лампа взорвалась и стала разбрасывать искры на стеллажи, во втором – она была демонтирована за три минуты (по словам электрика) до взрыва. Второй случай произошел 2 декабря 1994 г. К счастью, и пожарная охрана, и электрик оказались на месте» [3].

Была и другая проблема. В одном помещении с сектором редкой книги размещался Фонд групповой обработки (далее – ФГО), отделенный от Библиотеки Вольтера и других коллекций лишь фанерной перегородкой, которая не была сплошной и не доходила до потолка. График работы сотрудников ФГО и сектора редких книг не совпадал, поэтому по субботам и воскресеньям, а также после 18.00. в другие дни читатели ФГО находились по существу в одном помещении с сектором редких книг. Таким положением дел возмущался ещё Александр Хаимович Горфункель, возглавлявший сектор редких книг с 1988 по 1993 г. И он писал служебные записки о том, что рубильник от ламп дневного света находился в помещении ФГО и оставался включенным по вечерам, в субботу и воскресенье, когда в секторе редких книг не было сотрудников.

Полумеры, на которые в тяжёлые 1990-е гг. могла пойти РНБ, не помогали. Но Николай Александрович всегда отмечал подвижническую работу в этих тяжелейших условиях хозяйственных служб РНБ. Энергетиками разрабатывались схемы, которые позволили бы избежать повторения кризисных ситуаций; была перенесена трансформаторная подстанция, которая находилась в непосредственной близости с помещением фонда сектора редких книг. По этому поводу в своём докладе «Центр изучения эпохи Просвещения “Библиотека Вольтера”: история создания и первые годы работы», сделанном на Международной научной конференции «Вольтеровские чтения 2011», Николай Александрович отмечал: «Я упоминаю об этом сейчас, потому что казалось бы незаметная работа дирекции и наших хозяйственных служб по существу явилась спасительным решением для сектора редких книг, включая Библиотеку Вольтера» [4].

Чтобы было понятно положение, в котором длительное время находилось уникальное собрание сектора редких книг, процитируем

ещё одну служебную записку Н. А. Копанева, направленную директору РНБ в январе 2001 г.: «19 января 2001 года в 14.40. в Секторе редких книг (7-й зал) произошло очередное чрезвычайное происшествие, чуть было не повлекшее самые тяжелые последствия. После короткого замыкания в лампе дневного освещения, висевшей непосредственно рядом со [шкафами] Библиотеки Вольтера, произошло возгорание с выделением [такого] большого количества дыма, <...> что даже через 3 часа запах горелой проводки чувствовался от читательского входа в библиотеку до столовой. Ситуация была столь опасна, что несчастья удалось избежать только благодаря тому, что в Секторе в этот момент находились два специалиста-электрика, а также четверо из шести сотрудников Сектора. По стечению обстоятельств, именно в этот момент проходило запланированное Вами совещание по созданию Зала Вольтера и перспективам реконструкции всего 7-го зала. <...>

Как я уже Вам сообщал, это не первый аварийный случай с электрической системой 7-го зала. За последние четыре года было несколько оплавлений дросселей, а также одно возгорание светильника в коридоре. Предпоследний такой случай произошел в декабре 2000 года. Во всех этих случаях составлялись соответствующие документы, передававшиеся в пожарную охрану и главному энергетiku РНБ. По факту возгорания светильника в читальском коридоре была создана по Вашему распоряжению специальная комиссия. Об этом случае возгорания было сообщено в средствах массовой информации. К сожалению, надо констатировать, что положение дел сегодня по сравнению с прошлым годом не улучшилось. В настоящий момент ситуация очевидна даже неспециалисту: вся электрическая система 7-го зала, в котором находятся русские первопечатные книги, библиотека Вольтера, библиотека Сухопутного шляхетного корпуса, коллекция изданий Петровской эпохи, коллекция изданий времен Парижской коммуны, а также подсобная библиотека, и через которую проходит фанерный читательский коридор, находится в аварийном состоянии и требует незамедлительного или полного, или частичного демонтажа. Насколько я понимаю, электрические провода просто не выдерживают той нагрузки, которой они подвергаются при включении всех ламп в Секторе редких книг. Этот факт не столь очевиден в светлое время года, но зимой во время максимального использования электричества электросистема не справляется с нагрузкой, что, в конечном итоге, может привести к пожару (все без исключения сбои происходили в декабре-январе).

Уважаемый Владимир Николаевич, для избежания пожара прошу Вас взять под свой контроль этот участок работы. <...> Необходимо воспользоваться проектировочными работами по созданию зала Вольтера для полной замены электрической системы в 7-ом зале, что необходимо включить в техническое задание. Очевидно, что если это не сделать сейчас, то крайне велика опасность пожара» [5].

Как видим, сложившаяся ситуация в любой момент могла привести к катастрофе. Но Н. А. Копанев не ограничивался констатацией фактов возгораний. Он начал интенсивную работу по изменению положения коллекций сектора редких книг и, в частности, Библиотеки Вольтера, понимая, что одними усилиями РНБ изменить ситуацию было невозможно: необходим был большой российско-французский проект.

В начале 1995 г. Н. А. Копанев предлагает проект создания Института Вольтера, который стал бы научным центром по изучению наследия великого французского просветителя, а также центром исследования европейской культуры XVIII в. Разрабатывая проект, Николай Александрович как историк книги считал необходимой работу по изучению не только библиотеки Вольтера, но и реконструкции библиотек Дидро и Екатерины II, чем Копанев к тому времени уже начал заниматься. Один из вариантов проекта назывался «О создании Центра хранения и изучения библиотек Вольтера и Дидро»: «Проблема научной реконструкции библиотеки Дидро поднималась многими исследователями, в том числе и французскими. Однако при отсутствии каталога эти поиски приводили к находкам лишь единичных экземпляров. Проведя соответствующее исследование, нам удалось в 1996 г. установить библиотечный признак, пользуясь которым можно восстановить первоначальный состав библиотеки Екатерины II, а значит основной фонд библиотеки Дидро. Представляется, что в настоящее время возникли реальные предпосылки для создания специального научного центра или института (в стенах Российской национальной библиотеки), который взял бы на себя как физическое сохранение в России книг и рукописей Дидро и Вольтера, так и их изучение. Такой центр дал бы возможность русским и зарубежным исследователям объединить и координировать усилия в области изучения культуры XVIII века и мог бы стать реальным фактором интеграции России в европейское сообщество» [6]. Одной из важных задач центра Н. А. Копанев видел поиск «книг Вольтера, ещё находящихся в других книгохранилищах Российской национальной библиотеки, а возможно, и в других библиотеках России, что позволит переиздать каталог библиотеки Вольтера» [7].

Для выполнения научно-информационных задач создаваемого центра необходима была установка компьютерного оборудования. «Современное состояние вольтероведения, – писал в своём проекте Копанев, – предъявляет определенные требования к уровню информационного обеспечения исследований, которое возможно при объединении усилий ученых-вольтероведов России, Франции, Германии, Англии, Швейцарии и других стран. Имея ценнейшую научную и информационную базу в виде библиотеки и коллекции рукописей Вольтера, Российская национальная библиотека может стать координатором исследовательской, библиографической и информационной деятельности ученых, занимающихся изучением творчества Вольтера и эпохи Просвещения в целом. Поэтому оборудование «Зала Вольтера» компьютерной техникой позволит осуществлять проекты, которые позволили бы раскрыть фонды библиотеки Вольтера и предоставить европейским ученым доступ к библиотеке Вольтера с помощью электронных средств. Так, предстоит осуществить издание всех помет Вольтера на книгах его библиотеки и возможно создание специального сайта» [8].

Помимо задач сохранения библиотеки Вольтера как памятника мировой культуры, осуществления научно-исследовательских, информационных проектов, по мнению Н. А. Копанева, необходимо учитывать и ещё один очень важный момент: «Библиотека Вольтера привлекает внимание не только исследователей, но и самые широкие круги публики, продолжая и столетия после смерти великого философа выполнять просветительские функции. Многие сотни студентов, учащихся школ, учителя, просто туристы, прежде всего из Франции, считают своим долгом при посещении Санкт-Петербурга побывать в «Библиотеке Вольтера». Таким образом, библиотека и коллекция рукописей становятся и музейным объектом. Но сегодняшние условия хранения библиотеки не позволяют предоставить доступ широкой публике для знакомства с библиотекой «великого француза» даже через стекла витрин. Создание специализированного «Зала Вольтера» позволит наладить нормальную экскурсионно-просветительскую деятельность без ущерба для физической сохранности книжного и рукописного фондов библиотеки Вольтера» [9].

И в каждом проекте создания научного центра подчёркивалась важность изменения положения с физическим хранением фондов: «К сожалению, в настоящее время имеются трудности в хранении названных коллекций. Большую тревогу вызывают, например, устаревшая система электроосвещения, отсутствие кондиционеров, компьютерной техники. Вместе с тем имеется и возможность улучше-

ния условий хранения после открытия нового здания Российской национальной библиотеки на Московском пр. (в этом случае в старом здании на ул. Садовой, 18 освободятся необходимые помещения)» [10].

Разрабатывая различные варианты создания центра, Н. А. Копанев предложил выделить для Библиотеки Вольтера отдельное помещение. Так возник проект создания особого «Зала Вольтера»: «В настоящее время требуются усилия для улучшения условий хранения этого ценнейшего памятника мировой культуры, так как коллекция, включающая около 7 000 томов книг и рукописей, не выделена из состава других фондов сектора редких книг, то есть она не имеет отдельного хранилища, не имеет читального зала для работы ученых. <...> первоочередной задачей является создание отдельного хранилища для библиотеки Вольтера» [11]. Этот проект включал уже и концепцию научного центра, и перечень необходимых для его создания практических шагов. Прежде всего, выбор места для размещения библиотеки Вольтера. Николай Александрович предложил то самое помещение ФГО, о котором ранее шла речь в служебных записках. Это был не просто выбор соседних с сектором редких книг освобождающихся помещений. «Символично, – отмечал он, – что в случае размещения Института «Библиотека Вольтера» и Зала Вольтера по предлагаемой схеме памятник Екатерине II на площади Островского будет находиться напротив окон <...> Библиотеки Вольтера» [12]. Однако новые помещения требовали переоборудования: «полную реконструкцию системы электроснабжения (во избежание пожара); полную реконструкцию системы отопления и установления системы поддержания нормального климата в книгохранилище; установление современной системы пожарной и милицейской сигнализации; создание условий сейфового хранения книг и рукописей, поскольку книги из библиотеки Вольтера должны храниться на правах рукописей из-за обилия помет, комментариев их владельца» [13].

Для реализации проекта как международного, прежде всего русско-французского, и получения дополнительного финансирования необходимо было привлечь к нему внимание Франции. В 1997 г. планировался визит в Россию Президента Франции Жака Ширака. И Копанев поставил перед собой задачу добиться того, чтобы в программу визита французского Президента было включено посещение Российской национальной библиотеки и, прежде всего, Библиотеки Вольтера. Это предложение вызвало скептические, иронические оценки со стороны ряда коллег. Но Николай Александрович не сдавался: слишком велика могла быть цена бездействия.

Он вступил в переписку с тогдашним российским послом во Франции Юрием Алексеевичем Рыжовым, с начальником департамента Восточной Европы МИД Франции госпожой Моник Ланшон и целым рядом других лиц. Интеллект Н. А. Копанева, сила его личности, умение убедить и привлечь собеседника на свою сторону, внутреннее и внешнее обаяние привлекали к нему самых разных людей, какие бы должности они не занимали. И даже после осуществления проектов многие из них оставались добрыми знакомыми, теми, кто радовался каждой новой встрече с хранителем Библиотеки Вольтера. Надо отметить, что и потом, когда был создан Зал Вольтера, Николай Александрович очень серьезно и внимательно относился к тем, кто приходил познакомиться с Библиотекой Вольтера. Для каждого нового посетителя он готовил те книги, которые могли бы заинтересовать именно этого человека, и неважно, кто это был: иностранный премьер-министр, наследный принц, армянский католикос или маленькие, шмыгающие носами кадеты.

Так официальный визит Президента Франции в Россию завершился посещением Библиотеки Вольтера. Господин Жак Ширак поддержал идею создания научного центра на базе Библиотеки Вольтера. «Ваша идея, – писал он 14 апреля 1998 г. Н. А. Копаневу, – создать в Санкт-Петербурге международный центр по исследованию европейской культуры XVIII в. всецело привлекает мое внима-

ние, но нуждается в предварительном глубоком изучении. Я приглашаю Вас информировать нашего Генерального консула в Петербурге о развитии Вашего проекта» [14]. Однако критическая ситуация с хранением Библиотеки Вольтера требовала значительного ускорения процесса, чему могло бы помочь формирование во Франции общественного мнения о необходимости создания особого зала для Библиотеки Вольтера. Визит Президента Франции, конечно, имел большое значение. В РНБ стали поступать предложения о проведении во Франции больших престижных выставок. На следующий год после визита в РНБ Жак Ширак взял под свой патронаж выставку, организованную Библиотекой совместно с Музеем Ж.-Ж. Руссо в г. Монморанси. Понимая, как трудна для экспонирования книга, Николай Александрович, разрабатывая концепцию выставки, привлек к участию в ней Государственный Эрмитаж и Музей-заповедник Павловск. Выставка «Екатерина II – читательница Жан-Жака Руссо», которая торжественно открылась в сентябре 1998 г., привлекла внимание самой широкой общественности Франции от школьников, которых стали привозить в Музей Руссо автобусами, до специалистов, которые имели возможность увидеть самые замечательные произведения Руссо с пометами Вольтера. На следующий год, в июне 1999 г., в Париже, в здании Кассационного суда Франции, прошла выставка «Вольтер – правосудие и общественное сознание». В день открытия выставки в зале Кассационного суда Н. А. Копанев выступил с докладом, который произвел на публику сильнейшее впечатление. Это был поистине триумф Российской национальной библиотеки и хранителя Библиотеки Вольтера как исследователя.

Строительные работы по созданию Зала Вольтера начались в 2001 г. под руководством директора РНБ В. Н. Зайцева, его заместителя В. И. Александрова и архитектора РНБ А. Г. Бакусова. А в начале 2002 г. Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге А. Н. Кельчевский сообщил, что правительство Франции окажет финансовую поддержку проекту. Через некоторое время к проекту присоединилась Национальная ассамблея Франции. Однако, несмотря на оказанную французской стороной помощь, Н. А. Копанев всегда подчёркивал, что финансирование со стороны российских организаций, прежде всего, Министерства культуры, было не меньшим, чем со стороны Франции.

Николай Александрович вникал во все детали работ. Архитектору Александру Георгиевичу Бакусову он писал: «Я ещё раз просчитал возможности размещения библиотеки Вольтера в помещении бывшего ФГО, будущем «Зале Вольтера». Все книги, принадлежавшие

Вольтеру, вполне помещаются на предполагаемых площадях при максимальном использовании всех стен зала. <...> необходимо отказаться от идеи второй большой двери в «Зале Вольтера». Архитектурно эта дверь будет в первую очередь привлекать внимание посетителей, в то время как при входе в «Зал» должен открываться вид на книги. С другой стороны, такая массивная дверь просто не может быть навешена на бетонно-гипсовую перегородку, которую предполагается ставить <...> за счет этой двери сохраняется необходимая площадь для полного размещения всей библиотеки Вольтера. В крайнем случае, если необходимость второй двери диктуется соображениями пожарной безопасности, возможно предусмотреть небольшую «потайную» дверь в глубине зала, например, в правом дальнем углу от входной двери, как это сделано в Зале Фауста. Необходимо предусмотреть увеличение высоты шкафов до предельно возможной, примерно 3 метра 40–50 сантиметров. При этом предусмотреть, что шкафы будут плотно прилегать к плоскостям стен, будут являться как бы шкафами-стеллажами наподобие тех шкафов-стеллажей, которые устроены в 8-ом зале Сектора редких книг, где хранятся издания альдов и эльзевиров (зал с бюстом Петра I). Стеллажи 8-го зала имеют ещё то преимущество, что две нижние полки, предназначенные для хранения книг большого формата шире, чем верхние. Они более соответствуют концепции «Зала Вольтера», удобны для размещения книг; их можно приспособить для небольших выставочных витрин» [15]. Не все замечания и предложения Н. А. Копанева принимались: у него вызывали сомнения качество шкафов, рациональность формы выставочных витрин. Но времени уже не было: открытие Зала Вольтера планировалось к 300-летию Санкт-Петербурга.

Центр изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» торжественно, в присутствии премьер-министров России и Франции, открылся 28 июня 2003 г.

В 2007 г. Николай Александрович Копанев был награждён Орденом Почётного легиона. Довольно интересна история этого награждения. Как-то группа жителей французского департамента Верхняя Марна (Haute-Marne), приехав в Петербург, посетила Библиотеку Вольтера. (К тому времени новый Зал Вольтера стал своеобразным местом паломничества французов, которые хотели посмотреть библиотеку и встретиться с её хранителем). Они были настолько впечатлены этой встречей, что, вернувшись домой, обратились к своему сенатору с просьбой наградить Monsieur Conservateur. Так Николай Александрович Копанев по просьбе жителей Верхней Марны стал кавалером Ордена Почётного Легиона.

С 2003 г. в РНБ по инициативе Н. А. Копанева стали проводиться «Вольтеровские чтения» – ежегодная Международная научная конференция. В 2014 г. прошли очередные, десятые, «Вольтеровские чтения». Они были посвящены памяти хранителя Библиотеки Вольтера Н. А. Копанева, сделавшего все возможное и невозможное для спасения этого замечательного памятника европейского Просвещения.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об истории создания Центра изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» Н. А. Копанев докладывал в РНБ на Международной научной конференции «Вольтеровские чтения – 2011», посвящённой 150-летию хранения и изучения Библиотеки Вольтера в РНБ. Материалы этой конференции были изданы в 2015 г. (Вольтеровские чтения: сб. науч. тр. СПб., 2015. Вып. 3). Однако по неизвестной нам причине доклад Н. А. Копанева опубликован не был. Нами на основе доклада была подготовлена статья Н. А. Копанева, принятая в сборник Музеев Московского Кремля.
2. Непосредственными предшественниками Н. А. Копанева на этом посту были Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968) и Лариса Лазаревна Альбина (1929–1993).
3. Цит. по копии из личного архива Н. А. Копанева.
4. Рукопись доклада хранится в личном архиве Н. А. Копанева.
5. Цит. по копии из личного архива Н. А. Копанева.
6. Проект «О создании Центра хранения и изучения библиотек Вольтера и Дидро». Из личного архива Н. А. Копанева.
7. Проект «О создании “Зала Вольтера” – Центра хранения и изучения библиотеки Вольтера в Российской Национальной библиотеке». Личный архив Н. А. Копанева.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Проект «О создании “Зала Вольтера” – Центра хранения и изучения библиотеки Вольтера в Российской Национальной библиотеке». Личный архив Н. А. Копанева.
12. Там же.
13. Там же.
14. Пер. с фр. языка. Личный архив Н. А. Копанева.
15. Копия служебной записки архитектору РНБ А. Г. Бакусову (копия В. И. Александрову). Личный архив Н. А. Копанева.

А. В. Вознесенский

Ранние московские шрифты: проблема «перекрещивания строк»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается самый ранний период истории книгопечатания в Москве, причем основное внимание автор уделяет системе применения шрифтов и проблеме «перекрещивания строк». Предпринята попытка проанализировать разновидности московских кирилловских шрифтов и технические сложности, с которыми столкнулись первопечатники.

Ключевые слова: *начало книгопечатания в Москве, кириллические издания, шрифты, явление «перекрещивания строк».*

Когда речь заходит о шрифтах, которые использовались в отечественном книгопечатании, на первый план, как правило, выступают петровская реформа 1708 г. и появившийся в ее итоге новый, приближенный к антикве, так называемый «гражданский» шрифт, тогда как кирилловский шрифт, более полутора столетия употреблявшийся до этого, удостоивается лишь мимолетного упоминания, обычно – в качестве того, что предшествовало новому. Подобное отношение к кирилловскому шрифту легко продемонстрировать на примере монографии А. Г. Шицгала, посвященной русскому типографскому шрифту: рассказ о нем занимает в исследовании 17 страниц, на которых, к тому же, размещено 12 иллюстраций, из них 9 – на всю страницу [1]. При этом и сам автор не смог не признать чрезвычайную краткость приводимых сведений, не избежав, впрочем, нескольких весьма рискованных заявлений. Так, в частности, сопоставив шрифты трех анонимных изданий по высоте очка литер, он предположил, что «широкошрифтное Четвероевангелие, видимо, использовалось для чтения вслух во время служб, а узко- и среднешрифтное – главным образом для индивидуального чтения» [2], хотя это, конечно, было совсем не так.

Вполне очевидно, что все три московских издания Евангелия имели одинаковое назначение, а разница в величине шрифтов определялась представлениями тех лиц, которые их резали, о том, каким должен быть крупный шрифт. Употребление крупного шрифта, который Н. П. Киселев считал характерной особенностью литургических книг [3], было на самом деле очень ограниченным. Обычно им печатались Евангелия и большеформатные, так называемые «налойные» Псалтири. Для других богослужебных книг требовался средний шрифт, реже, как, например, в случае со Святцами, и вовсе – мелкий шрифт. Примечательно, что эта система применения шрифтов была усвоена московским книгопечатанием изначально; вероятно, ее заимствовали из рукописной традиции, однако судить об этом с полной определенностью не представляется возможным, главным образом – из-за плохой изученности рукописей, современных первым московским типографским опытам. В любом случае она сохранялась на протяжении всего XVII в. и части XVIII в., а после введения в книгопечатание гражданского шрифта была перенесена и в эту отрасль русского типографского дела [4].

Если учитывать принятую в Москве систему применения шрифтов, то их большое, на первый взгляд, количество при начале книгопечатания (5 для 7 изданий) перестает вызывать удивление. В деятельности анонимной типографии было два четко различимых этапа: ранний и поздний, и на каждом из них в ней печатались книги, требовавшие для себя и крупный (Евангелия и «налойные» Псалтирь), и средний (Триоди постная и цветная) шрифты. Таким образом, создание двух комплектов из крупного и среднего шрифтов представляется вполне закономерным, остается лишь необходимость объяснить то, почему на самом раннем этапе было вырезано сразу два крупных шрифта.

Попытки проанализировать шрифты наиболее ранних московских книг предпринимались не часто. Серьезное внимание на них обратили только А. С. Зернова, видевшая в этом возможность определить последовательность печатания анонимных изданий, да Е. Л. Немировский, с одинаковой легкостью пускавшийся также в описание состава богослужебных книг и рассуждавший о русской орфографии середины XVI в. В отличие от А. С. Зерновой, рассматривавшей лишь степень архаичности шрифтов и положившей в основание своих выводов анализ начертания букв [5], Е. Л. Немировский решился высказать мнение о том, как происходило печатание книг в самую раннюю пору и как именно использовались шрифты перво-типографами [6]. При этом он не побоялся снабдить свои рассужде-

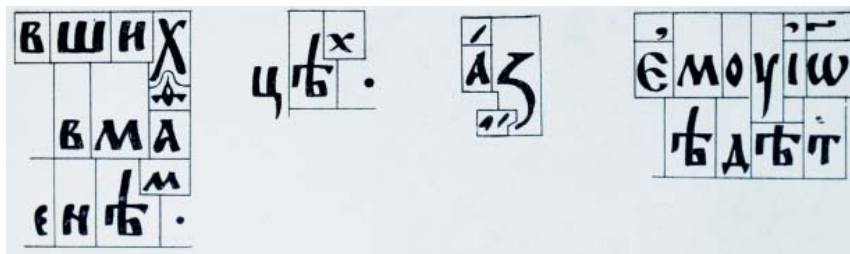

Рис. 1: Пример того, как, по мнению Е. Л. Немировского, работал наборщик среднешрифтного Евангелия

ния рисунками, которые демонстрировали, что печатники занимались мозаичным набором и едва ли не художественной резьбой по литерам (рис. 1) [7]. Нужно думать, на самом деле все происходило несколько иначе.

Типографы в начале книгопечатания в Москве действительно использовали два вида шрифтов, различия между которыми носили принципиальный характер. Один из них – шрифт анонимного узкошрифтного Евангелия – был создан в стремлении избежать трудностей набора, связанных с «перекрещиванием строк», под которым, используя определение Е. Л. Немировского, следует понимать ситуацию, когда «линия верхних выносных элементов второй строки заходит выше линии нижних выносных элементов первой строки» [8]. Необходимо заметить, что «перекрещивание строк» не было искусственным изобретением типографов; напротив, с его помощью передавались особенности рукописного текста, в котором выносные элементы литер традиционно были излишне велики.

Предпринятая при печатании узкошрифтного Евангелия попытка типографов избежать перекрещивания строк, к сожалению, закончилась провалом. Резчики шрифта стремились уйти от него посредством уменьшения величины выносных элементов (рис. 2), а также создания литер, в которых буква сочеталась с надстрочным знаком, причем делалось это не только для гласных, но и для согласных: нельзя не обратить внимание на беспрецедентное употребление в тексте паерка, связанное как раз с тем, что в шрифте имелся целый набор согласных с паерком (рис. 3). Вместе с тем создатели шрифта не сумели предусмотреть всех случаев, которые могли им встретиться при наборе текста, отчего и были вынуждены порою прибегать к нестандартным решениям.

Судя по всему, шрифт отливался на два кегля – основной и укороченный. Основной кегль характеризовался довольно большими раз-

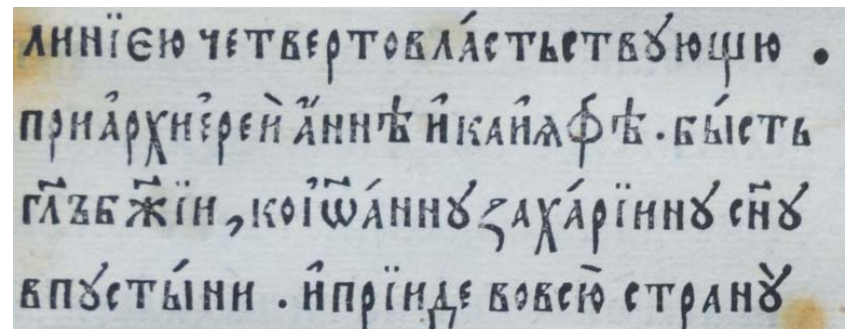

Рис. 2: Узкошрифтное Евангелие. Уменьшение величины выносных элементов литер позволяло избежать «перекрещивания строк»

мерами, достаточными для того, чтобы разместить в пределах кегля как верхний, так и нижний выносные элементы литер. На верхнем заплечике также могли располагаться надстрочные знаки. Уменьшение размера кегля производилось за счет верхнего заплечика литеры. Освободившееся место могло быть заполнено пробельным материалом или выносными буквами, когда требовалось набрать слово в сокращенном виде, так как употребление сокращений для ряда

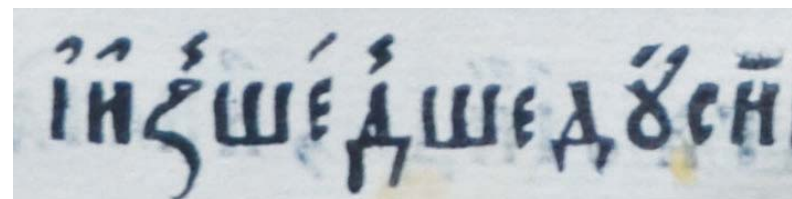

Рис. 3: Узкошрифтное Евангелие. Согласные с паерком, отлитые как одна литера

слов составляло одну из характерных особенностей любого текста той поры. В этих случаях типографам далеко не всегда удавалось набирать текст так, чтобы избежать перекрещивания строк. Нужно думать, поэтому им приходилось подрезать отдельные литеры верхней строки, причем порою отсекалась не только часть нижнего заплечика, но и фрагмент очка литеры, если, конечно, литера имела нижний выносной элемент (рис. 4). Естественно, при таком наборе возникали дополнительные проблемы – проблемы с выравниванием строк.

Использование подобного шрифта, как и его изготовление, доставляло немало хлопот мастерам. Словолитчики были вынуждены производить множество разновидностей литер, имея недо-

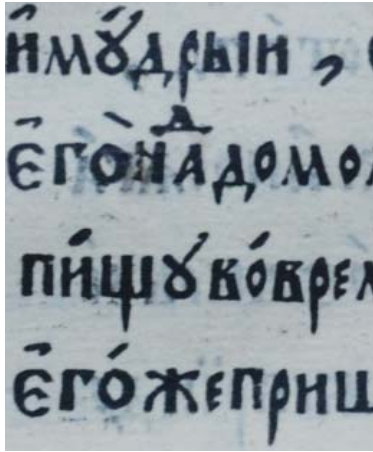

Рис. 4: Узкошрифтное Евангелие. Невозможность совмещения литер вела к обрезке литеры

статочно хорошее представление о потребностях типографии в этих разновидностях [9] и подчас занимаясь из-за этого бесполезной работой; наборщики не могли не испытывать дискомфорта при необходимости работать с чрезмерно разросшейся кассой. При рассмотрении процесса печатания узкошрифтного Евангелия нетрудно представить, насколько он был трудоемок, и это заставляет предполагать, что создание шрифта, использованного в этом издании, стало первым опытом русских мастеров типографского дела. Примечательно, что этот шрифт оказался единственным, который не получил уменьшенного двойника, поскольку в дополне-

ние к шрифтам среднешрифтного и широкошрифтного Евангелий, также относившимся к разряду крупных, были созданы шрифты средние, которые использовались для печатания Триоди постной и Триоди цветной соответственно.

В дальнейшем, при выпуске среднешрифтных Евангелия и Псалтири, а также Триоди постной, от подобного многообразия литер было решено отказаться. И добиться этого типографы попытались посредством уменьшения кегля литер до величины, позволявшей главную роль в создании межстрочного пространства играть не запличикам литер, а пробельному материалу. Именно им, а при необходимости – шрифтовыми элементами с надстрочными знаками и выносными буквами, предполагалось заполнить пустоты, возникавшие в связи с уменьшением кегля; из надстрочных знаков, выносных букв и пробельного материала теперь создавалась отдельная строка и подставлялась в итоге к строке, составленной из литер.

Этот прием использовался при издании книг кирилловским шрифтом и позднее, еще даже в конце XIX в., но лишь тогда, когда словолитчики отдавали предпочтение наиболее простому для того времени способу отливки литер – без подрезки очка. Два других способа – с подрезкой очка и с беспольными буквами – при начале отечественного книгопечатания, кажется, не применялись, по крайней мере, в том виде, в каком они описаны у П. П. Коломнина [10]. Выемка части ножки литеры для помещения на ее место ножки над-

строчного знака или выносной буквы представляла собою довольно сложную, требующую большой точности операцию. Вместо нее первотипографы выработали свою методику совмещения наезжающих один на другой шрифтовых элементов.

И это принесло им успех, даже несмотря на то, что шрифт на новом этапе деятельности типографии по-прежнему отливался на два кегля. Укороченный кегль был в этом шрифте основным, тогда как увеличенный кегль, размеры которого, судя по всему, соответствовали тем, которые давало бы соединение основного кегля с межстрочным пробельным материалом, использовался только для создания литер некоторых, не всех, гласных букв, сочетавшихся с надстрочными знаками, ударением и придыханием. При этом наличие у буквы выносных элементов не приводило к увеличению кегля; они стали составлять висячую часть очка литер, подкладкой под которую становилось все, чем заполнялось межстрочное пространство. Таким образом, типографы достигли решения сразу трех задач: во-первых, количество литер было заметно сокращено; во-вторых, отпала необходимость в уменьшении длины выносных элементов, отчего начертание литер можно было приблизить к традиционному; в-третьих, совмещение строк не требовало обрезки литер, так как выемки под выносными элементами делались уже при отливке шрифта.

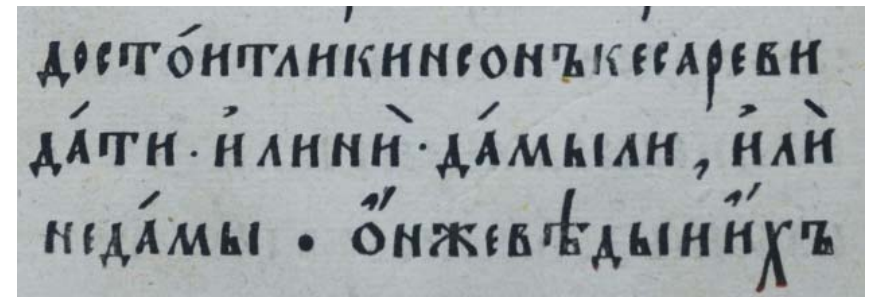

Рис. 5: Среднешрифтное Евангелие. Буква «И» не была отлита с ударением как одна литера

О том, что в анонимной типографии применялась именно такая методика, говорят фиксируемое в ряде случаев отсутствие связи очка литеры с надстрочным знаком (рис. 5), а также появление и применение способов, помогавших наборщику совместить литеры с выносными знаками, требующими дополнительного места на соседней строке. Эти способы были изобретены почти сразу после того, как новые методы набора стали использоваться, хотя намного более яркие их примеры дает позднейшее время.

Когда возникало противостояние выносных элементов литер соседних строк, или нижний выносной элемент литеры, стоящей на верхней строке, сталкивался с надстрочными знаками, необходимыми для строки, расположенной ниже, типографы, естественно, пытались развести противостоящие литеры. Факты, свидетельствующие

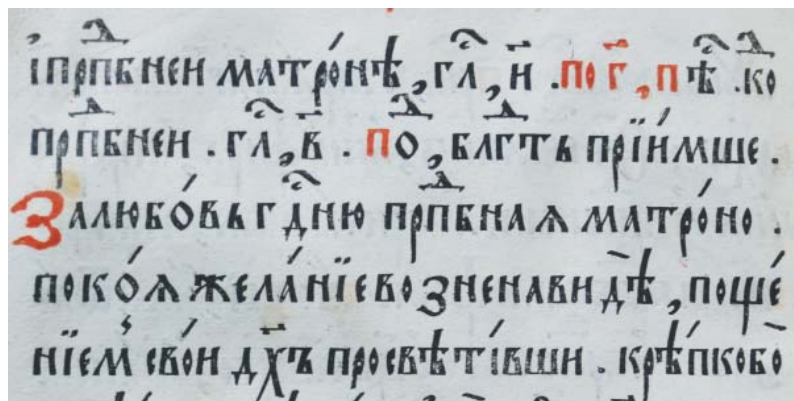
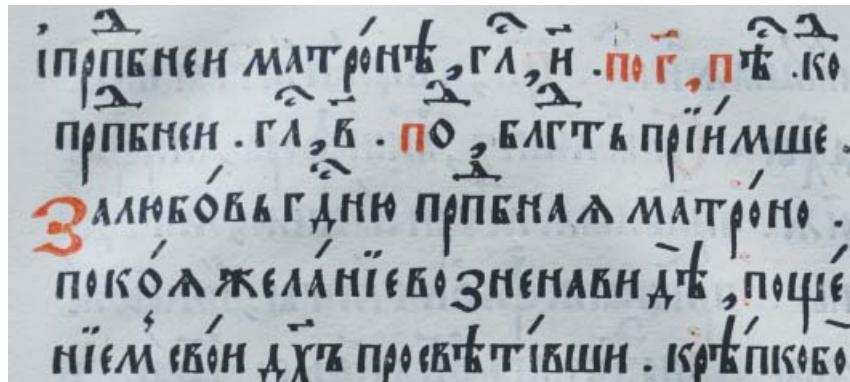

Рис. 6-7: Варианты в Уставе (М., 1610)

о подобных действиях типографов, трудно заметить, они становятся очевидными, когда из-за этого появлялись варианты набора (рис. 6, рис. 7), либо нарушалась выключка строк. Еще труднее найти соответствующие доказательства в самых ранних анонимных изданиях, в которых не соблюдалась выключка строк по правой стороне, а разделение текста на слова посредством шпаций было нерегулярным. Впрочем, наборщики анонимной типографии редко использовали сдвигку набора, стараясь совместить выносные элементы литер без

этого (рис. 8). Намного чаще они прибегали к другим приемам: они либо сгибали висячие части очка литеры (рис. 9), либо их обрезали, причем обрезаться могли как нижний или верхний выносные элементы одной из литер (рис. 10), так и одновременно выносные элементы сразу двух литер.

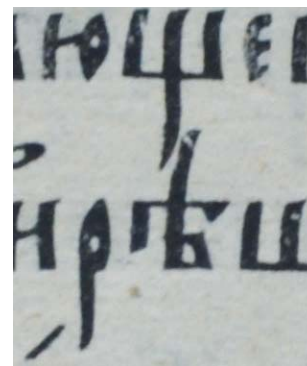

Рис. 8: Среднешрифтное Евангелие. Пример совмещения выносных элементов литер

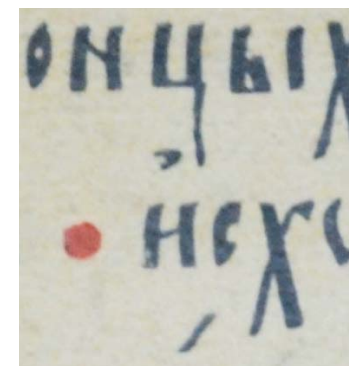

Рис. 9: Среднешрифтная Псалтирь. Пример изгиба выносного элемента литеры

Применение новых приемов набора позволило типографам заняться обогащением шрифта с точки зрения начертания литер. Рисунок букв в узкошрифтном Евангелии был довольно беден, что определялось как стремлением к тому, чтобы избежать перекрещи-

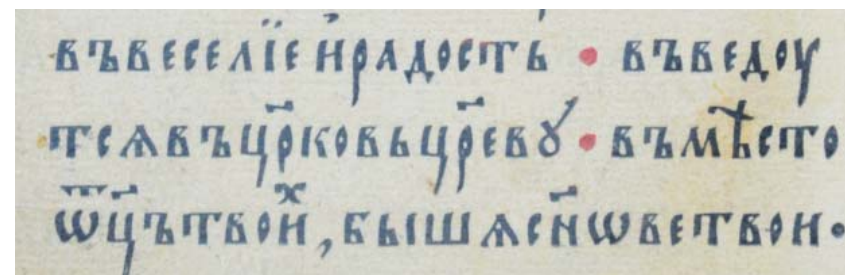

Рис. 10: Среднешрифтная Псалтирь. Пример обрезки выносного элемента литеры

вания соседних строк, так и большим числом разновидностей одной литеры, различия между которыми состояли в употреблении разных надстрочных знаков. Для среднешрифтных Евангелия и Псалтири, а также Триоди постной, вместо литер с надстрочными знаками решили отлить ряд дополнительных литер, в частности, литеры, упо-

треблявшиеся в особых случаях, а также имевшие особую, отличающуюся от традиционной, форму.

Среди литер, употреблявшихся в особых случаях, следует назвать несколько вариантов буквы «О», а именно: «О с точкою» для слова «око», «О с двумя точками» для слова «очи», «О с крестом» для слова «окрест». Наконец, нельзя не обратить внимания на лигатуру «АУ», применявшуюся преимущественно в словах с корнем «Рад-», когда после него следовала буква «У». Можно было бы предположить, что посредством их воспроизводились особенности рукописных оригиналов, однако убедительных доказательств этому пока не находится, поскольку нерегулярное употребление лигатуры «АУ» в Триоди постной может как отражать особенности оригинала, так и свидетельствовать о невнимательности наборщика. Более вероятным представляется то, что резчики шрифтов и наборщики употреблением подобных литер продемонстрировали хорошее знание существовавшей в то время рукописной традиции, в которой отдельные слова имели особое написание.

Отражением этого знания стало и появление в новых шрифтах литер, имевших особую форму и дублировавших литеры более тра-

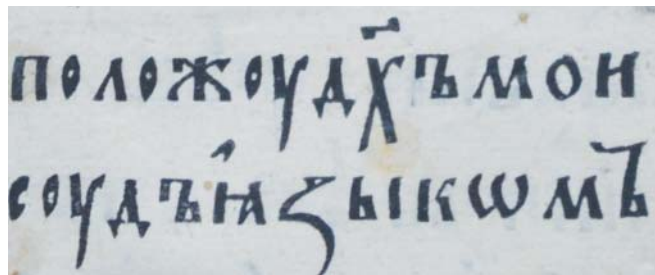

Рис. 11: Среднешрифтное Евангелие. Варианты литеры «Ъ»

диционной формы. Из них в новом крупном шрифте получили употребление литеры «ять», «Т» и «Ъ» с высокой мачтой (рис. 11), а также «Д» с длинными нижними выносными элементами, а в среднем шрифте – «Р» без нижнего выносного элемента и «Ц» с укороченным нижним выносным элементом. Причины появления подобных литер, нужно думать, были неодинаковы, поскольку увеличение выносных элементов литер служило сближению типографских шрифтов с письмом рукописных книг, а их уменьшение отражало понимание невозможности иным способом избежать перекрещивания строк, или, вернее, показывало боязнь не справиться с этим явлением.

Поэтому в среднем шрифте, шрифте Триоди постной, возможно,

следует видеть отражение переходного этапа в решении стоявшей перед типографами проблемы, когда возвращение к рукописному начертанию букв было уже предпринято, но уверенности в своих силах еще не возникло. Гарнитура крупного шрифта свидетельствует об обретении печатниками такой уверенности, причем степень ее была весьма высока, о чем, как представляется, и говорит вырезка таких литер, размещение выносных элементов которых требовало дополнительного пространства не только сверху или снизу, но и над соседней литерой.

На новом этапе деятельности анонимной типографии также были вырезаны два шрифта: крупный и средний, однако в них не осталось и следов былого разнообразия. Их создателями двигали соображения рациональности, пусть это и отдаляло печатные книги от рукописных. Впрочем, отсутствие стремления к уподоблению печатных книг рукописным в ту пору видно и по появлению в новых анонимных изданиях выключки по правой стороне полосы набора. Со временем многие приемы печатания кириллических изданий были заметно усовершенствованы, однако и достижения первопечатников долгое время находили себе применение.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шицгал А. Г.* Русский типографский шрифт: вопросы истории и практика применения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 14–30.
2. Там же. С. 15.
3. *Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга: исследование и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 134.
4. *Гордеева М. Ю.* Шрифты Санкт-Петербургской типографии. 1711–1727 гг. // Три столетия русского гражданского шрифта (1708–2008): материалы науч. конф. «Иные гражданские книги печатать темиж новыми азбуками...». ([Москва], 3 июня 2008 г.). М., 2008. С. 64.
5. *Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. С. 9–14.
6. *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 162–164, 188–192, 204–206, 235–236, 288–289.
7. Там же. С. 220–221.
8. Там же. С. 189.
9. Отсутствие достаточного количества необходимых литер заставляло наборщиков использовать те, которые имелись в наличии, что, в свою очередь, порою приводило к их подрезке.
10. *Коломнин П. П.* Краткие сведения по типографскому делу: репринт изд. 1899 г. М., 2008. С. 447–450.

М. Ю. Гордеева

«Архитектурные огородные уборы» или «Куншты садов»

АННОТАЦИЯ

Альбомы гравюр петровского времени, получившие в научной литературе наименование «Куншты садов» и содержавшие чертежи парковых строений, назывались современниками «Огородные уборы». Инициатива их издания принадлежала Петру I. 78 гравюр, распределенных в три тетради, были исполнены в гравировальной мастерской Санкт-Петербургской типографии в 1718 г. и неоднократно печатались до 1722 г. В статье уточняется состав тетрадей, дальнейшая судьба гравированных досок и отпечатанных альбомов.

Ключевые слова: альбом гравюр, гравированная доска, оттиск, садово-парковое искусство, петровское время.

Альбомы гравюр петровского времени, получившие в научной литературе название «Куншты садов», известны давно. Они содержат гравюры с изображениями парковых строений или «огородных уборов», как их тогда называли (огород – это парк, сад). Б. Р. Виппер назвал их первыми русскими увражами [1]. Однако, это не роскошное художественное издание: гравюры близки по характеру исполнения к чертежам, имеющим целью практическое использование – это образцы для подражания при создании парков вокруг загородных дворцов.

Инициатива издания, несомненно, принадлежала Петру I. Увлечение царя садово-парковым искусством особенно возросло после второго путешествия в Европу в 1716 г. Гравюры, исполненные в 1718 г. в гравировальной мастерской Санкт-Петербургской типографии, составляли три тетради, которые в документах того времени именовались книгами первого, второго и третьего «манира». В каждой части листы нумерованы арабскими цифрами в правом верхнем углу. Ни заглавных листов, ни текста не было.

К этим альбомам обращаются прежде всего историки архитектуры, садово-паркового искусства и реставраторы. Единственной работой, специально посвященной этим изданиям, до сих пор остается статья Т. А. Быковой, опубликованная в 1955 г. в качестве приложения к сводному каталогу книг гражданской печати петровского времени [2]. Согласно ее описанию, в первой части – 26 листов (вазы, беседки, павильоны, голубятни) [3], во второй части 24 листа (на каждом – вид павильона и его план), в третьей (садовые ворота, птичники и фонтан) – 25 нумерованных листов и еще 4 нумерованных листа. В отличие от Т. А. Быковой, М. А. Алексеева считала, что тетрадь «первого маниру» содержала 25 листов, «второго маниру» – 24 листа, «третьего маниру» – 29 листов [4].

Т. А. Быкова основывается на единственном, «почти полном», экземпляре РНБ, в котором все три части переплетены вместе в соответствующем порядке, и ссылается на опубликованный А. В. Гавриловым документ Санкт-Петербургской типографии – список «разным званиям книг и протчого и грьдорованных листов в выходе ис печати было по годам» [5]. М. А. Алексеева использует другой документ – Приходную книгу той же типографии за 1717–1722 гг. [6]. Оба документа не противоречат друг другу, но второй дает намного более подробные сведения.

Впервые «Огородные уборы» упоминаются в Приходной книге в записи от 4 апреля 1718 г.:

Апреля в 4 день <...> в нынешнем 1718 году в феврале и в марте месяцах указом Царского Величества вновь зделанными грьдорованными досками напечатано книг архитектурных огородных уборов на листах александрийской средней руки бумаге шесть да на пищевой бумаге тритцать шесть. Итого сорок две книги в каждой разных по двадцати по пяти фигур. <...> А на печатание оных книг <...> изошло бумаги александрийской средней руки и пищевой на каждую книгу по двадцати по пяти листов. <...> велено оные книги употреблять в продажу и во всякие отпуски, напечатанные на александрийской средней руки бумаге ценою против прежних Архитектурных книг в тетрадех без переплету по два рубли по двадцати по одному алтыну. А напечатанные на пищевой бумаге по шти денег каждый лист, а книгу по двадцати по пяти алтын. А которые на александрийской и на пищевой будут в переплетах и на те цены прибавить и переплетчику за переплет платить против вышеозначенного подряду. А имянно на каждую книгу в переплете кожаном, в котором подносить царскому величеству, по одиннадцати алтын, в кожаном на продажу по десять алтын, в бумажном по три алтына по две деньги [7].

Итак, в феврале – марте 1718 г. была напечатана первая книга «Архитектурных огородных уборов», состоящая из 25 листов. Она была напечатана в двух видах – подносные экземпляры на александровской бумаге [8], предназначенные для продажи – на писчей. Цена подносных книг была определена по аналогии с предыдущим изданием, при определении цены продажных экземпляров исходили из стандартной для того времени цены за один гравированный лист – 6 денег (т. е. алтын). В этой первой записи понятие «манира» не используется. Этот термин возникает в следующей записи от 25 июня 1718 г.

В нынешнем 1718 году в разных месяцах и числах грядорванными досками напечатано <...> архитектурных огородных уборов первого манира <...>, в каждой книге по двадцати по пяти листов. <...> Второго манира <...> в каждой по двадцати по четыре листа. Третьяго манира <...> в каждой по двадцати по девяти листов, <...> которые <...> велено употреблять в продажу <...> ценою против того ж как определено Перваго маниру книгам [9].

Книги разных «маниров» отличаются количеством листов, продажная цена от объема не зависит.

«Архитектурные Огородные уборы» всех трех «маниров» продолжают печатать и дальше. При этом уже в 1719 г. сами типографы начинают путаться в определениях:

1719 году июля от 1 генваря по 1-е число 720 году грядорванными досками напечатано на пицей бумаге <...> Огородного убору двух маниров дватцать книг. В том числе одного маниру (так!) в десяти книгах по дватцати по четыре листа <...> Второго манера (так!) в десяти книгах по дватцати по пяти листов [10].

Таким образом, говорить об «издании 1718 года» в данном случае, как и вообще для целногравированных книг, не правомерно, гравированные доски использовались по мере надобности. Издание состояло из трех книг (выпусков), не воспринимавшихся создателями как единое целое. В глазах издателей выпуски различались количеством листов, при этом указание на «манир» использовалось для удобства и было довольно условно.

Тетрадь «Огородных уборов» из 25 листов, содержащая изображения садовых решеток, ворот, фонтана и птичников, представляется наиболее проработанной: все гравюры, кроме одной (с подписью Пикарта), имеют двойные рамки и одинаковую масштабную линейку внизу.

Тетрадь из 24 листов наиболее однородна, каждый лист содержит фасад и план беседки. Гравюры без рамок, масштабные линейки расположены в разных местах. В Библиотеке Петра I хранится альбом акварелей, представляющих оригиналы, с которых резались гравюры этой тетради [11].

Третья тетрадь состоит из 29 листов, хотя последний лист имеет номер 26. Это несоответствие возникло потому, что, как заметила Т. А. Быкова, в данной тетради нарушена нумерация. Этот альбом наиболее неоднороден и по составу (вазы, беседки, павильоны, голубятни) и по манере исполнения. Часть гравюр с рамками, часть без них. Наряду с хорошо проработанными гравюрами, такими, как работа А. Ф. Зубова (лист 1), встречаются и очень условные, схематичные изображения.

Итак, в «Огородных уборах» всех трех «маниров» было 78 листов. Четыре нумерованных листа, помещенных в конце экземпляра РНБ, хотя и имеют несомненное отношение к «Огородным уборам», являются, по-видимому, «пробными досками». Рисунок примитивен, нет ни рамок, ни масштабных линеек.

Т. А. Быкова попыталась связать свое описание альбома со списком «грядорванных медных досок», хранившихся в Московской Синодальной типографии в 1741 г. [12]. Впервые список досок, гравированных в Петербурге, был сделан в 1729 г., перед отправкой в Московскую Синодальную типографию [13], где доски хранили и почти ежегодно переписывали [14]. По этому списку: «Огородных уборов первого манеру – 28 досок (цена 56 руб.), Огородных уборов второго манеру – 24 доски (48 руб.), Огородных уборов третьего манеру – 29 досок (58 руб.)» [15]. В списке досок – 81 доска всех «трех маниров», а гравированных листов в альбомах, включая нумерованные – 82. Следовательно, уже в 1729 г. одна доска была утрачена. Т. А. Быкова исходила из предположения, что «Огородные уборы первого (второго, третьего) манеру» из списка досок соответствуют реально напечатанным альбомам, однако это не совсем так. Как соотносятся гравированные доски и листы альбомов, помогают понять так называемые «синодальные оттиски».

В начале 1740 г. по распоряжению Синода со всех досок московской и петербургской работы было отпечатано по два куншта с «подписью на каждом листе цены досок». Эти оттиски, с соответствующими чернильными надписями о цене, встречаются ныне в разных собраниях [16]. В НИОРК БАН, в частности, хранятся оттиски «Огородных уборов», правда, в разрозненном виде. Тем не менее, собрать их воедино позволяют упомянутые чернильные надписи.

Так, продолжающаяся на 28 листах [17] запись: «*Вы-ше-озна-чен-нымъ gry-до-ро-ван-нымъ дват-ца-ти осми до-ска-мъ це-на пят-десятъ ше-сть ру-бле-въ*» означает, что это оттиски с досок «первого манеру» (согласно списку досок). Среди них 25 досок (№ 1–22, № 25, № 26 (верх), № 26 (план)) тетради из 29 листов, одна доска (№ 25) тетради из 25 листов, две доски (№ 23, 24) тетради из 24 листов. Все 24 оттиска с досок «второго манеру» (по списку досок) – из тетради в 25 листов (№ 1–24) [18]. 29 оттисков «третьего манеру» (по списку досок) размещены на 19 листах [19]. Среди них 22 доски (№ 1–22) из тетради в 24 листа, две доски (№ 23, 24) из тетради в 29 листов и 4 нумерованные доски [20].

«Синодальные оттиски» показывают, что к началу 1740-х гг., а может быть, уже и в 1729 г., списки досок «Огородных уборов трех маниров» не соответствовали действительно выпущенным в 1718–1722 гг. книгам.

В 1718 г. было напечатано 168 экземпляров – 59 книг «первого манира» (из них 9 на александрийской бумаге), 39 книг «второго манира» (5 на александрийской), 30 книг «третьего манира» (4 на александрийской бумаге), и еще 50 экземпляров «книг трех маниров» на пищевой бумаге, без указания, какие именно «маниры» имеются в виду.

В последующие годы интенсивность печатания альбома резко снижается – в 1719 г. напечатано на писчей бумаге по 10 книг «первого и второго маниру», а в 1722 г. – 54 книги «первого и третьего маниру». Всего в 1718–1722 г. напечатано 242 экземпляра «Огородных уборов». Больше сведений о печатании альбома нет.

После закрытия Санкт-Петербургской типографии в 1727 г. все оставшиеся книги были перевезены в Московскую Синодальную типографию. В 1747 г. в Московской Синодальной типографии хранилось 86 книг «Огородных уборов», в 1751 г. – 51, 1754 г. – 24 книги. Кажется, что альбомы продолжали раскупаться. Однако, по-видимому, несмотря на сравнительно большой, условно говоря, «тираж», издание было мало известно современникам. Составители Реестров, по которым в 1728 г. книги Петра I передавались в академическую Библиотеку, не узнали эти альбомы, а составители печатного библиотечного каталога в начале 1740-х гг. посчитали их иностранным изданием [21].

В дальнейшем это издание, похоже, и вовсе было забыто. Одним из первых о нем вспомнил П. П. Пекарский, которому оно уже было известно под названием «Книга кунштов садовых» [22]. Трудно сказать, откуда возникло это название, возможно по аналогии с другим гравированным изданием петровского времени, «Куншты корабель-

ные» [23]. Так или иначе, к середине XIX в. наименование «Книга кунштов садовых» возобладало. На корешке альбома Императорской Публичной библиотеки оттиснуто «Куншты садов», о «Кунштах садов» пишет Д. А. Ровинский в Каталоге русских гравюров (1895), а в XX в. никто уже не вспоминает старое название «Архитектурные огородные уборы».

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Bunner B. P.* История европейского искусствознания. М., 1963. С. 355.
2. *Быкова Т. А.* Куншты садов // Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог: Описание изданий гражданской печати: 1708 – январь 1725 г. / сост.: Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. Приложение 4. С. 524–527.
3. При этом исследовательница отмечает, что «листов под номерами 23, 24 и 26 по два, на первых – внешний вид павильонов, на вторых – планы к ним». Там же, С. 527.
4. Алексей Федорович Зубов. 1682–1751. Каталог выставки / сост. М. А. Алексеева. Л., 1988. С. 28, 29.
5. *Гаврилов А. В.* Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии. СПб., 1911. Вып. 1. 1711–1839. Приложение.
6. РГАДА. Ф. 1882 (Приказа книг печатного дела). Оп. 2. Д. 136.
7. Там же. Л. 48 об., 49.
8. Подносные экземпляры «Огородных уборов» на александрийской бумаге находятся в собрании книг Петра I в Библиотеке Академии наук. В списках книг поступивших из «Зимнего дома в канторке» встречаются названия «О беседках» и «Еще такая же», «О решетках», «Еще две такие же». (М. Н. Мурзанова предположила, что под этими названиями имеется в виду три гравированных альбома «из 25 гравюр без места и без года, с изображением решеток» и альбом из 24 гравюр с изображениями беседок, но не связала их с конкретным изданием петровского времени. См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 235). А между тем, эти четыре выявленные ею альбомы (шифры П I ин 476–479) являются экземплярами «Огородных уборов» – 3 экземпляра «первого маниру» (один из них раскрашенный) и один экземпляр «второго маниру». Все они переплетены в одинаковые переплеты коричневой кожи «с прыском», на верхних форзацных листах однотипные чернильные пометы, характерные для книг, поступивших в Библиотеку по Реестрам. На первом и последнем листах – первоначальный штамп БАН в виде маленького орла. На обороте последнего листа каждого альбома литерные печатки иностранной части Камерного каталога (печатного каталога академической Библиотеки): в двух случаях – А. CIV (*Architectura Civilis*), в двух случаях – ICON (*Icones*). И действительно, 2 альбома «первого маниру» находим в разделе *Icones* Камерного каталога (Ч. 4, т. 1.) под № 119

и 120: *Delineationes portarum / Очертания ворот* ([*Bibliothecae Imperialis petropolitanae*. P. I–IV. Petropoli, 1742. P. 39).

9. Там же. Л. 51 об. – 52 об. На эту запись ссылалась М. А. Алексеева. См.: Алексей Федорович Зубов. 1682–1751. Каталог выставки. С. 29.

10. РГАДА. Ф. 1882. Оп. 2, Д. 136. Л. 77, запись от 26 ноября 1719 г.

11. Шифр П I Б № 114. Описание см. в кн: Библиотека Петра I: Описание рукописных книг / автор-сост. И. Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 225, 226.

12. *Быкова Т. А.* Куншты садов... С. 526. Список опубликован: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1908. Т. 20. Стб. 789.

13. *Алексеева М. А.* Судьба медных гравированных досок Петровского времени // *Алексеева М. А.* Из истории русской гравюры XVII – начала XIX в. М.; СПб., 2013. С. 108, 109.

14. Там же. С. 110. К одному из таких списков и обращается Т. А. Быкова.

15. РГИА. Ф. 796. Оп. 10. Д. 282. Л. 40.

16. *Алексеева М. А.* Судьба медных гравированных досок Петровского времени. С. 111.

17. Инв. 181–197, 201, 238, 243, 245–247, 251.

18. Инв. 202–221, 239–241, 248.

19. Инв. 222–237, 242, 244, 247, 249.

20. Любопытно отметить, что лист 23 тетради в 24 листа состоял из двух досок – на одной изображение беседки, на другой ее план (так же, как и листы 23, 24, 26 из 29-тистраничной тетради, но в данном случае, изображение и план печатались на одном листе), причем доска с планом утеряна. С другой стороны, листы 18 и 19 той же тетради, вырезаны на одной доске, а в альбоме каждое изображение печаталось на отдельном листе. Это делалось с помощью наложения на доску специальных листов с вырезами для той части доски, которую нужно было отпечатать, т. е. набивать краску. Таким образом, тетрадь из 24 листов печаталась с 24 досок, только доски не совсем соответствовали листам.

21. Отчасти, может быть, потому, что на 7 гравюрах есть голландские подписи.

22. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 661.

23. На это указывает М. А. Алексеева. См.: Алексей Федорович Зубов. 1682–1751. Каталог выставки. С. 29.

В. Г. Подковырова

Изобразительные «толкования» к Откровению Иоанна Богослова: об одном из гравированных циклов в России (XVIII в.)

АННОТОЦИЯ

Статья посвящена специфике иллюстрирования текста Апокалипсиса в русской традиции, одна из наиболее распространенных с XVI в. ветвей которой, представленная циклом миниатюр Филарето-Чудовской редакции, преобразовалась со временем в цикл гравюр. Они были исполнены в технике так называемой плоской печати или отлипа. В фондах БАН хранятся две рукописи, содержащие такие гравюры – это лицевые Апокалипсисы третьей четверти XVIII в. из собраний Е. А. Бурцева № 18 (1.3.73) и М. В. Плюшкина № 256.

Ключевые слова: *Апокалипсис, иконография, русская книжная миниатюра, книжная гравюра.*

Иллюстрирование текста Апокалипсиса занимает особое место в истории создания изобразительного ряда книг Священного Писания, поскольку здесь не только визуализируется пророчество о последних судьбах мира, но и воспроизводится описанный в текстовой форме ряд видений Иоанна Богослова. Уже с III в. в украшениях священных сосудов, надгробий, на стенах катакомб, а с V–VI вв. в росписях и мозаиках появляются отдельные образы и сюжеты из Откровения [1]. До наших дней сохранился обширный корпус западноевропейских рукописей, содержащих развернутые в несколько десятков миниатюр циклы изображений к полному тексту Апокалипсиса, первые из которых появились уже на рубеже V–VI вв., а самый старший из сохранившихся список – Трирский – датируется 800 г. [2].

Развивавшаяся в Западной Европе более тысячелетия иконография циклов изображений к Откровению изменялась со сменой стилей, старшие сохранившиеся списки делятся еще и по принадлеж-

ности к национальным художественным школам. На основе одной из таких групп – англо-нормандской (наиболее ранняя из сохранившихся рукописей – Бамбергский Апокалипсис, ок. 1020 г.), через посредство ниже-германских списков сформировался особый тип иллюстрированного Откровения – изображения с краткими текстовыми подписями, с которым связано создание во второй-третьей четверти XV в. шести изданий голландских и немецких ксилографированных блок-бухов (48–50 гравюр в каждом) [3]. Это явление параллельно другому, чуть более раннему: к концу XIII в. в Западной Европе сложилась особая форма иллюстраций Священного Писания – *Biblia Pauperum*, в которой помещались изображения с небольшими подписями, часто не цитирующими, а пересказывающими текст Писания. Появление в середине XV в. блок-бух Апокалипсисов надо рассматривать именно в этом контексте. А в последней трети XVI в. целый ряд первых напечатанных наборным способом Библий в Германии и Италии украсили гравюры на дереве (первая – 1475 г. Аугсбургская Г. Зайнера, вторая – Кельнская 1478 г. и др.) [4], в состав которых вошел цикл гравюр к Апокалипсису. Завершающая часть Нового Завета, имевшая практически тысячелетнюю традицию иллюстрирования, к концу XV в. таким образом, имела шесть изданных блок-бухов, более десяти изданий и переизданий (часть гравюр «кочевала» из одного издания в другое) в виде циклов гравюр на дереве в составе печатных.

В конце XV в. (1498 г.) А. Дюрер создал свои 15 знаменитых гравюр, которые, по мнению многих ученых, произвели революцию в осмыслении Откровения, внося в нее индивидуалистическое эмоциональное начало. В течении XVI–XVII вв. было опубликовано более сотни различных изданий с циклом гравюр к Откровению. Одним из первых и важнейших в распространении традиции была Лютеровская «сентябрьская» Библия 1522 г. с гравюрами Лукаса Кранаха Старшего. Считается что до конца XV в. западная иконография Апокалипсиса складывалась на основе византийской общехристианской традиции изображения отдельных апокалиптических сюжетов и образов. Появление цикла А. Дюрера стало переломным событием во взаимодействии западной и восточной традиции иллюстрирования Новозаветного Откровения, так как именно с этого времени западно-христианская традиция стала заметно влиять на православную [5].

История создания изображений на тему Апокалипсиса до начала XVI в. в православной византийско-славянской традиции отличается кардинально: до наших дней сохранился один поздний список византийского Апокалипсиса с несколькими иллюстрациями (Paris. Vod. Gr. 239, 1422) [6], ряд миниатюр фризового характера содержал

сгоревший в середине XIX в. *Hortus Deliciarum* аббатисы Геррады Ландсбергской (XIII в.) [7], а единственный известный в настоящее время греческий лицевой Апокалипсис, созданный в XVII в., по иконографии полностью зависит от иконографии гравюр Дюрера и его последователей [8]. Не может порадовать исследователей и ни один южнославянский лицевой Апокалипсис. Наиболее ранним известным в православной традиции развернутым циклом изображений к этой книге Священного Писания являются несохранившиеся росписи Благовещенского собора Московского Кремля 1405 г., которые трижды переписывались и дошли до нас в поновлении середины XVI в. [9]. Старший сохранившийся памятник – икона «Апокалипсис» конца XV в. из Успенского собора Московского Кремля [10].

Самый ранний известный список русского Откровения с миниатюрами датируется серединой (самое раннее – 40-ми гг.) XVI в. [11]. Но временем утверждения традиции лицевого Апокалипсиса на Руси считается последняя треть XVI в., когда практически одновременно складываются четыре варианта развернутых циклов миниатюр, причем состоят эти циклы из 72 миниатюр и более [12].

Устоявшаяся к этому времени западная традиция гравированных апокалипсисов предполагала 21–29 изображений в цикле. Здесь мы имеем дело с принципиальным различием в подходе к иллюстрированию. В современной Библии, вслед за Вульгатой, Апокалипсис состоит из 22 глав. В тоже время с VII в. в православной традиции текст новозаветного Откровения часто имел 72 главы, на которые его поделил для толкований св. архиепископ Кесарии Каппадокийской Андрей. В VIII в. в западной экзегетике подобное же детальное сегментирование Откровения для толкований монахом Беатой Леибанским также повлекло за собой и большое количество иллюстраций в значительной части ранних западных лицевых рукописей, где циклы состоят от 70 до 100 с лишним миниатюр (здесь, кстати, следует заметить, что и в блок-бухах XV в. циклы насчитывали по 48–50 гравюр, включавших в одну гравюру несколько изображений и поэтому представлявших более сотни сюжетов). Такая структура иллюстрированного текста позволяет детально всмотреться в откровенные видения Иоанна Богослова и практически превращает цикл миниатюр, по удачному выражению Ф. И. Буслаева, в толкование Священного Писания. Св. Андрей Кесарийский и монах Беата Леибанский не самочинно составили толкования к Апокалипсису, а собрали вместе и изложили тексты своих многочисленных предшественников. Предлагаемое отцами церкви толкование четко обозначает для средневекового иллюстратора те главные положения библейского текста, которые

должны получить художественное воплощение. В случае с толкованиями архиепископа св. Андрея Кесарийского главными ориентирами для изобразительного толкования в большинстве случаев служат названия 72 глав текста. В то же время с подачи А. Дюрера западные циклы изображений представляют собой подборку иллюстраций к отдельным наиболее заинтересовавшим художника эпизодам, и демонстрируют «своевольно», в духе эпохи Возрождения, выбранные иллюстратором образы и сюжеты.

Разумеется, причиной сокращения количества изображений в печатной книге имеет и другое утилитарное объяснение. Иллюстрирующие издание гравюры, позволяя его тиражировать, неизбежно должны подчиниться требованию экономии места, а как следствие – невозможности чрезмерной детализации при иллюстрировании. Но, из-за чего бы то ни было, в Западной Европе начиная с XVI в. Апокалипсис изображением иллюстрируется, а не истолковывается.

В русской же рукописной традиции в конце XV – начале XVI в. процесс создания развернутых циклов к Апокалипсису только зарождается и складывается, и существовавшая многовековая западно-европейская традиция, разумеется, оказывает на этот процесс свое влияние. Прежде всего, мастерам в Москве, Новгороде и Пскове достаточно хорошо были известны западно-европейские гравированные издания и отдельные гравированные листы [13]. Среди прочего известно, что в библиотеке Ивана Грозного была лютеровская «сентябрьская» Библия 1527 г. с гравюрами к Апокалипсису работы Лукаса Кранаха Старшего [14]. Возможно, именно они повлияли на мастеров, возобновлявших после страшного московского пожара 1547 г. росписи на сюжеты Апокалипсиса в Благовещенском соборе. Вероятно также, что именно они повлияли на автора Чудовской редакции цикла миниатюр к Апокалипсису (сохранилась в составе Чудовского сборника РГБ, Егор. 1184), созданные в 60–70-е гг. XVI в. Детальное рассмотрение миниатюр этой редакции позволяет некоторым исследователям говорить и о прямом влиянии на миниатюриста гравюр А. Дюрера [15].

Вторым важнейшим признаком времени формирования и распространения апокалиптической книжной миниатюры стало практически сразу сложившееся тиражирование с помощью специальной техники плоской печати или отлипа [16]. Например, самая ранняя (РНБ, Сол. 58) из дошедших до нас рукописей филаретовской подредакции Филарето-Чудовской редакции включает миниатюры, очерк которых получен именно с помощью этой техники.

Таким же образом изготовлены миниатюры и других редакций цикла миниатюр [17], и многочисленные копии обеих подредакций Филарето-Чудовской редакции [18]. Традиция подобного тиражирования именно этой, наиболее распространенной [19], редакции составила целый блок рукописей середины XVIII в. Три подобных экземпляра названы у О. Р. Хромова – это рукописи РГБ Егоров № 98, ЯМЗ 15243 [20], и у И. В. Починской – экземпляр из собрания Челябинского государственного художественного музея ДК – 212. КП-8710 [21]. Ф. И. Буслаев отметил подборку нераскрашенных очерков-отлипов в Публичной библиотеке: собр. Погодина № 244. В Отделе рукописей БАН в собрании Е. А. Бурцева № 18 (1.3.73) и в собрании М. В. Плюшкина № 256 хранятся две рукописи, содержащие циклы из 72 раскрашенных гравюр. При этом рукописи, содержащие гравюры, относятся все к одному периоду – к третьей четверти XVIII в., что дает основание предположить общность происхождения этих памятников.

Несколько слов о технике, в которой изготовлены гравюры. О. Р. Хромов, привлекая при описании рукописи ЯМЗ № 15243 информацию о сохранившихся до наших дней медных резцовых досках с аналогичными награвированными изображениями (хранятся в отделе гравюр ГРМ, № 1832–1885), полагает, что все гравюры отпечатаны с этих досок [22]. Таким образом, он считает, что гравюры к трем известным ему лицевым Апокалипсисам (РГБ, ЯМЗ, Челябинский музей) изготовлены в технике высокой печати. Эту же технику называют при описании рукописи ЧГХМ ДК–212. КП-8710 Н. В. Ануфриева и И. В. Починская [23]. В то же время лицевые Апокалипсисы БАН явно содержат гравюры, напечатанные в технике отлипа или плоской печати. Мои наблюдения на этот счет подтверждены мнением доктора искусствоведения, гл. н. с. Отдела гравюр ГРМ Е. А. Мишиной, любезно согласившейся посмотреть экземпляры БАН. Экземпляры РГБ Егоров № 98 и ЯМЗ 15243 также изготовлены, по нашему мнению, в технике плоской печати. Техника экземпляра Челябинского музея может быть уточнена в дальнейшем.

Кроме названных экземпляров известен еще один комплект нерасцветенных гравюр из собрания Д. А. Ровинского (по его каталогу № 821). В подборке сохранились 61 гравюра-очерк и 2 рамки. В описании все они датируются 1850-ми гг. и названы отпечатками с медных досок, хранившихся в середине XIX в. в музее Академии художеств [24]. По описанию Д. А. Ровинского мы можем уточнить и время изготовления медных досок, хранящихся сейчас в ГРМ. Ровинский, кратко рассказывая историю бытования досок, опреде-

ляет время их изготовления началом XIX в. [25]. Приблизительно так же датирует доски и Ф. И. Буслаев в монографии о русских лицевых Апокалипсисах, в главе о Филарето-Чудовуской редакции [26]. Если доски изготовлены в начале XIX в., то известные нам гравюры на бумаге третьей четверти XVIII в. никак не могли быть изготовлены с них. Все упомянутые рукописи являются, по всей видимости, продуктом плоской печати, а медные образцы были изготовлены как копии изображений на досках.

Интересными представляются не только сами гравюры, но и дополняющие экземпляры гравированные заставки-рамки. Начало всех перечисленных экземпляров украшены одной и той же заставкой-рамкой, изготовленной в технике отлипа или плоской печати (рис. 1 и 1а). Очерк в каждом случае раскрашен. О технике получения гравированного изображения может говорить отпечатавшийся характерный край доски образца для отлипа (рис. 1) и прекрасно отпечатавшийся и даже не требующий дополнительной обводки контур заставки (рис. 1а).

Рис. 1

Рис. 1а

Заметим, что в рукописи ЯМЗ № 15243 таких заставок 11, и расположены они не только в начале, но еще и перед 10 главами из 72 [27].

Следующим рассмотрим другой тип заставок-рамок, которые украшают рукопись Плюш. 256. В рукописи всего 72 такие заставки: 39 больших (рис. 2) и 33 малые (рис. 3). Первая (условно большая, т.к. она имеет несколько больший размер) содержит внутри себя текст, который всегда начинается с инициала, написанного от руки (рис. 2). Интересно, что для этой рамки можно проследить историю формирования. В каталоге О. Р. Хромова воспроизведена заставка-рамка начала XVIII в., отнесенная к кругу мастеров, работавших

с Леонтием Буниным и соотнесена с близкой рамкой из Синодика его работы (рис. 5) [28]. Ряд элементов большой рамки из рукописи Плюш. 256 и малой рамки – детали фронтона, колонок и маргинального украшения (рис. 4) явно заимствованы из названной выше рамки начала XVIII в. Сравнение большого типа заставки-рамки,

Рис. 2

Рис. 3

в которой используется всегда рукописный инициал, позволило разделить имеющиеся 36 рамок на две группы. Различия заключаются в следующих деталях: если левые колонки обрезаны с внутренней стороны почти одинаково (рис. 2), то правые явно имеют разную степень утраты внутренней части (рис. 6). Вероятно, просто внутренняя часть с текстом при изготовлении пустой заставки-рамки была прикрыта неравномерно.

Рис. 4

Малая заставка-рамка (их в рукописи 33) интересна также тем, что в каждую вставлен гравированный инициал (рис. 3 и 7). Буквы внутри рамки вставлены различные: больше всего литер В, Н и О, но встречаются С, К, От и Б. Однако все они являются модификацией одной литеры П, которая происходит из аналогичной заставки-рамки синодика Леонтия Бунина. Для получения других букв, части исходной грави-

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

рованной литеры дорисовываются новыми фрагментами (литеры О) или (и) заклеиваются небольшими фрагментами бумаги (литеры В, К, Н, С). Заставки-рамки и инициалы, в отличие от самих гравюр в рукописи БАН Плюш. 256 выполнены в технике высокой печати.

Рис. 8

Рис. 9

Гравюры в двух рукописях БАН не идентичны. Последовательное сравнение позволило обнаружить 5 различий в изображениях. В рукописи Плюш. 256 по сравнению с рукописью Бурц. 18 обнаружен ряд добавлений, причем три имеют следы отлипа, т. е. происходят от исходного образца плоской печати, а два других дорисованы от руки. Примеры различия в основном награвированном изображении: в гравюре к Главе 7 слева сверху добавлены 7 трубящих ангелов (рис. 8), за спиной Спасителя в послании ангелу Лаодикийской церкви (глава 9) добавлен Господь Саваоф (рис. 9), в гравюре к главе 11 в центре с двух сторон от круга славы со Спасителем на Престоле изображены раскрытые Врата небесные (рис. 10). От руки в рукописи Плюш. 256 сделаны следующие дополнения: у ангела Фиатирской церкви (гла-

Рис. 10

ва 6) в руке дорисована звезда (рис. 11), а за спиной смерти на миниатюре в главе 16 дорисована котомка с оружием (рис. 12).

Для того чтобы обозначить некоторый контекст для вариантов русских гравюр к Апокалипсису в XVIII в., необходимо сказать и о том, что наряду с представленной традицией развернутых циклов из 72 гравюр, Новозаветное Откровение с первой четверти XVII в. имело и другой вариант иллюстрирования текста. Истоки этой традиции находятся на Украине. В 1625 г. в Киево-Печерской лавре напечатали Апокалипсис с толкованиями св. Андрея Кесарийского [29], первая глава которого иллюстрировалась гравюрой (С. 7), воспроизводящей первую гравюру к Апокалипсису из сентябрьской Библии Лютера. Между 1646 и 1662 гг. монах Прокопий вырезал на дереве 23 гравюры с текстом, которые копировали гравюры Апокалипсиса из Библии Пескатора [30], а 11 из гравюр Прокопия воспроизвели в московском издании Толкового Апокалипсиса 1712 г.[31].

Рис. 11

Рис. 12

В 1692 г. появилась знаменитая Библия Кореня, содержащая 20 ксилографий на ветхозаветные темы и 16 – на сюжеты Апокалипсиса [32]. И хотя происхождение иконографии этого цикла нельзя однозначно связывать исключительно с западной гравюрой, сам принцип иллюстрирования относится не к толкованию полного текста, а к иллюстрированию отдельных сюжетов.

В середине XVIII в., кроме использовавшихся в качестве иллюстраций в рукописях (преимущественно у приверженцев старого обряда), бытовали

еще два цикла гравированных изображений к Апокалипсису (резцовые гравюры на меди с подписями): 20 гравюр неизвестного мастера (подписи пространные и представляют собой пересказ евангельского текста) [33] и 8 гравюр Нехороршевского (подписи являются ссылками на соответствующее изображению место из евангельского текста, причем нумерация глав соответствует Вульгате), которые обычно продавались в комплекте с гравюрами «Страстей Христовых» [34]. Изображения народных картинок, которые в случае с Откровением находились под явным влиянием западных источников, были популярны на Руси, но история их иконографии не является предметом данного сообщения.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый. М., 1884. Т. 1. С. 47–57; *Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции.* М., 1995. С. 8, 11 (здесь см. библиографию); *Качалова И. Я.* Иоанна Богослова Откровение: традиции иллюстрирования текста // *Православная энциклопедия.* М., 2010. Т. 24. С. 735.

2. *The Elizabeth Day McCormick Apocalypse.* / Ed. H. R. Willoughby, E. C. Colwell. V. 1. A Greek corpus of revelation iconography. Chicago, 1940. P. 130–133; *Meer F.* Apocalypse. Visions from book of Revelation in western art. Antwerp, 1978. P. 35; *Качалова И. Я.* Иоанна Богослова Откровение... С. 735.

3. *Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции.* С. 105–106, 125–128; *Чинякова Г. П.* К вопросу о сложении иконографии русского лицевого Апокалипсиса в XVI в. // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 2014. Вып. 16–17. С. 1032–1033.

4. *Квливидзе Н. В., Турилов А. А.* Иллюстрации к Библии // *Православная энциклопедия.* М., 2002. Т. 5. С. 119.

5. *Буслаев Ф. И.* Свод изображений... Т. 1. С. 126–136; *Чилингиров А.* Влияние Дюрера и современной ему немецкой графики на иконографию поствизантийского искусства / пер. с болг. Г. В. Попов // *Древнерусское искусство: Зарубежные связи.* М., 1975. С. 328–330; *Пророчество Апокалипсиса в гравюрах А. Дюрера и западноевропейских мастеров XV–XVII в.: каталог выставки.* М., 2012.

6. *Квливидзе Н. В., Турилов А. А.* Иллюстрации к Библии. С. 119.

7. «Сад радостей» аббатисы Геррады Ландсбергской сгорел в Страсбурге в 1870 г. Миниатюры в начале XIX в. были скопированы и изданы. См.: *Буслаев Ф. И.* Свод изображений... Т. 1. С. 51–52; *Heinsius M.* Der Paradies garten der Herrad von Landsberg: ein Zeugnismittelalterlicher Kultur- und Geistesgeschichte im Elsass. Paris, 1968.

8. Черно-белые фотографии миниатюр см.: *The Elizabeth Day McCormick Apocalypse.* Vol. 2.

9. *Смирнова Э. С.* Московская иконопись XIV–XVII веков. М., 1988. С. 159; *Качалова И. Я.* «Апокалипсис» в стенописях Благовещенского собора // *Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследование.* М., 1999. С. 30–53.

10. *Алпатов М. В.* Памятники древнерусской живописи конца XV века. Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964; *Качалова И. Я.* Икона «Апокалипсис» в Успенском соборе Московского Кремля // *Московский Кремль XV столетия. Древние святыни и исторические памятники.* М., 2011. С. 240–253 и др.

11. *Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции.* С. 57–59; *Грибов Ю. А.* Иоанна Богослова Откровение. Лицевые рукописи // *Православная энциклопедия.* М., 2010. Т. 24. С. 740–745.

12. *Грибов Ю. А.* Иоанна Богослова Откровение... С. 740–745; *Подковырва В. Г.* Описание рукописей БАН. Лицевые Апокалипсисы XVII – нач. XX в. В печати.

13. *Черный В. Д.* Русская средневековая книжная миниатюра. М., 2004. С. 384–387; *Неволин Ю. А.* 1) Три лицевых рукописи XVI в., оформленные кремлевским мастером, знатоком и интерпретатором западноевропейской гравюры // *Конференция по средневековой письменности и книге: тез. докл.* (Ереван, 25–27 окт. 1977 г.). Ереван, 1977. С. 68–70; 2) Первое изображение Венеции в русском искусстве XVI в., кремлевские художественные мастерские // *Древняя Русь и Запад: научная конференция.* М., 1996. С. 139–143; *Чилингиров А.* Влияние Дюрера на поствизантийское искусство. С. 340–342.

14. Амосов А. А. Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982. С. 116; Неволлин Ю. А. Новое о кремлевских художниках-миниатюристах XVI в. и о составе библиотеки Ивана Грозного // Советские архивы. 1982. № 1. С. 68.

15. Чинякова Г. П. Книжная миниатюра и развитие иконографии Апокалипсиса в XVI–XVIII веках // Русское искусство. 2009. № 1 (21). С. 40–45.

16. Маркелов Г. В. «Налепные образцы» в традиционном книгописании // ТОДРЛ. 2003. Т. 53. С. 264–288; Мишина Е. А. Техника плоской печати в русском искусстве XVII века // Дизайн. Материалы. Технология. СПб., 2013. № 1 (26). С. 86–93.

17. Например, в Ромодановской об этом см.: Подковырова В. Г. Лицевой Апокалипсис XVII в. из фондов БАН (16.18.4). К вопросу о редакции цикла миниатюр // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2013. С. 93–130.

18. Об этом см.: Подковырова В. Г. Лицевые Апокалипсисы из библиотеки Соловецкого монастыря // Соловки в литературе и фольклоре: (XV–XXI вв.). Соловки – Архангельск, 2015. С. 292–303.

19. Буслаев Ф. И. Свод изображений... Т. 1. С. 180.

20. Хромов О. Р. Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XIX вв.: каталог Отдела письменных источников ЯГИА и ХМЗ. М., 2013. С. 344.

21. Починская И. В., Щенникова Н. В. Иллюминированные рукописи из коллекции старопечатных и рукописных книг Челябинской областной картинной галереи // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2006. Вып. 2. С. 126; Ануфриева Н. В., Починская И. В. Лицевые Апокалипсисы Урала: Православная традиция и элементы европейского культурного влияния. Екатеринбург, 2014. С. 111–127.

22. Хромов О. Р. Цельногравированная книга и гравюра... С. 344.

23. Ануфриева Н. В., Починская И. В. Лицевые Апокалипсисы Урала... С. 36.

24. Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Притчи и листы духовные. СПб., 1881. Кн. III. С. 282, 283.

25. Там же. С. 282.

26. Буслаев Ф. И. Свод изображений... Т. 1. С. 471, 472.

27. Хромов О. Р. Цельногравированная книга и гравюра... С. 321.

28. Там же. С. 251 (№ 70), ил.: С. 253.

29. Андрей, еп. Кесарийский. Толкование на Апокалипсис. Киев, 1625. В экз. из библиотеки Петра I (П I 183) в одном переплете с Беседами Иоанна Златоуста на деяния святых апостол. (П I 182).

30. Квливидзе Н. В., Турилов А. А. Иллюстрации к Библии. С. 119.

31. Андрей, еп. Кесарийский. Толкование на Апокалипсис. М., 1712. 13 ксилографий. Книга была переиздана в 1768 г. с новыми гравюрами на те же сюжеты.

32. Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692–1696. М., 1983. Факсимильное издание.

33. Ровинский Д. А. Русские народные картинки... С. 277–281.

34. Там же. С. 281–282.

Д. В. Руднев

Издание учебной литературы в Морском кадетском корпусе на рубеже XVIII и XIX вв.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности издания учебников в типографии Морского кадетского корпуса в 1790-е гг. и первые годы XIX в. В этот период учебные пособия не только переиздавались. Печатались и новые учебники, что было связано с модернизацией преподавательского процесса в Морском кадетском корпусе. В статье отмечается влияние директора типографии И. Т. Смирнова на процесс издания учебной литературы, приводятся сведения о тиражах, стоимости отдельных изданий и т. д.

Ключевые слова: конец XVIII в., книгоиздание, учебная литература, Морской кадетский корпус, военное образование.

Заказчиков типографии Морского кадетского корпуса во второй половине XVIII в. с некоторой долей условности можно разделить на три группы: Морской кадетский корпус, Адмиралтейская коллегия и разные частные заказчики. Учебная литература, издаваемая по заказу канцелярии Морского кадетского корпуса, занимала устойчивый сегмент (примерно 10 %) в общем объеме печатной продукции типографии: в 1770-е гг. было издано 10 учебников, в 1780-е – 11, в 1790-е – 15.

Примечательно, что изданные типографией учебники не выкупались корпусом, а оставались собственностью типографии. Однако права на эту собственность были ограниченными: продажная цена и число учебников, пускавшихся в продажу, определялись канцелярией. Канцелярия присылала приказы руководителю типографии И. Т. Смирнову, в которых предписывалось переплести определенное число экземпляров одного или нескольких учебников и прислать их в корпус: именно за присланные переплетенные учебники канцелярия производила плату типографии.

С 1771 по 1796 г. Морской кадетский корпус находился в Кронштадте, тогда как типография располагалась в Петербурге. Поскольку в канцелярии не имели точного представления о числе экземпляров, оставшихся от тиража напечатанных учебников, руководитель типографии заранее извещал корпусную типографию о тех изданиях, тираж которых подходил к концу, с тем чтобы начать их повторное печатание. В некоторых случаях И. Т. Смирнов специально извещал о трудоемкости издания, чтобы заблаговременно приступить к работе.

Потребность Морского кадетского корпуса в учебной литературе в 1790-е гг. и в первые годы XIX в. удовлетворялась за счет переиздания ранее напечатанных учебных пособий [1] и печатания новых учебников. Новые учебники особенно активно начинают издаваться с середины 1790-х гг. в связи с изменениями в учебном процессе.

В начале 1790-х гг. происходит главным образом переиздание учебников. В 1790–1792 гг. вновь издаются учебники *Бугерова новое сочинение о навигации* (третье издание) и *Пополнения Бугеровой науки мореплавания* [2]. Автором обоих учебных пособий был Н. Г. Курганов. Первый учебник был издан тиражом 1200 экз. не позже января 1791 г. [3], второй учебник – тиражом 800 экз. к январю 1792 г. [4]. В рапорте о напечатании *Пополнений Бугеровой науки мореплавания* Смирнов также сообщал, что в типографии осталось более 600 экз. книги *Таблица разности ширины и отшествия от меридиана; на румбы, и четверти румбов компаса, и горизонта*, составленной Михаилом Четвериковым и изданной в корпусной типографии в 1759 г. Руководитель типографии указывал, что таблицы склонения солнца в этой книге «для прошествия многих лет уже не верны, а потому и для вычисления не способны», и предлагал уничтожить эту часть книги Четверикова, а оставшуюся часть переплести вместе с книгой Курганова и продавать в типографии по 70 коп. [5].

Кроме того, в эти годы переиздаются *Готшедова немецкая грамматика* (второе издание), *Сокращение первых оснований мафиматики* Христиана Вольфа (второе издание), а также использовавшиеся в преподавании *Таблицы логарифмов* [6]. Их изданию предшествовал рапорт Ивана Смирнова в канцелярию корпуса от 22 августа 1790 г., в котором он писал: «при типографии онаго корпуса находится налицо книг, отпускаемых в корпус и продаваемых, небольшое число, а имянно: Англинских азбук сто семдесят пять, Волфова курса первого тома пятьдесят, второго двесте девяноста семь, Готшедовой немецкой грамматики сто сорок одна; того ради не благоволит ли канцелярия завремянно приказать печатать Волфова курса первого тома

пятьсот пятьдесят, второго триста три книги, а прочих по шести сот книг, или сколько оная заблагоразсудит» [7]. На основании этого рапорта 12 сентября Смирнову был отдан приказ напечатать учебники теми тиражами, которые он предлагал, кроме английской азбуки, печатание которой было отложено до особого распоряжения. Среди предлагаемых руководителем типографии тиражей несколько странно выглядят разные тиражи 1-го и 2-го тома учебника *Сокращение первых оснований мафиматики* Христиана Вольфа. Объясняется это тем, что два тома увидели свет в разное время, поэтому тираж 1-го тома был реализован в большей мере, чем тираж 2-го тома, и Иван Смирнов, пользуясь случаем, хотел довести количество экземпляров обоих томов до одинакового числа в 600 экз.

Таблицы логарифмов были изданы в мае 1792 г. тиражом 1200 экз. Из рапорта Ивана Смирнова выясняется, что их печатание заняло четыре года – ордер о печатании был отдан в марте 1788 г. [8].

В сентябре 1791 г. в третий раз был напечатан учебник арифметики С. К. Котельникова [9]. Приняв решение о перепечатке этого учебника, канцелярия обратилась к автору с просьбой, чтобы он внес необходимые изменения и дополнения в свою книгу перед ее переизданием. Сделано это было по предложению главного инспектора Василия Никитина, который в июле 1787 г. писал в своем рапорте в канцелярию: «Поелику г. Котелников в живых находится, поправления и перемены делать в сей арифметике, кажется, недолжно никому, кроме самого сочинителя» [10]. Котельников откликнулся на эту просьбу и «много трудился» в исправлении учебника, «а особливо в прибавлении алгебры и прочих нужных правил». Иван Смирнов предлагал канцелярии выдать Котельникову в качестве вознаграждения за его труд 150 руб., но главный инспектор по учебной части и его помощник полагали, что труд Котельникова заслуживает 200 руб. К этому мнению присоединилась канцелярия и директор корпуса [11].

В 1792 г. была издана немецкая грамматика Ф. П. Шарова, преподававшего в корпусе немецкий и русский языки [12]. Сочинение и печатание учебника заняло многие годы. Ордер о печатании был дан еще в сентябре 1778 г., и канцелярия неоднократно запрашивала типографию, почему учебник не издан. В рапорте Смирнова в канцелярию от 22 августа 1790 г. говорилось о том, что немецкая грамматика Шарова, «которой довольно напечатано, не печатается уже с 1783го года за неприсылкою от него оригинала, о чем <...> декабря 20го дня 1786 года канцелярии рапортовано» [13]. Руководитель типографии сообщал об этом, беспокоясь, что «ежели канцелярия повелит

печатать Готшедову немецкую грамматику, то сочиняемая Шаровым останется без употребления, от чего казне последовать может убытку, причиняемого им, Шаровым, до двух сот тридцати рублей» [14]. Беспокойство Смирнова было совершенно естественно, потому что эта сумма легла бы долгом именно на типографию: мы уже отмечали, что корпус оплачивал не напечатанный тираж, а поставленные в корпус переплетенные учебники.

Канцелярия потребовала от Шарова объяснений, в каком состоянии находится работа над грамматикой и почему она не печатается с 1783 г. 6 сентября 1790 г. он написал рапорт в свое оправдание: «Остановка печатания зависела не от воли сочинителя, но единственно от нужднаго прочтения лучших немецких авторов, дабы, собрав наилучшее из оных, можно было приступить к составлению сочинения слов. Г. профессор Готтшид употребил на сочинение своей немецкой грамматики двадцать три года, что явствует из предисловия его к грамматике, то и не будет предосудительно, ежели и мне пять или шесть лет потребно было на такое же многотрудное дело, и сие для ученаго света не есть удивительно» [15]. Далее Шаров сообщал, что им напечатано уже 400 страниц грамматики до предлогов и что он закончил «протчия следующие части, сиречь правописание и сочинении слов, глаголемое синтаксис», которые привезет в типографию в ближайшие шесть дней.

В августе 1792 г. И. Т. Смирнов рапортовал в канцелярию корпуса об окончании печатания немецкой грамматики Ф. П. Шарова. Ее тираж составил 800 экз. Одновременно с ней была напечатана немецкая азбука Шарова. Ее тираж – также 800 экз. [16]. Из рапорта руководителя типографии выясняется следующая деталь: к моменту подачи рапорта из 800 экз. немецкой азбуки в типографии оставалось лишь 280 экз. «Канцелярия изволит усмотреть, – писал Смирнов, – что сии книги печатанием начаты давно, то азбуки по напечатании оных, по повелению канцелярии, в разныя времена отпускаемы были в корпус» [17].

Смирнов предлагал канцелярии напечатать еще 800 экз. немецкой азбуки, «дабы в оных впредь не могло последовать недостатка» [18]. Кроме того, он просил канцелярию определить Шарову сумму вознаграждения, с тем чтобы включить ее в стоимость издания, и добавлял: «Тогда и о цене рапортовано будет» [19]. О вознаграждении просил канцелярию и сам Шаров, писавший в октябре 1792 г.: «По приказанию оной канцелярии сочини(л) я практическую грамматику с полною азбукою, которая теперь уже и напечатана, с исправление(м) каректуры мною. А как таковым же издателям напредь сего чинима

была по мере каждого трудов награда, почему и я покорнейше прошу оную канцелярию, дабы благоволила за ту сочиненную мною немецкую грамматику по своему благоразсуждению наградить меня» [20]. Окончательное решение о сумме вознаграждения Шарову и о цене, которая должна быть установлена на его учебники, было принято лишь в феврале 1793 г. По предложению директора корпуса канцелярия распорядилась установить на грамматику цену 1 руб. 30 коп., а на азбуку 40 коп. и исходя из этих цен заплатить Шарову за 250 экз. каждого учебника 425 руб. [21]. Шаров уступал свои учебники корпусу в полную собственность.

С середины 90-х гг. печатаются новые учебники по математике на основе курса Этьена Безу (1730–1783) [22], создание которых было связано с решением «комиссии класнаго учения» [23]. Первыми в 1794 г. были изданы *Основы геометрии* Безу в переводе Ивана Гребенщикова [24]. Тираж составил 1200 экз. [25]. Профессор Гребенщиков, судя по определению канцелярии от 31 мая 1793 г., «в комиссии о рассмотрении методов учения вызвался взять на себя труд перевес(ть) математической курс Безу» [26]. По решению канцелярии от 19 января 1795 г. за свой труд переводчик получил 450 руб., отдав свой перевод в пользу типографии [27].

Следующим из курса Безу в мае 1795 г. тиражом 1200 экз. был издан *учебник тригонометрии* [28] в переводе гимназистов Соболева [29] и Лебедева [30]. Перевод был окончен в октябре 1794 г., редактировал перевод П. Я. Гамалея. Иван Смирнов спрашивал у канцелярии, будет ли выделено вознаграждение сочинителям, чтобы рассчитать окончательную стоимость издания, но ответ канцелярии неизвестен. В апреле 1796 г. таким же тиражом были напечатаны *Основания арифметики* Безу, также переведенные Соболевым и Лебедевым [31]. Перевод был окончен в октябре 1794 г. и представлен вместе с учебником тригонометрии директору корпуса [32]. Таким образом, в течение трех лет преподавание математических дисциплин полностью перешло на курс Безу. Изданные ранее учебники оставались при типографии и поступали только в продажу.

Кроме учебников по математике, при корпусе создавались и другие учебные пособия. Так, из определения канцелярии от 31 мая 1793 г. известно, что учитель Триполи [33] сочинял итальянскую грамматику, а инспектор Василий Никитин переводил английскую грамматику. Но эти учебники, видимо, так и не были завершены и напечатаны.

Канцелярия часто принимала решение о повторном печатании того или иного учебника и о его тираже на основании рапортов Ива-

на Смирнова, доносившего о количестве экземпляров, оставшихся при типографии. Однако так бывало не всегда. В ноябре 1795 г. руководитель типографии сообщал, что «при типографии имеется налицо англи(н)ских граммати(к) с вокаболами и разговорами 409 книг», и, поскольку печатание нового тиража этой книги займет не менее года, предлагал приступить к работе над ней заранее. Канцелярия приняла к сведению информацию Смирнова, но не дала ордера на печать [34]. По-видимому, это произошло потому, что автор грамматики Прохор Жданов, служивший секретарем канцелярии, к этому моменту уже начал перерабатывать свой труд [35]. В другом случае на предложение Смирнова отпечатать новый тираж учебника канцелярия отвечала отказом, так как, возможно, решила больше не употреблять учебник для обучения, однако позже поменяла решение. Так было в июне 1795 г., когда Смирнов рапортовал, что при типографии «имеется налицо» 188 экз. учебника *Искусство военных флотов*. На этот рапорт последовало решение канцелярии: «как в эволюциях нужды не предвидится, то вновь печатать их не надобно» [36]. Но из донесений Смирнова в марте 1796 г. становится понятным, что учебник печатался [37].

Но на третий рапорт Смирнова канцелярия ответила сразу положительно. В июле 1795 г. он писал в канцелярию, что «при типографии имеется налицо таблиц логарифмо(в) 550 книг, которы(х) ежегодно для классов выходит немалое количество, ныне (ж) при типографии, кроме таблиц, к плаванию принадлежащи(х), печатания никакого нет, так что служители по большей части находятся праздны, и для того не соблаговоли(т) ли канцелярия оны(х) таблиц завременно напечатать 800 книг» [38].

Во второй половине 1790-х гг. печатание учебной продукции в типографии Морского кадетского корпуса практически не производилось. Основной причиной этого стали резко возросшие объемы заказов Адмиралтейской коллегии, а также заказы, поступавшие из кабинета Павла I. Известно только несколько заказов, относящихся к этому времени. В 1798 г. канцелярия приказала Смирнову напечатать в типографии 800 экз. *Основ геометрии* из курса Безу и 600 экз. *французской азбуки*. Судя по «Сводному каталогу» учебник геометрии был издан [39].

Всего за 1790-е гг. в типографии было издано 15 учебников, в том числе пять новых. Печатание новых учебников приводило к тому, что изданные ранее учебные пособия выводились из учебного процесса и оставались на складах типографии. Так, издание немецкой грамматики Шарова привело к тому, что перестала использоваться *Готше-*

дова грамматика (в 1802 г. на складе оставалось 822 экз.); издание учебников по математике на основе курса Безу означало прекращение использования курса арифметики Котельникова (к 1802 г. его оставалось 273 экз.). Большой расход учебников в Морском кадетском корпусе в 1790-е гг. вызвал необходимость более частого переиздания учебников: два учебника из 15 были изданы в 1790-е гг. дважды.

В 1800 г. был переиздан учебник *тригонометрии* [40], а в 1802 г. учебник *арифметики* из курса Безу [41]. В июле 1802 г. было переиздано *Бугерово новое сочинение о навигации*. Смирнов, пытаясь увеличить доходы типографии, просил у канцелярии разрешения отпустить книги в корпус и продавать желающим по 1 руб. 40 коп., но та приказала книги не продавать (из-за небольшого тиража), а в корпус отпускать их по себестоимости [42].

В том же 1802 г. были напечатаны первая часть *Вышней теории Морского искусства*, сочиненной капитаном Платоном Яковлевичем Гамалеем [43], и переработанная *Англиская грамматика* Прохора Жданова [44]. Тираж обоих учебников (1200 экз.) должен был быть отдан в пользу авторов «для собственной продажи»; напечатаны они были не по заказу корпуса, а по высочайшему распоряжению: это было одной из форм поощрения сочинителей и переводчиков в годы правления императора Павла I. На том же основании печатались и остальные части *Вышней теории Морского искусства* (всего было пять частей) [45]. В октябре 1806 г. и в январе 1808 г. казначейская экспедиция присылала запрос в канцелярию, требуя сведений о том, когда состоялось высочайшее повеление о печатании книги П. Я. Гамалеи [46]. Интересно отметить, что часть тиража книги Гамалеи печаталась на «пергаментовой» бумаге (25 экз.) и на «александрийской» бумаге (75 экз.), что было не характерно для учебных изданий, издававшихся обычно на простой («комментарной») бумаге. По-видимому, эти сто экземпляров предполагалось распространять в качестве даров. Несмотря на произошедшую в 1801 г. смену власти, в мае 1802 г. директор корпуса, во исполнение высочайшего повеления, приказал Ивану Смирнову «отпустить ныне же отпечатанную означенной книги 1^ю часть господину профессору и кавалеру Гамалею, а также и последующия части, когда оныя отпечатываны будут, отпускать же ему, господину Гамалею, донося о том канцелярии за известие» [47].

Приказ о печатании английской грамматики был отдан 29 сентября 1800 г. К моменту завершения печатания в январе 1802 г. автор учебника Прохор Жданов уже умер [48], и на тираж (еще в октябре 1801 г.) заявил права его сын поручик Илья Жданов, преподававший

в корпусе, как и его отец, английский язык [49]. Канцелярия Морского корпуса на запрос, поступивший из Санкт-Петербургского уездного суда, сообщала, что «помянутая грамматика сочинена секретарем Ждановым одним, без помощи ево, сына, понеже предположенные к напечатанию оной экземпляры повелено выдать в награждение трудов одному ему, секретарю Жданову» [50]. Из рапорта Смирнова о напечатании английской грамматики от 30 января 1802 г. известно, что ее тираж хранился при типографии [51], но дальнейшая судьба тиража неизвестна.

В сентябре 1803 г. тиражом 1200 экз. были переизданы *таблицы меридиональных частей* и *Новый предводитель англискаго языка* Томаса Дилуэрта в переводе Прохора Жданова [52]. Печатаение таблиц началось после рапорта Смирнова в июне 1801 г., в котором он сообщал, что их осталось при типографии 112 экз. [53], печатаение второго учебника началось в январе 1802 г. Это были последние учебники, напечатанные в типографии при Морском кадетском корпусе. К тому моменту, когда учебники были отпечатаны, произошли существенные изменения: Ивана Смирнова сменил надворный советник Сергей Семенович Котельников, а вскоре, 27 октября, сама типография перешла под управление только что учрежденного Министерства морских сил.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об учебной литературе, изданной в Морском кадетском корпусе в 1760–1780-е гг. см.: *Руднев Д. В.* 1) Г. А. Полетика и издательская деятельность Морского кадетского корпуса в 1760–1770-е гг. // Вторые Лупповские чтения: Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2005 г. М., 2006. С. 42–72; 2) Издание учебной литературы в типографии Морского кадетского корпуса в 1770–1780-е гг. // Федоровские чтения. М., 2007. С. 402–416.

2. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.: 1725–1800. М., 1962–1966. Т. 1–3 (далее – СК XVIII). № 758 (*Бугерово новое сочинение о навигации*); № 3372 (*Пополнения Бугеровой науки мореплавания*). На титульном листе обеих книг указан 1790 г.

3. Тираж в 1200 экз. обошелся в 1380 руб. 7 ½ коп. И. Т. Смирнов в своем рапорте предлагал продавать учебник при типографии по 1 руб. 60 коп. (при себестоимости 1 руб. 50 коп.). Руководитель типографии спрашивал разрешения поставлять учебник в корпус по продажной цене, однако директор корпуса И. Л. Голенищев-Кутузов распорядился поставлять книги в корпус «по той цене, в какую обошлись». См.: Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 432. Оп. 1. Д. 494. Л. 11, 12.

4. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 525. Л. 56. Ордер о печатании книги был дан в марте 1788 г. Стоимость отпечатанного тиража составила 369 руб.

Смирнов предлагал продавать книгу при типографии по 55 коп. (себестоимость 47 коп.).

5. Там же. Л. 56, 57, 116. Канцелярия дала согласие Смирнову на изготовление издательских конволютов. Из книги Четверикова были взяты первые 68 страниц из 108. См. описание в «Сводном каталоге»: СК XVIII 3372 (*Пополнения Бугеровой науки мореплавания*).

6. СК XVIII 1157 (*Сокращение первых оснований мафиматики*), СК XVIII 7112 (*Таблицы логарифмов на числа от единицы до 10000*). Второе издание *Готтиедовой грамматики* в «Сводном каталоге» не фигурирует. Не вполне понятно, когда было закончено печатание *Готтиедовой грамматики*: в январе 1793 г. Смирнов доносил канцелярии о необходимости купить бумаги, чтобы напечатать различные книги, среди которых упоминается и этот учебник (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 584. Л. 31, 32, 181). В своем рапорте Смирнов предлагал напечатать грамматику тиражом 600 экз., но канцелярия, судя по всему, увеличила тираж до 700 или 800 экз. Об этом можно судить по ведомости 1801 г., в которой перечислялись тиражи находящихся при типографии книг: количество *Готтиедовой грамматики* составляло 822 экз. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 997. Л. 28–30об.).

7. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 469. Л. 185.

8. Там же. Д. 525. Л. 43. Тираж в 1200 экз. обошелся в 318 руб. 27 коп. При типографии таблицы логарифмов продавались по 50 коп. (себестоимость книги – 28 коп.).

9. СК XVIII 3183 (*Первых оснований мафиматических наук часть первая: Содержащая в себе арифметику*). На титульном листе стоит 1789 г. Тираж издания – 1200 экз. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 494. Л. 8).

10. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 383. Л. 168.

11. Там же. Д. 494. Л. 8, 9.

12. Сохранился послужной список Филиппа Петровича Шарова. Из него следует, что он родился в 1738 г. (в конце декабря 1802 г. ему шел 64-й год) и по происхождению был сыном дьякона. Учился в Московской духовной академии. На службу в Морской кадетский корпус вступил 27 сентября 1768 г. по приглашению Григория Полетики «для обучения господ унтерофицеров, капралов, гардемаринов и кадет немецкому языку и российскому слогу». С 1774 г. ему было поручено «смотрение над немецкими и российскими классами». В 1775 г. Шарову предложили перейти в Сухопутный кадетский корпус, однако И. Л. Голенищев-Кутузов уговорил его остаться в Морском кадетском корпусе, обещая прибавку к жалованию и обер-офицерский чин «в непродолжительном времени». В июле 1786 г. Шаров был произведен в титулярные советники, в феврале 1798 г. – в коллежские советники, а в январе 1800 г. – в учителя 7 класса (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 711. Л. 83–83об.). Жалованье Шарова с 1 сентября 1792 г. составляло 450 руб. в год, еще 150 руб. в год он получал за сочинение грамматики (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 496. Л. 61–61об.).

13. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 469. Л. 185.

14. Там же.

15. Там же. Л. 186–186 об.

16. СК XVIII 8218 (*Новая немецкая грамматика*), СК XVIII 8217

(Начальные основания немецкого языка показывая произношение букв и слов, также и разделение слогов в произношении). На титульном листе обоих учебников стоит 1792 г. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 525. Л. 46). Стоимость 800 экз. обоих учебников составила 675 руб.: 540 руб. грамматика и 135 руб. азбука.

17. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 525. Л. 46. Поскольку создание грамматики и ее печатание затянулось на многие годы, то в январе 1787 г. канцелярии предложила Смирнову отделить азбуку от грамматики, которые автор объединил в одну книгу, и переплести отдельно (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 348. Л. 25 об.–26). По-видимому, канцелярия запросила мнение главного инспектора Никитина относительно целесообразности такого шага. В феврале того же года он писал: «Гораздо полезнее выдава(т) одну азбуку без грамматики, ибо от небрежности дети часто изодраны бывают грамматики, переплетенные с азбукою, прежде, нежели вступят они в грамматику или, что вящше, совсем утрачены, и для того, дабы избежать оное зло, лучше выдавать во первы(х) азбуку, а потом, когда поступит кто в средни клас, грамматику» (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 384. Л. 42 об.–43 об.). На основании этого, Смирнову был дан приказ отделить азбуку от грамматики в учебнике Шарова и переплестать их по отдельности. Аналогичным образом было приказано поступить с учебником французского языка Готье.

18. Канцелярия согласилась с предложением Смирнова допечатать еще 800 экз. азбуки (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 525. Л. 48). В связи с этим отмеченное в «Сводном каталоге» издание 1792 г. (СК XVIII 8217) относится, видимо, к допечатанному тиражу. Каковы выходные данные первых 800 экз. – неизвестно.

19. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 525. Л. 46.

20. Там же. Л. 49.

21. Там же. Л. 44–44 об., 45–45 об.

22. Шеститомный «Курс математики» (1764–1769) стал популярным в преподавательской и ученической среде с 1780-х гг. Согласно документам Корпуса чужестранных единоверцев в сентябре 1793 г. для корпусной библиотеки был приобретен курс на французском языке за 17 рублей (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 8. Д. 23. Л. 130).

23. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 584. Л. 101–102. К сожалению, данных о работе этой комиссии нам не удалось обнаружить; ничего не говорится об этом у Ф. Ф. Веселаго (*Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет.* СПб., 1852).

24. В «Сводном каталоге» указано, что учебник был переведен учителем Федором Гребенщиковым (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.: 1725–1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975. С. 102, № 451–452). Из архивных документов известно, что Ф. Гребенщиков преподавал в Морском кадетском корпусе до ноября 1793 г. 5 ноября 1793 г. он был исключен из списков в связи с переходом на работу в Корпус чужестранных единоверцев, где по приказу императрицы он был назначен инспектором. На момент увольнения Гребенщиков получал в месяц 66 руб. 5 ¼ коп. (включая 4 руб. 50 коп. на квартиру и 3 руб. 22 коп. на дрова) (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 585. Л. 112–113). Атрибуция «Свод-

ного каталога» является ошибочной. В документах за 1795 г. говорится, что учебник геометрии перевел «находящийся в морско(м) корпусе профессор» Иван Гребенщиков (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 654. Л. 76). В корпусе служило несколько Гребенщических (возможно, они были родственниками). В документах фигурирует еще и Петр Гребенщиков, преподававший с 1778 г. итальянский язык (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 901. Л. 18).

25. СК XVIII 451 (*Основы геометрии*). РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 654. Л. 76. При типографии учебник продавался по 98 коп. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 729. Л. 190 об.).

26. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 585. Л. 307 об.

27. Там же. Д. 654. Л. 76.

28. Там же. Л. 113–113 об. 1200 экз. обошлись в 263 руб. 50 коп., а один экземпляр в 22 коп. При типографии книга продавалась по 36 коп. В «Сводном каталоге» нет.

29. Из сохранившихся послужных списков известны биографические сведения об Иване Соболеве и Никифоре Лебедеве. В декабре 1802 г. Соболев писал о себе, что ему 32 года и он происходит из священнических детей. С 1780 по 1788 г. он учился в Переяславской семинарии, а после ее закрытия еще два года учился в Тверской семинарии. В Морской кадетский корпус он поступил в декабре 1790 г. «в гимназисты перьяво отдела», с января 1795 г. он «заучитель», с февраля 1798 – учитель. В январе 1802 г. он получил 14 класс. В качестве гимназиста изучал математические и навигацкие науки и позже стал преподавать математику, навигацию и астрономию. Из иностранных языков знал латинский и французский языки. О себе дополнительно сообщал, что побывал в двух кампаниях на море: в 1794 г. плывал на фрегате «Екатерина», в 1800 г. – на фрегате «Архипелаг» (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 711. Л. 33 об.–34).

30. В декабре 1802 г. Никифор Кононович Лебедев писал, что ему 28 лет и он происходит из священнических детей. С 1783 по 1791 г. учился в Тверской семинарии. В октябре 1791 г. поступил в Морской кадетский корпус. В качестве гимназиста в течение 1791–1795 гг. изучал французский, английский и итальянский языки, а также математику, историю и географию. В январе 1795 г., еще оставаясь гимназистом, стал преподавать английский язык. С сентября 1795 г. «заучитель», с марта 1798 г. – учитель. В январе 1802 г. ему присвоен 14 класс. Некоторое время преподавал историю, а с 1798 г. ему было поручено преподавать французский язык (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 711. Л. 69 об.–70).

31. СК XVIII 450 (*Основания арифметики*). Тираж 1200 экз. обошелся в 280 руб. 50 коп., одна книга – в 23 ½ коп. По предложению И. Т. Смирнова при типографии книги продавались по 50 коп. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 686. Л. 107).

32. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 584. Л. 201.

33. Преподавал в Морском кадетском корпусе с 1787 г. В разное время преподавал итальянский и французский языки, историю и географию. Уроженец Неаполя, из адвокатской семьи (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 711. Л. 106 об.–107).

34. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 654. Л. 84.

35. Подробнее см.: Руднев Д. В. Неизвестные имена XVIII в.: Прохор Иванович Жданов // Литературная культура России XVIII века. Вып. 4. СПб., 2011. С. 262–276.

36. Там же. Л. 219.

37. Там же. Д. 686. Л. 60. В «Сводном каталоге» третье издание датировано 1796 г.: СК XVIII 1592 (*Искусство военных флотов или Сочинение о морских эволюциях*).

38. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 654. Л. 239 об. См.: СК XVIII 7113 (*Таблицы логарифмов на числа от единицы до 10000*). Напечатаны не ранее марта 1796 г.

39. СК XVIII 452 (*Основы геометрии*). Французской азбуки издания 1798 г. в «Сводном каталоге» нет (так назывался учебник Ж. Р. Готье. *Легкий способ научиться французскому языку*). Ордер о переиздании геометрии тиражом 800 экз. дан 2 октября 1798 г. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 786. Л. 195).

40. СК XVIII 453 (*Плоская и сферическая тригонометрия*).

41. Тираж 1200 экз. обошелся в 397 руб. 50 коп.; одна книга – в 33 ¼ коп. Смирнов испрашивал повеления отпускать книги в корпус и продавать желающим по 50 коп., но канцелярия приказала отпускать книги в корпус по себестоимости, а желающим продавать по 50 коп. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 996. Л. 136, 138).

42. Тираж составил 300 экз. и обошелся в 377 руб. 10 коп., а одна книга – в 1 руб. 26 коп. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 996. Л. 132, 134).

43. Тираж 1200 экз. (из них 25 экз. на «пергаментовой» бумаге, 75 на «александрийской» бумаге; остальные на «коментарной» бумаге). Ордер о печатании был дан Смирнову 29 мая 1801 г. Печатание обошлось в 1235 руб. По повелению императора тираж всех частей книги был предоставлен в пользу сочинителя (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 948. Л. 186, 187, 197, 198; Д. 996. Л. 37, 40).

44. Жданов П. И. Англиская грамматика, вновь сочиненная Морского Шляхетного Кадетского корпуса учителем и секретарем 6го класса Прохором Ждановым. СПб.: тип. Морского Шляхетного Кадетского корпуса, 1801. Тираж 1200 экз. Печатание *Англиской грамматики* обошлось в 1071 руб. 50 коп. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 885. Л. 119–119об., 127–129об.).

45. Известно, что вторая часть курса Гамалеи обошлась в 1384 руб. 70 коп. Деньги за печатание были получены из Адмиралтейской коллегии между январем и апрелем 1803 г. Из полученной суммы служащие типографии получили 57 руб. 20 коп. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 997. Л. 27).

46. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 948. Л. 182.

47. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 996. Л. 40. Платон Яковлевич Гамалея (1766–1817) окончил Морской кадетский корпус (1783). После окончания корпуса участвовал в заграничных плаваниях, изучив французский и английский языки. В 1788 г. был назначен ротным командиром и преподавателем математики в Морском кадетском корпусе. Педагогическую деятельность прервало участие в русско-шведской войне (1788–1790). Участвовал в Гогландском (1788), Роченсальмском (1789), Выборгском (1790) сражениях. За боевое отличие был произведен в капитан-лейтенанты (1789). Во втором Роченсальмском сражении (1790) был взят в плен. После заключения мира

со Швецией вернулся к педагогической деятельности в Морском кадетском корпусе (1791–1811). Выдающаяся эрудиция Гамалеи и его педагогический талант стали основанием для назначения на должность главного инспектора по учебной части (1795). Находясь в этой должности (до 1808 г.), он существенно перестроил систему преподавания в Морском кадетском корпусе. За свои научные труды Гамалея был избран действительным членом Академии наук (1801). В 1815 г. был назначен членом Государственного адмиралтейского департамента. См.: *Веселаго Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 172–175; Гамалея Платон Яковлевич // *Русский биографический словарь*. М., 1914. Т. Гааг – Гербель. С. 193–195.

48. Автор грамматики Прохор Жданов умер 26 февраля 1801 г. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 885. Л. 129). В справочниках (в том числе в «Сводном каталоге») годом его смерти ошибочно указан 1802 г.

49. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 901. Л. 17.

50. Там же. Д. 885. Л. 126–126 об.

51. Там же. Л. 127.

52. *Таблицы* обошлись в 641 руб. 30 коп., а один экз. в 53 ½ коп.; *Предводитель* (1200 экз.) обошелся в 168 руб. 30 коп., а один экземпляр в 14 коп. (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 996. Л. 137).

53. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 948. Л. 107. Ордер о печатании дан 12 июля 1801 г.

Д. Д. Гальцин

Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741): судьба собрания и история его изучения

АННОТАЦИЯ

Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741), ректора Московской академии, архиепископа Тверского и Кашинского, была одним из крупнейших частных книжных собраний петровской эпохи. Автор прослеживает историю изучения собрания Лопатинского, обращает внимание на маргиналии, дарственные и владельческие надписи, оставленные в разное время на экземплярах из этого собрания.

Ключевые слова: частное книжное собрание, Феофилакт Лопатинский (ок. 1680–1741), Стефан Яворский (1660–1722), петровская эпоха, маргиналии, история книги.

Феофилакт (в миру – Федор Леонтьевич) Лопатинский родился в начале 1680-х гг. на Волыни; он получил образование в Киево-Могилянском коллегиуме и во Львове, преподавал в Киеве, позже был приглашен в Московскую академию. Там он стал сначала префектом (1704), потом ректором (1706) и архимандритом Заиконоспасского монастыря. Он преподавал философию и богословие в академии, работал в комиссии, созданной по приказу Петра в 1712 г. для подготовки новой редакции славянского текста Библии (так наз. Елизаветинская Библия вышла в 1751 г.) [1]. Лопатинский также известен как автор и соавтор ряда важных публицистических и пропагандистских текстов петровской эпохи: ему принадлежит служба благодарственная о победе под Полтавой, речь о мире со шведами, он участвовал в сочинении «Политиколепной Апотеозис...» (совместно с Иосифом Туробойским) [2]. Лопатинский был автором первого оригинального академического курса по философии, написанного в России (на латинском языке). В начале 1720-х гг. Лопатинский был сделан членом Синода, оставил должности в Москве и из Заиконоспасского

монастыря был переведен сначала в Чудов монастырь, потом, будучи рукоположен в сан епископа, (а с 1725 г. – архиепископа), занял Тверскую и Кашинскую кафедру. Архиепископ Феофилакт служил в Твери с 1725 по 1738 г. [3].

Феофилакт как одна из ключевых фигур круга церковных деятелей, которых в литературе XIX в. иногда именуют «партией старины», публично полемизировал с Феофаном Прокоповичем, главным пропагандистом церковных реформ и культурных преобразований Петра. Первая полемика и первые конфликты между Лопатинским и Яворским с одной стороны и Прокоповичем – с другой – начались еще в 1712 г.; впоследствии дело доходило даже до попыток со стороны Яворского, Гедеоны Вишневецкого и Лопатинского воспрепятствовать церковной карьере Феофана. В 1720-е гг., когда Прокопович получил безраздельное влияние на церковь и значительный вес в Тайной канцелярии, начался ряд политических дел, в которых оказались замешаны лица, приближенные к Феофилакту (И. А. Чистович в XIX в. называл эти процессы «Решиловским делом») [4]. Речь шла ни более, ни менее, как о государственной измене, а поводом к разбирательству стало опубликование Феофилактом в 1728 г., спустя шесть лет после смерти автора, огромного апологетического труда Стефана Яворского «Камень веры». В итоге «Решиловского дела» Феофилакт оказался арестован, признан виновным в государственной измене, по-видимому, пытан, лишен сана, расстрижен и пожизненно заключен в замок в Выборге. Все бумаги опального архиерея и его библиотека были арестованы и перевезены в Петербург. Лопатинский был реабилитирован в правление Анны Леопольдовны в конце 1740 г., а при восшествии на престол Елизаветы восстановлен в сане. Однако здоровье Лопатинского было подорвано заключением, и он умер в мае 1741 г., так и не вернувшись в Тверь, на свою кафедру.

Библиотека Лопатинского по праву считается одним из самых значительных и интересных книжных собраний в России первой половины XVIII в.: она насчитывала 1416 томов. Она была конфискована в 1738 г. Тайной канцелярией, а после реабилитации Феофилакта, отдана им, через Синод, по духовному завещанию Тверской семинарии [5]. В Тверскую семинарию, тем не менее, в 1743 г. попали далеко не все книги собрания: часть его по распоряжению Синода перешла другим духовным учебным заведениям [6]. В Твери библиотека Лопатинского легла в основу библиотеки Тверской семинарии (позже – Фундаментальной библиотеки Тверской семинарии). Впоследствии тверское собрание пополнялось ценными изданиями XVI–XVIII вв., а после революции 1917 г. редкие книги из этой библиотеки были

переданы Калининскому государственному педагогическому институту. В 1959 г. семинарская библиотека была передана из Калинин в Библиотеку Академии наук, где в настоящее время она хранится отдельным собранием как «Библиотека Феофилакта Лопатинского», по имени основателя книжной коллекции. В библиотеке преобладают книги на латинском языке. Также представлены греческий (античная классика, византийские церковные историки и трактаты XVII–XVIII вв.), польский (который Лопатинскому, как и другим ученым, происходившим из Украины, был отлично известен), русский, церковнославянский, древнееврейский языки. Книг на немецком крайне мало; на французском языке только один словарь.

О личной библиотеке Феофилакта Лопатинского, какой она сложилась к 1738 г., мы можем судить по реестру, составленному в Тайной канцелярии в январе 1739 г. [7]. Внутри личной библиотеки Лопатинского можно обнаружить книги из других частновладельческих библиотек рубежа XVII–XVIII вв. В собрании находится не менее двух десятков книг, которые либо прежде принадлежали Стефану Яворскому, либо, во всяком случае, были им читаны; 8 книг с владельческими пометами Патрика Леопольда Гордона; 4 – с владельческими пометами Симеона Полоцкого, на 3 из которых также присутствует автограф Сильвестра Медведева; 4 принадлежали Дмитрию Туптало (св. Димитрию Ростовскому) [8]; 3 – Иосифу Туробойскому; 4 или 5 – Варлааму Косовскому; 6 – Энгельберту Дёрперу, пастору реформатской церкви в Москве; по одному экземпляру – Ивану Зотову, Палладию Роговскому, Лазарю Барановичу, а впоследствии Паисию Лигариду. В пометах на экземплярах библиотеки также представлено множество других, менее известных персоналий [9].

История изучения

Интерес к библиотеке Феофилакта возник в Твери в 1880-х гг. и был связан с именем тверского историка Владимира Ивановича Колосова (1854–1919). Колосов обращается к теме библиотеки Лопатинского в «Истории тверской духовной семинарии» (1889) и в примечаниях к тексту изданного им «Каталога преосвященных архиереев тверских» Ивана Евдокимова (1888). Для Колосова Лопатинский в первую очередь был пионером тверского просвещения и организатором учебной деятельности, а его библиотека в первую очередь – основой для тверской семинарской библиотеки. Колосов обратил внимание на Новый Завет Стефана Яворского как на один из ценнейших экземпляров в тверской библиотеке, однако, не стал

читать его маргиналии. По-видимому, доверяя сообщению комментатора Евдокимова, Колосов оценивал объем библиотеки Феофилакта как «более тысячи книг».

Важными для дальнейшего изучения библиотеки оказались наблюдения другого тверского историка, Дмитрия Ивановича Скворцова (1861–?), в его очерке «Замечательные рукописи архиепископа Феофилакта Лопатинского в Тверской семинарской библиотеке» (1891). Скворцов довольно эмоционально и не вполне заслуженно подверг критике те немногие фрагменты текста, которые библиотеке Феофилакта посвятил Колосов, и сделал важное предположение: по мнению Скворцова, существующая в многочисленных вариантах рукописная помета «*Ex cathedrali biliotheca Tferensis Episcopi*», которая обнаруживается на рукописях и многих книгах Тверской семинарской библиотеки, может служить свидетельством принадлежности книг и рукописей Лопатинскому. Согласно Скворцову, помета такого рода, по его мнению, «сделанная одним и тем же почерком и одинаковыми на всех чернилами», представляет собой «подпись» (неясно, в каком смысле он использует это слово), маркирующую личные книги и документы архиепископа: «Эта-то подпись и служит одним из важнейших документов принадлежности всех этих рукописей архиепископу Феофилакту. С такою подписью книг в семинарской библиотеке много – и они, вероятно, составляют собою ту библиотеку Феофилакта, которая была передана сюда после его смерти» [10]. Скворцова как исследователя интересовали в первую очередь рукописные документы Феофилакта, особенно его сочинения против раскольников; аутентичность рукописных документов, содержащих замеченную Скворцовым «подпись», таким образом, в его глазах служила подтверждением тому, что ее можно использовать для идентификации личных книг Лопатинского. Однако сам Скворцов назвал подпись лишь «одним из важнейших» свидетельств, но далеко не единственным. Применительно к интересующей нас проблеме вычленения книг Лопатинского из корпуса Тверской семинарской библиотеки, она, к сожалению, дает довольно немного. Во-первых, несправедливо говорить об этих пометах как о единой «подписи»: рукописные экслибрисы «кафедральной библиотеки» ставились на тверских книгах, судя по всему, со времени архиерейства Лопатинского до начала XIX в. (есть датированные пометы вплоть до 1820-х гг.). Во-вторых, идентичные «кафедральные» экслибрисы можно обнаружить на книгах, которые несомненно принадлежали Лопатинскому (содержащие дарственные надписи, адресованные ему) и книгах, изданных уже после смерти архиерея.

Гипотеза Скворцова оказалась крайне важна для первого обзорного исследования редких книг тверской библиотеки – статьи Александра Николаевича Лавровского «Феофилакт Лопатинский и его библиотека» (1947). Эта статья во многом способствовала привлечению научного интереса к библиотеке Лопатинского; сам автор сыграл ключевую роль в передаче собрания тверской семинарии из Калининского пединститута в БАН. Лавровский, опираясь на гипотезу Скворцова, выделил из собрания библиотеки КГПИ «библиотеку Феофилакта Лопатинского», куда включил книги, содержащие экслибрисы указанного выше типа. Именно ее он характеризует в своей статье, которая по сей день является важной вехой в литературе о Феофилакте. Лавровский первым указал на «опись» книг Лопатинского, составленную при его аресте – это тот самый «Реестр книгам Лопатинского» 1739 г., о котором уже шла речь, и правильно определил число книг, принадлежавших архиерею – 1416 томов. Лавровский выдвинул свой критерий принадлежности книг Лопатинскому: «Для книг Ф. Лопатинского последней датой издания следует считать 1735 год – год ареста Лопатинского и опечатания его библиотеки. Другим признаком является надпись на книгах, сделанная на латинском языке одним почерком и одинаковыми чернилами: “Из кафедральной библиотеки епископа Тверского”» [11]. Статья Лавровского представляет собой первый опыт описания изданий библиотеки Тверской семинарии по составу: он подробно останавливается на областях знания, представленных в библиотеке, античных, средневековых и новоевропейских авторах, наиболее известных типографах, российских изданиях петровской эпохи, представленных в библиотеке. Именно Лавровскому, по-видимому, принадлежит образ Лопатинского как непревзойденного в России полиглота (широта лингвистической эрудиции которого сделала бы честь даже лучшим европейским университетам) – архиерею приписывалось, наряду с «блестящим» знанием латыни, древнегреческого и польского языков (каковое явствует и из других источников) также владение французским, немецким, голландским, еврейским, халдейским, арабским. Такое смелое заключение (Лавровский называет Лопатинского «выдающимся знатоком» этих языков) основывается только на том факте, что в числе редких книг, на которых Лавровский обнаружил «кафедральный» экслибрис были лексиконы и билингвы на указанных языках.

В монографии Сергея Павловича Луппова «Книга в России в послепетровское время» (1976) впервые был проанализирован состав библиотеки Лопатинского в свете «Реестра книгам Лопатинского»

1739 г. Как и статья Лавровского, соответствующий раздел в монографии Луппова носил обзорный характер: важно было показать, какие книги читали высокопоставленные архиереи 1720-х – 1730-х гг. и какие зарубежные и российские издания они имели в своих собраниях.

Работа над собранием Лопатинского, которую представляю я – исследовательский проект, выполнявшийся в 2004–2015 гг. ст. н. с. НИОРК Г. Н. Питулько и мной. В процессе работы был решен ряд проблем идентификации книг собрания (в частности, из 1860 томов мемориальной библиотеки НИОРК выявлено около 650 книг, которые, по всей вероятности, являются экземплярами, лично принадлежавшими Лопатинскому), составлен каталог книг Лопатинского в собрании БАН и изучены несколько комплексов маргиналий, проливающих свет на историю библиотеки и биографии прежних владельцев книг.

Маргиналии

Наиболее ценны в качестве исторического источника пометы в книгах Лопатинского, оставленные экзархом российской церкви в 1701–1721 гг. Стефаном Яворским (1660–1722), духовным отцом и другом Феофилакта. В частности, на основании этих помет удалось выяснить подлинную дату рождения Стефана, и отчасти прояснить контекст создания его главного богословского труда «Камень веры» [12]. Отдельные маргиналии Яворского говорят о характере отношений между двумя иерархами церкви. Четыре тома библиотеки Лопатинского содержат дарственные надписи Стефана Яворского своему другу. Самая ранняя из этих надписей относится к 1711 г.: «Perillustri ac admodum R[evere]ndo Patri Theophylacto Lopatinski Abbati ac Rectori Collegii Imperialis Moscovitici, nec non Sapientissimo Theologiae Lectori, mihi amantissimo Fratri, Librum hunc donat Stephanus Iaworski indignus Metropolita Riazane[n]sis. A[nn]o 1711. Martii 23» [13]. Впоследствии Яворский дарил Лопатинскому книги в 1716 и 1717 гг., притом оба раза 8 марта – на именины Феофилакта [14]. Самая витиеватая дарственная надпись появляется на обороте приплетного листа «Хроники» Феофилакта Симокатты: «Quoniam similis gaudet simili, Idcirco Eruditissimum hunc Historicu[m] Theophylactum Perillustri ac Eruditissimo Abbati Theophylacto, Graecolatino Graecolatino, Anniversario Divinissimi Theophylacti die, In pign[us] [sic!] gratulatorij plausq[ue] ac Amoris dono mitto, Stephanus Iaworski Metropolita Riazaniae ac Muromi» [15]. Причем, в этом же томе на полях Яворский

оставил несколько, по своему обыкновению, эмоциональных замет о прочитанном тексте; дарить другу том с собственными пометами митрополит явно не считал зазорным. Знаменательно также, что в одной из дарственных записей Яворский отзывается о Лопатинском как о «Sacraru[m] Literaru[m] Interpreti» [16] («переводчике Священного Писания»), признавая его заслуги в работе комиссии, созданной Петром по подготовке исправленного полного текста славянской Библии. Помимо четырех подаренных Лопатинскому книг в его библиотеке содержатся еще несколько книг с рукописными экслибрисами или маргиналиями Яворского. Есть высокая вероятность того, что Лопатинский после смерти рязанского архиепископа в 1722 г., вернувшись в Москву, каким-то образом заполучил ряд книг покойного. Известно, что Яворский завещал свои книги «Богородичному Назарету» (Благовещенскому монастырю), основанному им в Нежине, и сам составил опись своей библиотеки, которая должна была отправиться туда в 1721 г. Однако в 1728 г. архимандрит нежинского монастыря Савва Шпаковский обнаружил в Москве книги Яворского, не отправленные в Нежин. Также для работы над изданием «Камня веры» Лопатинский просил у Синода распорядиться вернуть в Москву некоторые книги Яворского из Нежина [17].

В библиотеке Лопатинского представлены книги из библиотеки Симеона Полоцкого, унаследованные Сильвестром Медведевым. Особенно примечателен своей судьбой экземпляр книги польского иезуита Николая Кикония (1598–1669) «Суд святых отцов» [18]. Первая и самая ранняя по времени дарственная надпись относится, по всей видимости, к 1666–1667 гг. – времени Большого московского собора, на котором присутствовали представители патриархий православного грекоязычного Востока. В их числе находился митрополит Газский Паисий Лигарид (1610–1678), который был одним из наиболее активных сторонников церковных реформ Алексея Михайловича. Видимо, в это время епископ Черниговский Лазарь Баранович (1616–1693), тоже присутствовавший на соборе в Москве, поднес книгу Кикония Лигариду. В дарственной надписи он называет Лигарида своим меценатом, так что дар вряд ли был просто знаком восхищения ученостью митрополита. Однако, видимо, книга, в которой идет речь о власти римского папы над восточными патриархами, оказалась не нужна Лигариду, потому что уже в 1668 г. она, согласно владельческой записи, оставленной Симеоном Петровским Ситняновичем, иеромонахом Полоцким, который более известен в истории русской литературы просто как Симеон Полоцкий (1629–1680), перешла в его библиотеку. Симеон Полоцкий был переводчиком

Паисия; Баранович, его учитель, рекомендовал своего ученика Газскому митрополиту еще в 1664 г.: связи между Симеоном и Паисием были постоянны [19]. Эта книга потом перешла к ученику Симеона, Сильвестру Медведеву (1641–1691). Библиотека Сильвестра Медведева после его казни хранилась в московской Типографии [20], где Лопатинский активно работал в 1710-е гг. вместе с Софронием Лихудом и Федором Поликарповым в комиссии по сверке славянского текста Библии, и откуда, видимо, она, вместе с несколькими другими книгами Симеона и Сильвестра, попала к нему.

Примечательна также одна книга, подаренная Лопатинскому помощником датского посла Расмусом Эребо (Rasmus Åræboe), служившим в России в 1710–1712 гг. В своих воспоминаниях о московской жизни, написанных после возвращения в Данию, Эребо сообщает: «Во время пребывания моего в Москве я перезнакомился с профессорами, состоящими при тамошней Русской гимназии... Особенно сблизился я с Феофилактом Лопатинским, тогдашним ректором гимназии (ныне архиепископ Тверской), которому подарил Schertzeri Anti Bellarminum... Всякий раз, когда я сходил с этим профессором, у нас (возникали) богословские диспуты. Но когда они наконец поняли, что своими воображаемыми доводами не могут доказать мне ничего иного кроме того, во что я верую, то избрали относительно меня другой путь и стали говорить, что если я останусь у них и приму их религию <...> они устроят так, что я буду у них епископом. Уж не припомню, сколько именно годового дохода я должен был получать, но (размер) его был значителен. (Желая) вежливо отклонить такое (предложение), я отвечал, что (все) это было бы весьма недурно, но что плоть у меня не монашеская, каковую <...> должны иметь епископы, и что я намереваюсь со временем жениться. На это они возразили, что в (канонах) их веры нет прямого правила о том, чтоб духовные лица и епископы непременно были иноками; они добудут для меня от Константинопольского патриарха, высшего главы их церкви, разрешение сделаться епископом и тем не менее жениться. Тут я поневоле спросил их, согласуется ли такое разрешение с волею Божьей и заповеданными нам <...> приказаниями, или же противно им... В конце концов, они поняли, что со мною подобные речи ни к чему не поведут, и потому мы уговорились не касаться при (наших) свиданиях вопросов веры, так как это повлекло бы только к охлаждению с обеих сторон нашей дружбы, а (подобного охлаждения) я вовсе не желал, по той причине, что (в России), как и в Папской области, духовенство знает все, и что чрез обхождение с (духовными лицами) я задолго вперед узнавал многие тайны» [21]. Книга, подаренная

Лопатинскому, появляется в описи его книг как «Схерзера антебеллярмина. Латинская в черной коже» [22]. Она сохранилась в фондах БАН. Расмус Эребо подарил книгу Лопатинскому 9 февраля 1711 г., когда вместе с датской миссией он направлялся через Москву на юг, в район военных действий против Турции. По владельческим надписям на сохранившемся экземпляре мы можем проследить его историю в 1698–1711 гг.: за это время она сменила пять владельцев (через дарения), проделав путь из Германии через Данию до Москвы. Эту книгу купил некто С. Винтер в 1698 г. Им она была подарена «молодому человеку <...> Иоанну Винтеру», от него «по наследству» перешла некоему Иоанну Кисби. Кисби «даром уступил» книгу Эребо, когда тот уезжал из Дании. Сам же Эребо, «чтобы подчеркнуть ценность этого дара», подарил книгу «отцу Лопатинскому, навеки почтенному и восхищения достойному» [23]. Выбор книги для подарка не случаен в свете тех вопросов вероучения, которые обсуждали Эребо и Лопатинский. Это сборник диссертаций разных авторов по лютеранскому богословию под общей редакцией Иоганна Адама Шертцера (1628–1683). Как следует из названия, сборник был направлен против одного из столпов Контр-Реформации – церковного ученого Роберто Беллармина (1542–1621). Труды Беллармина по библейской экзегезе, текстологии и церковной истории были широко представлены в библиотеке Лопатинского [24]. В «Анти-Беллармине» решительной деконструкции подвергались самые основы католической учености XVI–XVII вв., на которую в целом ориентировались воспитанники Киево-Могилянской академии (и католических коллегий), доминировавшие в духовенстве Петровской эпохи. Лопатинский принял эту книгу от человека, которого безуспешно пытался обратить в православие и даже рукоположить в священство. Такой подарок вполне мог быть воспринят как подтрунивание над другом, принадлежавшим к другой конфессии. Подобные отношения, памятником которых является наш экземпляр, и о которых говорят воспоминания датских дипломатов, свидетельствуют как о сложности отношений между представителями разных культур и религий в петровской России, так и об их взаимном стремлении к контакту. Примечательно также в этой связи наличие у Лопатинского 6 книг, некогда принадлежавших Энгельберту Дёрперу (Dörper, 1665–1739), пастору реформатской общины в Москве (с 1703 г.); вероятнее всего, Дёрпер отдал (или продал) некоторые книги из своей библиотеки, когда направлялся в начале 1710-х из Москвы в Европу [25].

Изучение маргиналий петровской эпохи позволяет нам по-новому взглянуть на это сложное время политических, социальных

и культурных трансформаций сквозь призму книжной культуры. Библиотеке Феофилакта Лопатинского, одного из образованнейших российских князей церкви и ведущих в России педагогов, в процессе этих трансформаций, принадлежала своя роль, что наделяет особой актуальностью ее всестороннее исследование.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 124. Об исправлении и печатании при Синоде Библии (1744–1753).

2. Служба благодарственная Господу Богу о Великой победе над шведским королем Карлом XII и войском его, одержанной государем Петром Великим под Полтавою. М., 1709; Божие уничижение гордых уничижение, при вшествии свейския силы разорителя, действием академии учением греческим, славенским и латинским процветающее изображение. М., 1710; Слово о богодарованном мире, заключенном российской империей с короною шведской. М., 1722; Политиколепная апофеосис достохвальныя храбрости всероссийского Геркулеса... Петра Алексеевича... М., 1709. Список трудов Лопатинского см.: *Панибратцев А. В.* Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века). М., 1997. С. 27, 28, а также: *Смирнов С. К.* История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 136–138, 158, 173.

3. О Феофилакте Лопатинском: *Николаев С. И.* Лопатинский Федор Леонтьевич (в монашестве – Феофилакт) // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 226–228.

4. *Чистович И. А.* 1) Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. СПб., 1861; 2) Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

5. *Лавровский А. И.* Феофилакт Лопатинский и его библиотека // *Ученые Записки Калининского педагогического института.* Факультет языка и литературы. Т. XV, вып. 1. С. 200.

6. *Лунтов С. П.* Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976. С. 269; *Питулько Г. Н.* К вопросу об изучении и научном описании книг из собрания Феофилакта Лопатинского // *Книга в России.* М., 2006. Сб. 1. С. 236. Всего в Тверь была отправлена из Петербурга 941 книга (РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 109 «О книгах Феофилакта Лопатинского» (1742)).

7. «Реэстр Библиотеке Лопатинского которая имеется в Канцелярии тайных розыскных дел» (1739) (РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 576. Л. 104–163; далее – «Реэстр»); «О книгах Феофилакта Лопатинского» (РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 109).

8. О книгах Дмитрия Ростовского у Лопатинского см.: *Волков А. В.* «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского и «Всемирная хроника» Иоанна Навклира // *Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология.* М., 2014. Вып. 3 (38). С. 51–68.

9. Всего при подготовке каталога библиотеки Феофилакта Лопатинского по маргиналиям было выявлено свыше 200 владельцев (в качестве которых выступают как отдельные люди, так и монастыри или учебные заведения).

10. *Скворцов Д. И.* Замечательные рукописи архиепископа Феофилакта Лопатинского в Тверской семинарской библиотеке. Тверь, 1891. С. 29–30.

11. *Лавровский А. Н.* Феофилакт Лопатинский и его библиотека // Ученые записки Калининского государственного педагогического института. Калинин, 1947. Т. 15, вып. 1. С. 203–204.

12. О маргиналиях Яворского см.: *Гальцин Д. Д.* 1) Книги Стефана Яворского в библиотеке Феофилакта Лопатинского // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности. К 285-летию основания Академической типографии в России: материалы V Междунар. науч. конфер. (Москва, 24–26 октября 2012 г.). М., 2012. Т. 1, ч. 1. С. 105–114; 2) Новый Завет и Псалтирь издания Киево-Печерской лавры (1692 г.) из мемориальной «Библиотеки Феофилакта Лопатинского» в отделе редкой книги БАН: маргиналии Стефана Яворского (1660–1722) // Книга в России: К истории академической библиотеки: Сб. науч. тр. СПб., 2014. С. 63–79.

13. *Ἀλεξίς Κομνηνός.* Πανόπλια δογματικῆ Ἀλεξίου... τοῦ Κομνηνοῦ... Tergovisto, 1710 (экз. НИОРК БАН, Библиотека Феофилакта Лопатинского, 1444-л, титульный лист): «Знаменитейшему и почтенному отцу Феофилакту Лопатинскому, настоятелю и ректору императорской московской коллегии, учнейшему профессору теологии, любимейшему моему брату, дарит эту книгу Стефан Яворский, недостойный митрополит рязанский 1711 г. Марта 23» (Перевод на вклейке на форзаце книги, выполненный в 1960 г. для БАН выдающимся филологом-классиком Марией Ефимовной Сергеевко).

14. Книги, подаренные Стефаном Феофилакту: в 1716 г. – *Stanley Th. Historia Philosophiae...* Lipsiae: T. Fritsch, 1711. Т. 1, 2 (экз. НИОРК БАН 931-л, 932-л.); в 1717 г. – *Theophylactus Simocatta. ...Historiae Mauricii Tiberii...* Ingolstadii: A. Sartorius, 1604 (экз. НИОРК БАН 959–960-л).

15. «Поскольку подобное радует подобное, засим учнейшего этого историка Феофилакта славнейшему и учнейшему игумену Феофилакту, греко-латинский [том] греко-латинскому [ученому], в ежегодный день [памяти] святейшего Феофилакта, в знак благодарности, похвалы и любви дарствую, Стефан Яворский, митрополит Рязанский и Муромский» (*Theophylactus Simocatta. ...Historia...* экз. НИОРК БАН 959–960-л).

16. Две идентичных дарственных надписи на обороте титульных листов в кн.: *Stanley Th. Historia Philosophiae...* Т. 1, 2.

17. *Маслов С. И.* 1) Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. xvi, 47; 2) Документы относящиеся к судьбе библиотеки Стефана Яворского // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1914. Кн. 24, вып. 2. С. 57.

18. *Kichocki M.* Tribunal SS. Patrum Orientalium et Occidentalium ab Orientalibus summè laudatorum... [S.l.], In Officina Viduae & Haeredum Francisci Caesarij S.R.M. Tur., [s.a.]. Экз. НИОРК БАН, 867-л, пометы на обороте свободной части переднего форзаца: 1. «III[ustriss]imo ac R[evere]ndissimo in Ch[ris]to D[omi]no Patri, Pastori Mecenati Colendibimo Paisio Ligaridio Gazae Metropolitae in augm[entum?] fra[ternae] Ch[a]ritatis offero Obseruantibimus

Se[r]uitor et [nrзб] Lazarus Baranowicz Ep[isco]pus Tcernihouiensis Nouograd. Manu p[ro]pria»; 2. «Transiit in Libraria[m] Simeonis Pietrovski Sitnianowicz Hieromonachi Polocensis Ord. S. Bas. M: Moscouiae An: 1668»; 3. «трибуналь с[вя]ты[x] отецъ Силве[ст]р: Мед[ведев]».

19. *Татарский И. А.* Симеон Полоцкий (Его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886. С. 74–77.

20. См.: *Юсим М. А.* Книги из библиотеки Симеона Полоцкого – Сильвестра Медведева // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 47. С. 312–327.

21. *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711 гг.) / Пер. с дат. Ю. И. Щербачева // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1899. Т. 190. С. 448–449.

22. Реэстр Библиотеке Лопатинского // РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 576. Л. 134.

23. Экземпляр НИОРК БАН (Библиотека Феофилакта Лопатинского, 851-л): *Scherzer, Johann Adam. ...Anti-Bellarminus, sive...controversiarum Roberti Francisci Romuli Bellarmini...disputationes academicae.* Lipsiae: Literis Christiani Scholvini, 1681. На переднем форзаце владельческая запись: «Compar. 2 Imp. Ao 1698. die 9 Apr.». На обороте свободной части переднего форзаца (тот же почерк) дарственная надпись: «Praestantissimo et Ornatissimo Viro-Iuveni, JOHANNI WINTHERO, hoc qualunq[ue] studij Theosophici instrumentum, et intemerati amoris symbolum amicè donat nomine et amore conpunctissimus S. Wintherüs». Владельческие надписи: 1). «Post Possessorem, supra laudatum, Joh: Wintherum, haereditate mihi obtigit hic liber. Joh: Kisby». 2). «Idem Amicus meus dilectissimus atq[ue] eruditissimus Johannes Kisby comitem itineris hunc librum abiturienti gratis concessit, ipse, ne parum donatus videretur liber, jus suum in aeternum remisi legitimo post hac possessori Patri Lopatinschy, Amico aetatem reverendo, et suspiciendo; A[nn]o 1711. VIIIo: Febr: Erasmus Åreboe».

24. В том числе собственно «Диспутации»: *Bellarmino, Roberto. ...Disputationum... De controversiis Christianae fidei...* 4 t. Parisiis: Ex officinis Tri-Adelphorum Bibliopolarum, 1607–1608 (экз. НИОРК БАН, Библиотека Феофилакта Лопатинского, 1463-л, 1464-л).

25. Об Энгельберте Дёрпере см.: *Dörper (Engelbertus)* // *Nieuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek* / red. P. Molhuysen, P. Blok, K. Kossmann. Leiden: A. W. Sijthoff, 1930. 8 Deel. S. 421. Дёрпер расформировывал свою библиотеку, по-видимому, в 1711 г. – эта дата встречается в записи на переднем форзаце книги: *Scaliger J. J. ...Opus de emendatione temporum...* Genavae: Typis Rovenianis, 1629. (Экз. НИОРК БАН 1608-л).

Е. А. Савельева

К вопросу о Готторпской библиотеке

АННОТАЦИЯ

Известно, что Готторпская библиотека была отправлена водным путем в Петербург в 1713 г. Можно предположить, что вышедший из Киля корабль с книгами на борту никогда не достиг берегов России. Время перевозки этих книг совпало со временем сражений на Балтике русского и шведского флотов. Пока не найдены свидетельства, подтверждающие прибытие готторпских книг в Петербург, можно считать, что они либо погибли при их транспортировке по морю, либо были захвачены противником.

Ключевые слова: *ранняя история Библиотеки Академии наук, Петр I, Готторпская библиотека, транспортировка по морю, Северная война.*

В истории Библиотеки Академии наук, несмотря на ее 300-летнюю историю и постоянное обращение к изучению начального периода ее появления в России, до настоящего времени остается немало неясных и почти не изученных событий и явлений. Одним из таких «темных мест» является библиотека Готторпских герцогов, связанная с самым ранним периодом возникновения и развития первых академических учреждений – Библиотеки и Кунсткамеры.

Имеющиеся сведения о перемещении знаменитого Готторпского глобуса и этого книжного собрания в Петербург, относящиеся к 1713 г., непосредственно касаются событий Северной войны, а именно того ее периода, когда предводитель шведского войска Карл XII вернулся из Турции в Европу и своими победами заставил Данию, которая захватила Голштинский Готторп, принять ряд своих условий, противоречащих ранее заключенному договору о взаимной помощи и поддержке русскому царю в Северной войне.

В 1713 г. положение на фронте изменилось, Готторп был освобожден от датского владычества и возвращен Голштинии. Однако Петр I не простил предательства и потребовал компенсации за

моральный ущерб. В результате, 10 июля того же года епископ-администратор Голштинского герцогства, Кристиан Август, регент при малолетнем герцоге Карле Фридрихе, подписал ордер о передаче глобуса в Петербург в качестве дипломатического подарка Петру Великому. Перевозка груза морем и сушей заняла три года: с 3 января 1714 г. по 20 марта 1717 г. Только тогда глобус прибыл в Петербург, где впоследствии был установлен в здании Кунсткамеры на набережной реки Невы [1].

Одно из ранних известий о перемещении глобуса относится именно к 1714 г. Ганноверский резидент Кристиан Фридрих Вебер прибыл в Россию с важной для Ганновера миссией, представить своего курфюрста Георга, как первого английского короля Ганноверской династии. Вебер, владевший русским языком, приехал в Петербург и пробыл там до 1717 г., защищая интересы английского двора. В 1717 г. он отправился в Ганновер для получения новых инструкций. Возвратившись в Петербург в том же году, он находился в России еще два года и выехал окончательно за границу в октябре 1719 г. Сообщаемое во многих сочинениях, в которых говорится о Вебере, известие, что он после кончины Петра I провел еще несколько лет в России, не подтверждается никакими данными, хотя и после оставления России Вебер не потерял к ней интереса, о чем говорят его записки, доведенные до царствования Елизаветы Петровны.

Собственно, значение посольства Вебера в дипломатическом отношении было невелико, однако собранный им материал служит важнейшим источником по истории России и, прежде всего, Петербурга петровского и постпетровского времени. Самой большой популярностью пользуется 1-й том его сочинения, касающийся времени правления Петра I. 2-й и 3-й тома его сочинения мало известны в русской историографии [2].

Именно Вебер сообщил о перевозке Готторпского глобуса в Петербург: «Января 3-го [1714 г.] царь послал Русского полковника в Пиллау, что близ Кенигсберга, с поручением привезти оттуда Голштинский глобус санным путем на огромных скалках или катках, в Ригу, откуда прямо уже водою доставить оный в Петербург. Перевозка этого глобуса сушею наделала несказанное множество хлопот, потому что местами приходилось вырубать деревья, чтобы удобнее проложить дорогу огромной машине, которую разобрать по частям было невозможно. Глобус этот стоит теперь в Петербурге, в том здании, которое было жилищем слона» [3].

Также подробно сообщает о событиях, предшествующих перемещению глобуса в Петербург, и библиотечарь «Санктпетербургской

императорской библиотеки» и хранитель Кунсткамеры Осип Беляев: «По взятии Шлезвиг-Голштинской крепости Теннингена в 1713 году, Петр Великий со своими союзниками имея в своей власти Шлезвиг-Голстинские земли, между прочими достопамятностями осматривал и сей большой глобус, и удивляясь строению его, изъявил желание его иметь. Как скоро узнал о том правитель и опекун малолетного Герцога Карла Фридриха; то просил Государя принять оный как малый подарок от Голстинского Герцогства. Его величество принял с благодарением от правителя сей подарок и сказал: “Признаюсь, что и все Герцогство не могло бы выдумать приятнейшего мне дара”. Государь приказал отвезти огромную сию машину с величайшею бережливостью в Ревель [4] на корабле под надзором морского Офицера, а оттуда отправить в С.-Петербург зимою на сделанных нарочно для того санях. По дороге чрез всю Эстляндию и Ингерманландию составлено было несколько сот крестьян, которые должны были всю дорогу выравнивать и расчищать для удобного провозу огромного сего глобуса. Сколь приятно было великому любителю наук и художеств иметь сей глобус, можно заключить из того, что возвратившись в Санктпетербург, немедленно он пошел туда, где стоял нововывезенный оный глобус; приказал построить для него особливую палату, подле Летнего дворца, и почти всякой день, часто по целому часу, занимался рассматриванием оногo» [5].

Как видим, относительно прибытия в Петербург Готторпского глобуса сохранились свидетельства очевидцев, да и сам этот глобус, находящийся и в настоящее время в Кунсткамере, правда, в переделанном русскими мастерами виде, является самым бесспорным свидетельством его достижения места назначения.

Однако с момента отправки из Готторпского замка следы хранившейся здесь и хорошо известной в Западной Европе библиотеки потерялись, и до настоящего времени ведутся споры о том, когда же она появилась в Петербурге и где сейчас находятся книги из этого собрания, поскольку в фондах Библиотеки Академии наук не найдено ни одной книги, которая по своим признакам могла быть отнесена к этому собранию.

Примерно к тому же самому времени, когда из Готторпа был увезен глобус, относятся сведения о вывозе из замка хорошо известной в Европе Готторпской библиотеки. Сохранившиеся известия сообщают о том, что она была отправлена водным путем в Петербург из Готторпского замка по распоряжению Петра I в 1713 г. В отличие от знаменитого Готторпского глобуса, который не только был отправлен в Петербург, но и достиг его, преодолев расстояние от Готторпа

до Петербурга как водным, так и сухим путем, Готторпская библиотека после своего отбытия из Готторпского замка не имеет документального подтверждения о прибытии в Петербург, причем исследователи называют различное время: от 1714 до 1717 г.

Самым ранним свидетельством об изъятии Готторпской библиотеки является письмо Лейбницу немецкого ученого Эккарда от 28 марта 1713 г.: «Имеется известие, что Анклам и Грибсвальд хотят разрушить и превратить в груды камней. Его царское величество велел Готторпскую библиотеку, кунсткамеру и Глобус оттуда взять и все это должно быть отправлено в Москву» [6].

Таким образом, имеется документальное свидетельство о том, что в 1713 г., по распоряжению Петра I библиотека Готторпского замка, была отправлена в Петербург также водным путем.

Франко-английский автор начала XVIII в. Обри де ла Мотре, который оставил ряд описаний своих путешествий, в «Путешествии по Европе, Азии и Африке», вышедшей в свет в 1727 г., подтверждает тот факт, что во время его посещения Готторпа библиотеки там уже не было: «Я не мог видеть Библиотеки, о которой я был много слышан, ключи от которой имел управитель датчанин, находившийся в отсутствии; в Библиотеке пустота, основные книги и наиболее редкие рукописи отсюда взяты. Я попросил посмотреть знаменитый глобус Тихо де Браге, столь прославленный из-за удивительной величины, как самую курьезную вещь данного места, но царь транспортировал его в Москву как военный трофей» [7].

В другом своем описании путешествия в Пруссию и Россию Ла Мотре снова вспоминает Готторпское собрание и считает, что к тому времени оно уже находилось в Петербурге, однако сам он его не видел: «Эта библиотека [Петербургская – Е. С.] является большой и значительной, она была составлена большей частью из библиотеки покойного герцога Курляндского, мужа царствующей императрицы России, а также герцога Голштинского, которую Петр I увез со знаменитым Готторпским глобусом после того, как он помог датскому королю захватить герцогство» [8].

Имеющиеся свидетельства говорят только об отправлении ее из Готторпа в 1713 г. и о том, что к 1727 г. ее уже не было в замке. Однако ни один документ ничего не сообщает о ее прибытии в Петербург.

Как не найдено никаких свидетельств о ее достижении Петербурга, так же нет и никаких данных о наличии книг из этого собрания в Библиотеке его величества. Даже первый каталог этого собрания, известный как каталог Курляндской библиотеки, находившегося

в Людском корпусе Летнего дворца, не дает возможности определить какие-то из учтенных в нем книг как Готторпские.

Н. К. Никольский полагал, что Готторпская библиотека прибыла в Россию в 1714 г., но никакими документами подтвердить время ее прибытия он не смог. Точно так же начиная с XVIII в. и до настоящего времени в фондах БАН и ее филиалов не найдено ни одной книги, о которой можно бы было с уверенностью сказать, что она происходит именно из Готторпской библиотеки.

Долгое время полагали, что книги из Готторпа прибыли в Ригу в 1714 г., и оттуда были отправлены в Петербург. Относили их поступление и к 1715 г. Так, например, Н. Ю. Бубнов считал, что хранящаяся в РО БАН копия письма Петра I рижскому генерал-губернатору Петру Алексеевичу Голицыну от 28 декабря 1715 г. о разыскании книг, поступивших в Ригу из Кёнигсберга, относится к книгам из Готторпа [9].

Найденные И. В. Хмелевских в РГАДА в «Кабинете Петра Великого» документы, разъясняющие хранящуюся в РО БАН копию письма, свидетельствуют, что никакого отношения к Готторпской библиотеке сведения в ней содержащиеся не имеют. В этих документах речь шла о книгах, купленных в марте 1715 г. в Париже капитаном-поручиком Кононом Зотовым и камер-юнкером светлейшего князя (Меншикова) Жаном Лефортом по распоряжению Петра I и отправленных через Кенигсберг в Ригу [10].

Можно только предполагать, что вышедший из Киля корабль с книгами Готторпской библиотеки, так-таки никогда не достиг берегов России. Время ее перевоза совпало со временем сражений на Балтике русского и шведского флотов, в частности с битвой при Гренгаме в 1714 г. Пока не найдены новые документальные свидетельства, подтверждающие прибытие готторпских книг в Петербург, можно считать, что они либо погибли во время их транспортировки по Балтийскому морю, либо были захвачены противниками, что также было в это время не редкостью.

И все же в первоначальном фонде «Библиотеки его величества», находились книги, которые совершенно достоверно определяются если не как готторпские, то как принадлежавшие голштинскому герцогу Карлу Фридриху, который начиная с 1721 г. жил в Петербурге.

Наследный принц королевства Шведского, племянник Карла XII, не был удачным претендентом на корону этого государства. Политическая обстановка в Европе для молодого герцога сложилась таким образом, что он не только был лишен прав на шведскую корону, но и оставлен без всяких средств существования. Его верный

министр Бассевич вместе с принцем-регентом уговаривали Петра I пригласить Карла Фридриха в Петербург и даже женить на старшей дочери русского царя, обещая ему многие выгоды от подобного брака. В одном из пунктов союзного договора как раз и были подробно изложены условия заключения подобного брака: «Заключить с царем тесный союз и укрепить его браком герцога с царевною Анною Петровною, браком, который должен состояться, даже если герцог и не получит ни гроша; ни завоеванных провинций, лишь бы царь с своей стороны всячески озаботился о доставлении ему их и о восстановлении его прав. Само собою, разумеется, что его величество в то же время не откажет в надлежащем объяснении относительно приданого царевны, его дочери, и торговли между Россией и владениями голштинскими» [11].

Хотя в общем и целом Петр не отказывался от заключения брака своей дочери с потомком одного из знаменитых родов Европы, но с другой стороны и не очень спешил с ним, поскольку этот наследник жил в Петербурге на полном его обеспечении. Брак этот был заключен только в 1725 г. уже после смерти царя во время царствования императрицы Екатерины I. В 1727 г. молодая чета отправилась в Голштинию, но в 1728 г. герцогиня Анна Петровна умирает, оставив малолетнего сына Карла Петера Ульриха, будущего императора Петра III, и ее прах перевозят для похорон в Петербург.

В первоначальном фонде «Библиотеки его величества» в Людском корпусе и в сохранившейся части Иностранного отделения БАН не обнаружено никаких свидетельств, указывающих на принадлежность книг к Готторпской библиотеке. В БАН сохранились только книги из Голштинии, связанные с именем герцога Карла Фридриха, ряд лет прожившего в Петербурге, как в конце царствования Петра Великого, так и его преемницы Екатерины I.

Речь идет как о рукописных, так и о печатных книгах с рукописной монограммой «CF». И рукописи, и печатные книги, помеченные этой монограммой, относятся примерно к середине XVII в. Обе рукописи НИОР с этой монограммой связаны с именем курляндского герцога Фридриха Казимира, что дало возможность И. Н. Лебедевой отнести их к книгам Курляндской библиотеки [12]. Однако способ нанесения монограммы – сначала писалась буква первого имени владельца, в данном случае – С, а затем вторая, в данном случае – F, и ее положение на нижнем поле титульного листа свидетельствуют о том, что первое имя владельца начиналось с именно с буквы – С, а второе – F. (т. е. Карл Фридрих). Однако среди Курляндских герцогов никто не носил этого имени. Зато отца императора Петра III звали именно так.

Имеются сведения, правда, не подтвержденные, что курляндский герцог Фридрих Казимир сватался к принцессе Голштинского рода.

Хотя в отечественной историографии поддерживается мнение о том, что герцог Голштейн-Готторпский был мало образованным человеком, всем наукам предпочитавший военное дело, это мнение могут разрушить не только книги с монограммой «СФ», которые должны были попасть в «Санктпетербургскую императорскую библиотеку» никак не позднее 1735 г., чтобы быть занесенными в «Камерный каталог» [13]. Наследный принц Шведского королевства Карл Фридрих прибыл в Петербург по приглашению Петра I в 1721 г. Видимо, тогда же он привез с собой часть своей библиотеки из Голштинии.

Принадлежность монограммы «СФ» именно Карлу Фридриху подтверждается книгами той же библиотеки из Голштинии, но уже привезенными в Петербург в 1744 г. его сыном, внуком Петра I, Карлом Петером Ульрихом, назначенным императрицей Елизаветой Петровной своим преемником на русском троне и после крещения получившем имя Петра Федоровича. Среди книг императора Петра III, хранящихся в Эрмитажной библиотеке, имеются экземпляры с суперэкслибрисами его отца Карла Фридриха – с монограммами «СФ» того же рисунка, что и на книгах, хранящихся в БАН и в Финляндии, что целиком и полностью снимает вопрос о том, кому принадлежала указанная монограмма.

Свидетельством того, что книги, находящиеся в БАН, никак не могли попасть сюда, не только после революции, когда часть книжного собрания была передана в крупные библиотеки России, и даже после смерти императора Петра III, служит то обстоятельство, что часть из них имеет знаки Камерного каталога, а в него были включены издания, поступившие в Библиотеку до 1737 г. Дата смерти Карла Фридриха в России – 1735 г. Таким образом, хотя книги с монограммой «СФ» и не относятся к Готторпской библиотеке, они напрямую связаны с Голштинской династией.

Либо дальнейшие поиски библиотеки из Готторпского замка следует перенести в архивный фонд Петра I, хранящийся в РГАДА, либо необходимо согласиться с тем, что она погибла во время Северной войны.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 56.
2. Книга Вебера печаталась в трех томах на немецком языке: *Weber Ch. F.* Das Veränderte Russland. In welchem die ietzige Verfassung des Geist- und

Weltlichen Regiments; der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser; der wahre Zustand der Russischen Finanzen; die geöffneten Berck-Wercke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vasallen. [Т. 1]. Franckfurth, 1721; Th. 2. Hannover, [1739]; Th. 3. Die Regierung der Kayserin Catherina und Kaysers Petri Secundi... Hannover, [1740].

3. Вебер Х. Ф. Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский Архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1148–1149.

4. В данном случае Беляев отправляет глобус не в Ригу, как Вебер, а в Ревель.

5. Беляев О. П. Кабинет Петра Великаго... СПб., 1793. С. 31–33; 2-е изд. Отд. 2. СПб., 1800. С. 110–111.

6. Герье В. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / изд. В. Герье. СПб., 1873. С. 134.

7. *La Motraye A. de.* Voyage en Europe, Asie et Afrique. La Haye, 1727. Т. 11. Р. 451–452. Цит. по: Бубнов Н. Ю. К вопросу о первоначальном фонде Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Л., 1970. Вып. 2. 1970. С. 134.

8. *La Motraye A. de.* Voyages en anglois et en françois en diverces provinces et places de la Prusse, de la Russie, de la Pologne etc. La Haye, 1732. Р. 247. Цит. по статье: Бубнов Н. Ю. К вопросу о первоначальном фонде Библиотеки Академии наук. С. 134–135.

9. Бубнов Н. Ю. 1) К вопросу о первоначальном фонде Библиотеки Академии наук. С. 136; 2) Военный «приз» короля Карла XII (Библиотека Курляндских герцогов – ядро Российской академической библиотеки) // Книга в России. М., 2006. Сб. 1. С. 256.

10. Хмелевских И. В. Два указа Петра I о книгах рижскому губернатору // Книга в России: К истории академической библиотеки. Сб. науч. тр. СПб., 2014. С. 85–87. (Приводится список книг).

11. Бассевич Г. Ф. Записки графа Бассевича // Русский Архив. 1865. Стб. 40, 41.

12. Лебедева И. Н. Обзор рукописных книг Курляндского собрания Библиотеки АН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Л., 1976. С. 7–26.

13. Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pts. 1–4. St. Pbg., [1741–1744].

П. И. Хотеев

**Английская книга
в первоначальных фондах Библиотеки Академии наук
(по данным Камерного каталога)**

АННОТАЦИЯ

Печатный каталог, опубликованный в 1740-е гг., дает представление о первоначальных фондах Библиотеки Академии наук. В соответствии с каталогом, в Библиотеке наряду с другими книгами хранилось около 1000 изданий на английском языке. Это было крупнейшее в России собрание английских книг. Здесь имелась не только научная, учебная, справочная, но и художественная литература. Английские книги пользовались читательским спросом.

Ключевые слова: XVIII век, первоначальные фонды Библиотеки Академии наук, английская книга, читательский спрос.

Сергей Павлович Луппов в свое время внес заметный вклад в изучение прошлого нашей Библиотеки. Достаточно сказать, что им написаны четыре первых главы для коллективной монографии «История Библиотеки Академии наук СССР», вышедшей в свет 50 с лишним лет тому назад [1].

Недавние юбилейные научные конференции, посвященные 300-летию академической Библиотеки, показали, что интерес к ее богатой истории не иссякает. Одно из направлений исследовательских работ, проводимых в стенах Библиотеки – это раскрытие ее исторических книжных фондов.

Конечно, нужно иметь в виду, что в процессе изучения истории таких крупных и уникальных библиотек, как наша, можно получить достаточно объективное представление о явлениях, происходящих в различных сферах жизни общества. Так, в частности, учитывая специфические особенности, количественный и качественный состав иностранного книжного фонда какой-либо библиотеки в определенный период можно отчасти охарактеризовать состояние международных научных и культурных связей в ту или иную эпоху.

О первоначальных фондах академической Библиотеки, основанной в 1714 г., мы можем судить по ее печатному каталогу, который был опубликован в Петербурге в 40-е гг. XVIII в. под заглавием «Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars I–IV» (Petropoli, 1742). Поскольку в этом каталоге отразился порядок расстановки книг в библиотечных помещениях, которые в ту пору именовались «каморами» или «камерами», в академическом обиходе его стали называть Камерным каталогом. Принято считать, что в нем содержатся данные, характеризующие книжные фонды Библиотеки Академии наук по состоянию приблизительно на 1736–1737 гг.

Подробно изучая Камерный каталог, С. П. Луппов установил, что общее количество учтенных в нем книг составляет 15562 тома [2]. Судя по каталогу, в Библиотеке Академии наук преобладали книги на латинском языке. Есть также сведения, в соответствии с которыми в Камерном каталоге числится книг на французском языке – 2916 томов, а изданий на немецком языке – 2988 томов [3]. Наконец, мы подсчитали количество внесенных в каталог английских книг. Их оказалось 933 тома, или 795 названий [4]. Это было крупнейшее в тогдашней России собрание книг на английском языке. Этот комплекс литературы нужно рассматривать как своеобразное ядро, как историческую основу огромного современного англоязычного фонда Библиотеки Академии наук.

В соответствии с данными Камерного каталога, тематика английских книг, входивших в состав первоначальных фондов Библиотеки, отличалась заметным разнообразием. Шире всего были представлены точные науки, а также медицина, фармакология, химия, естественная история. Среди английской гуманитарной литературы больше всего имелось исторических сочинений о Великобритании, между тем как книг по истории стран континентальной Европы и России было немного.

В Камерном каталоге насчитывается более тридцати тематических разделов. Каждому из них, в соответствии с требованиями того времени, дано латинское заглавие. Посмотрим, как эти разделы были наполнены изданиями на английском языке.

Начнем с литературы по теологии и церковной истории. Эти книги включены в два близких по тематике раздела, которые озаглавлены соответствующим образом – «Libri theologici» и «Historia ecclesiastica». Здесь среди изданий на английском языке мы видим тексты Священного Писания, богослужебные книги, полемические сочинения, многочисленные собрания проповедей, публикации документальных материалов и труды по истории различных вероиспове-

даний, в том числе книга Джона Ковела «Some Account of the Present Greek Church, with reflections on their present doctrine and discipline» (Cambridge, 1722), книга Уильяма Тернера «The History of all religions in the world: from the creation down to this present time» (London, 1695), сборник «Four treatises concerning the doctrine, discipline and worship of the Mahometans» (London, 1712). Разделы теологии и истории церкви в общей сложности содержат 112 изданий на английском языке или 125 томов. Учитывая эти цифры, можно говорить, что все остальные книги в первоначальном английском фонде академической Библиотеки, или более 800 томов, – это по большей части светская литература.

Любопытно, что в раздел «*Historia ecclesiastica*», где подобраны сочинения по истории церкви, попала публикация важнейшего политического и юридического документа XIII в. – «Великой хартии вольностей» в переводе с латыни на английский язык: «*Magna Charta, made in the ninth year of K. Henry the Third and confirmed by K. Edward the First, in the twenty-eighth year of his reign. Faithfully translated for the benefit of those that do not understand the Latin, by Edw. Cooke*» (London, 1680).

Раздел «*Libri medici, anatomici, chirurgici, pharmaceutici et chimici*» включает в себя 97 английских изданий в 98 томах. Это сочинения крупнейших английских врачей, анатомов, фармацевтов, химиков. Многие из авторов этих книг состояли членами Лондонского Королевского общества – Джон Фрейнд, Уильям Купер, Джорж Шейн, Джеймс Дрейк.

В разделе под названием «*Scriptores historiae naturalis*» представлены сочинения видных английских ботаников и зоологов. Так, здесь есть книга крупного натуралиста Фрэнсиса Уиллоби «*The Ornithology*» (London, 1678), которая, как принято считать, в значительной мере способствовала становлению соответствующего направления в зоологии, а также трактат «*The Anatomy of plants. With an idea of a philosophical history of plants*» ([S. l.], 1682) – главный труд Неемии Грю, который признан в научном мире основоположником анатомии растений. Встречаются сочинения ученых других специальностей – это книги по минералогии, описания морей, озер, рек, источников, предметов естественной истории, найденных на территории Англии, Шотландии, Уэльса, Ирландии.

В раздел «*Historia exotica*» внесены изданные по-английски описания путешествий, отдельных стран и континентов, сочинения, посвященные географическим открытиям, жизни различных народов. В этом же разделе Камерного каталога значатся напечатанные на

английском языке жизнеописания крупнейших азиатских завоевателей – Чингиз-хана и Тамерлана. В разряд описаний путешествий, как видно, по недоразумению попала опубликованная анонимно книга «*A New voyage to the Island of Fools, representing the Policy, Government, and Present State of the Stultitians*» (London, 1713. 8°), в действительности представляющая собой не географический труд, а сочинение, которое следует отнести к образцам английской политической сатиры начала XVIII в.

По-своему интересен раздел под заглавием «*Historia litteraria*», где преимущественно собрана литература, в том числе и английская, по истории науки и научных объединений. Характерным примером может служить книга «*The History of physick; from the time of Galen, to the beginning of the sixteenth century*» (London, 1725) Джона Фрейнда. Здесь есть также биографии ученых и писателей, два издания книги Томаса Спрата «*The History of the Royal-Society of London, For the Improving of Natural Knowledge*» (London, 1667; London, 1702). Важным источником научной информации для тогдашних читателей являлся имевшийся в академической Библиотеке полный на то время комплект трудов Лондонского Королевского общества «*Philosophical transactions*». Надо сказать, что это периодическое издание пользовалось спросом среди посетителей Библиотеки, особенно среди петербургских академиков.

В разделе философской литературы, которому дано заглавие «*Philosophi antiqui et recentiores*», основу подборки английских изданий составляют сочинения Френсиса Бэкона, Джона Локка, Роберта Гука, Роберта Бойля. А в разделе «*Scriptores juris naturalis et gentium, ethici, politici etc.*», где преобладает политическая литература, нужно отметить книгу Томаса Гоббса «*Leviathan, or The Matter, Forme, & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civill*» (London, 1651).

В разделе «*Libri mathematici in genere*» учтены в основном публикации в области точных наук. Сюда причислены сочинения английских ученых по математике, по различным отраслям физики, книги по астрономии. Здесь имелись и простейшие учебные пособия, и популярные справочники, и солидные трактаты. Это работы крупнейших ученых конца XVII – начала XVIII в., а именно – Исаака Ньютона, Джона Уоллиса, Томаса Стрита, Роберта Гука, Джозефа Моксона, других известных английских математиков, физиков, астрономов, естествоиспытателей, землемеров, топографов, гидрографов.

Раздел «*Grammatici et lexicographi*» содержит филологическую литературу. В нем помимо прочего находим учебники английского языка для иностранцев, пособия по английской грамматике, толко-

вые словари, двуязычные и многоязычные лексиконы, в которых есть английская часть.

В разделе «*Antiquarii et rei nummariae scriptores*» заслуживают внимания две книги с подробными описаниями достопримечательностей Вестминстерского аббатства в Лондоне, составленными в разные годы разными авторами.

В Камерном каталоге есть раздел «*Critici et operum collectores*», в котором особый интерес для читателей представляли широко известные в Европе универсальные и отраслевые справочники. Что касается английских изданий этого типа, то прежде всего следует назвать весьма полезную работу «*Cyclopaedia: or, an Universal dictionary of arts and sciences*» (London, 1728, 2 vol.) Эфраима Чеймберза и хорошо иллюстрированный «*Lexicon technicum: or, an Universal English dictionary of arts and sciences*» (London, 1704–1710, 2 vol.) Джона Гарриса. Примечательно то, что эти первоклассные для своего времени справочники хронологически и методологически непосредственно предшествовали подготовке и выходу в свет «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера.

Среди периодических изданий, внесенных в раздел «*Critici et operum collectores*», особое место занимают комплекты публицистического еженедельника «*The Examiner*», просветительских и нравоучительных журналов Джозефа Аддисона и Ричарда Стила – «*The Spectator*», «*The Guardian*», «*The Tatler*». В этом же разделе каталога отыскиваются сборники прозаических произведений и стихотворений Джонатана Свифта, а также отдельное издание его знаменитого памфлета «*A Tale of a Tub*» ([S. 1.], 1711).

К этим изданиям непосредственно примыкает впечатляющая подборка английской художественной литературы, которую мы видим в разделе Камерного каталога, озаглавленном так: «*Poetae latini, germ., gall., graeci etc.*». Здесь есть сочинения лучших английских и шотландских поэтов пяти столетий. Вот лишь несколько имен. Для XIV века – это Джеффри Чосер, один из основоположников английской литературы. Из поэтов XV–XVI вв. должны быть названы Гарри Слепой и Джон Скелтон, а XVII столетие представлено Джоном Мильтоном с его главным сочинением – поэмой «*Paradise Lost*» (London, 1707). Образцом творчества крупнейшего поэта начала XVIII в. Александра Поупа здесь является его английский перевод Гомера – «*The Iliad of Homer*».

Помимо стихотворных сочинений тут много произведений, написанных для театра. В Камерном каталоге мы замечаем имена таких английских драматургов, как Уильям Шекспир, Фрэнсис Бомонт,

Джон Флетчер, Томас Отуэй, Джон Драйден, Уильям Уичерли, Мэри Пикс, Ричард Стил.

Из античных авторов, переведенных на английский язык, наряду с Гомером здесь были Эзоп, Федр, Гораций, Вергилий. Говоря об английской переводной художественной литературе, следует также назвать сочинения Рабле, собранные в один том под общим заглавием «*Works*», и роман Сервантеса «*The Life and Notable Adventures of that Renown'd Knight, Don Quixote De la Mancha*».

Среди изданий, объединенных в разделе «*Historia universalis, chronologia et geographia*», заслуживает упоминания английский путевой справочник под названием «*A Direction for the English traveller*» ([S. 1.], 1643») – книжка, в которой указаны расстояния между населенными пунктами Англии и Уэльса.

Раздел «*Historia Magnae Britanniae*» насчитывает 94 английских изданий в 100 томах. Это сочинения по истории Англии, Шотландии и Ирландии, хроники правления английских королей и их биографии. Назовем книгу Джорджа Бьюкенена «*The History of Scotland*» (London, 1690) и труд Френсиса Бэкона «*The Historie of the raigne of King Henry the Seventh*» (London, 1622).

В разделе «*Historia septentrionalis*», где подобрана литература по истории Северных стран, значатся только три английские книги. Самая интересная из них, конечно же, – это сочинение капитана Джона Перри «*The State of Russia, under the present Czar*» (London, 1716). Издавна эта книга рассматривается исследователями как важный источник по истории России времен Петра I. Русский перевод был опубликован в 1871 г.

В раздел «*Architectura militaris, pyrotechnia, ars militaris et exercitia militaris*» входят книги по военному искусству. Здесь пять изданий на английском языке: это трактаты по фортификации и пиротехнике (в частности, по устройству фейерверков), практические руководства по использованию в бою наземной и морской артиллерии.

Раздел «*Icones*» наряду с изобразительными материалами включает в себя английские сочинения по истории искусства, по теории живописи, учебные пособия по рисованию и гравированию, например, книгу Роберта Бойля «*The Art of drawing, and painting in water-colours*» (London, 1732).

В разделе «*Architectura civilis, gnomonica, optica, mechanica etc.*» в первую очередь нужно отметить труд Колина Кэмпбелла «*Vitruvius Britannicus, or the British architect, containing the plans, elevations, and sections of the regular buildings, both publick and private, in Great Britain*» (London, 1715) с образцами, планами, разрезами и профилями

гражданских построек – дворцов, вилл, общественных зданий. Тут же находим знаменитый трактат итальянского архитектора Андреа Палладио в переводе на английский язык – «The Architecture of A. Palladio; in four books» (London, 1715). Рядом с этими изданиями соседствуют книги, в которых описаны различные математические инструменты, применяемые в геометрии и астрономии. В качестве примера назовем книгу Роберта Гука «A Description of helioscopes, and some other instruments» (London, 1676).

В разделе «Artes, oeconomia, horticultura, agricultura etc.» в основном перечислены разнообразные практические пособия, в том числе 20 английских изданий. Это авторитетный справочник Филипа Миллера, напечатанный под названием «The Gardeners dictionary: containing the methods of cultivating and improving the kitchen, fruit and flower garden, as also, the physick garden, wilderness, conservatory, and vineyard» (London, 1733), несколько руководств по верховой езде и уходу за лошадьми, поваренные книги, справочники по животноводству и земледелию, ведению домашнего хозяйства и торговли, изготовлению часов, освоению кузнечного, слесарного, токарного дела.

В Камерном каталоге имеется раздел «Ars navalis», в котором числятся книги по морскому искусству 50 названий. 15 из них – издания на английском языке. Это пособия по судостроению, инструкции по оснастке кораблей, книги, в которых рассматриваются вопросы общей организации флота, ведения боевых действий на море, теории и практики кораблевождения.

В разделе «Atlantes et libri topographici» мы видим атлас мира известного английского картографа Джона Спида – «A Prospect of the most famous parts of the world» (London, 1627). Интересно, что сюда, в этот раздел, наряду с географическими атласами внесен и «Atlas coelestis» (London, 1729) – атлас звездного неба, выполненный королевским астрономом, руководителем Гринвичской обсерватории Джоном Флемстидом. Этот раздел объединяет в себе также учебную и справочную литературу по географии.

Такова в общих чертах тематика английских изданий, составлявших вместе с книгами на других языках первоначальные фонды академической Библиотеки. Нельзя не подчеркнуть еще раз, что в соответствии со сведениями, содержащимися в Камерном каталоге, немногим более чем через двадцать лет после своего основания Библиотека Академии наук располагала почти тысячью английских книг самого разнообразного содержания. Преимущественно это была научная, учебная и справочная литература.

Необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, значительная масса английских книг в рассматриваемое время поступала в фонды академической Библиотеки в составе приобретенных для нее частных книжных собраний, в том числе собраний, принадлежавших просвещенным соратникам Петра I, таким, как Роберт Арескин и Яков Брюс. Поэтому сложившиеся первоначальные фонды являются уникальным историческим источником, в котором отражены интересы их бывших владельцев, как правило, видных деятелей науки и культуры. И, во-вторых, книги уже с самого начала не лежали мертвым грузом в помещениях Библиотеки, а вызывали интерес у посетителей и выдавались им на прочтение.

Конечно, следует иметь в виду, что в рассматриваемое время английский язык не получил такого распространения в русском образованном обществе, как немецкий и французский языки. И тем не менее, английская книга уже привлекала внимание читателей академической Библиотеки. Сохранились архивные документы, содержащие сведения о читательском спросе на книги из библиотечных фондов в первые десятилетия ее существования [5]. Опираясь на эти материалы, приведем несколько примечательных случаев выдачи английских книг.

Среди книг, выданных ассессору Синода Афанасию Кондоиди, были издания на английском языке. Так, Афанасий получил отпечатанный в Лондоне сборник документов, касающихся церковно-административных и церковно-правовых вопросов – «A Collection of articles, injunctions, canons, orders, ordinances and constitutions ecclesiastical» (London, 1671. 4°).

Лейб-медик Петра I, президент Академии наук Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост брал из Библиотеки английское издание под названием «The Anatomy of human bodies» (Oxford, London, 1698). Это анатомический атлас. Его составитель – известный английский хирург Уильям Купер.

Соратнику и любимцу Петра I адмиралу Ивану Михайловичу Головину выдавали из Библиотеки разные географические материалы, среди которых была подготовленная Ричардом Хаклюйтом антология с заглавием «The Principall Navigations, Voiages and Discoveries of the English nation, made by sea or over land» (London, 1589).

Петербургский профессор зоологии Иоганн Георг Дювернуа получил из Библиотеки книгу, в которой наряду с другим сочинением помещен очерк анатомии слона, составленный членом Лондонского Королевского общества Уильямом Стакли – «Some Anatomical Observations in the Dissection of an Elephant».

В 1733–1734 гг. Леонард Эйлер брал из Библиотеки и методично прорабатывал один за другим годовые комплекты трудов Лондонского Королевского общества «Philosophical Transactions» [6].

В конце 1740-х гг. поэт и драматург Александр Петрович Сумароков взял из академической Библиотеки учтенный в Камерном каталоге сборник сочинений Шекспира – «Mr. William Shakespear's Comedies, Histories, and Tragedies. Published according to the true Original Copies» (London, 1685) [7]. По-видимому, этот эпизод можно считать одним из самых ранних свидетельств знакомства русских читателей с произведениями Шекспира по оригинальным английским текстам, а не по французским переводам [8].

В завершение этого краткого обзора отметим, что данные о наличии английских изданий в первоначальных фондах академической Библиотеки и об использовании этих книг читателями в известной степени отражают уровень и характер англо-русских научных и культурных связей в годы правления Петра I и его ближайших преемников. В первой половине XVIII столетия английские книги были достаточно хорошо известны в России, хотя они поступали сюда не в таком количестве, как издания на других иностранных языках.

Конечно, приведенные выше факты интересны сами по себе, однако, как нам представляется, эти факты важны и с той точки зрения, что они имеют отношение к предыстории того культурного явления, которое наблюдалось в России позднее, ближе к концу XVIII в., когда в высших слоях русского общества появились англофильские настроения и заметно возрос интерес ко всему английскому, в том числе и к английской книге.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964. М.; Л., 1964. С. 9–161.
2. Там же. С. 77.
3. *Хотеев П. И.* 1) Французская книга в Библиотеке Петербургской Академии наук: (1714–1742 гг.) // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 50; 2) Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII в. СПб., 2008. С. 298, 299.
4. В большинстве своем это издания, напечатанные в Лондоне. Встречаются также книги, вышедшие в свет в Оксфорде, Кембридже, Глазго, Эдинбурге, Дублине.
5. Эти документальные материалы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, частично опубликованы.

См.: *Хотеев П. И.* Читатели Библиотеки Академии наук: По данным за 1724–1728 и 1731–1736 годы. СПб., 2010. 244 с.

6. Там же. С. 27, 41, 43, 59, 69, 123–125.

7. *Левитт М.* Сумароков – читатель петербургской Библиотеки Академии наук // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 43–59.

8. Там же. С. 47.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СБОРНИКУ

Васильева А. А., Васильева Л. С. Сергей Павлович Луппов. Военные письма

Васильева Алена Александровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры рисунка

Российский государственный педагогический университет им. Герцена, факультет изобразительного искусства
191186 Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 6

Vasilyeva A. A., Vasilyeva L. S. Sergey Pavlovich Luppov. The war letters.

Vasilyeva Alena – Associate Professor of the Department of Drawing
The Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Embankment, build. 6, St. Petersburg, Russia, 191186

Abstract

The authors of the biographical article are the daughter and the granddaughter of the Petersburg historian S. P. Luppov. They use the family archive materials and describe the life and the military service of the famous researcher during the Great Patriotic War. The article presents the S. P. Luppov's letters from the front and the memoirs of his family members.

Keywords: the Great Patriotic War, the war letters, S. P. Luppov, the memoirs

Копанева А. Н., Копанева Н. П. Николай Александрович Копанев – хранитель Библиотеки Вольтера

Копанева Анна Николаевна – научный сотрудник
Российский этнографический музей
191011 Санкт-Петербург Инженерная ул., 4/1

Копанева Наталья Павловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

199034 Санкт-Петербург Университетская наб., 3

Копанева А., Копанева Н. Nikolay Aleksandrovich Kopanev – curator of the “Voltaire Library”

Копанева Анна – Researcher

Russian Museum of Ethnography

4/1, Inzhenernaya ul. St. Petersburg, Russia, 191011

Копанева Наталья – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)

3, Universitetskaya Naberezhnaya St. Petersburg, Russia, 199034

Abstract

The article presents a history of the Center for the study of the Age of Enlightenment in the National Library of Russia and a special room for the storage “Voltaire Library”; it reflects a role of N. A. Kopanev – curator of the “Voltaire Library” in creation of scientific and educational center and a special storage of the library of the French enlightener.

Keywords: the “Voltaire Library”, the Center for the study of the Age of Enlightenment, N. A. Kopanev, the National Library of Russia.

Вознесенский А. В. Ранние московские шрифты: проблема «перекрещивания строк»

Вознесенский Андрей Владимирович – доктор филологических наук, заведующий сектором старопечатных книг

Российская национальная библиотека

191069 Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

e-mail: A.Voznessenski@nlr.ru

Voznessenski A. The early Moscow fonts: the problem of “crossing lines”

Voznessenski Andrei – Doctor of Philology, Head of the Department of Early Printed Books

The National Library of Russia

18, Sadovaya street St. Petersburg, Russia, 191069

e-mail: A.Voznessenski@nlr.ru

Abstract

The article deals with the early period of book printing in Moscow. The main attention is paid to the system of using of fonts and to the problem of “crossing lines”. The author tries to analyze varieties of Moscow Cyrillic fonts and to show technical difficulties encountered by the first printers.

Keywords: the beginning of book printing in Moscow, the Cyrillic editions, the “crossing lines” phenomenon.

Гордеева М. Ю. «Архитектурные огородные уборы» или «Куншты садов»

Гордеева Марина Юрьевна – главный библиотекарь Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург В. О., Биржевая линия, 1

Gordeeva M. “The architectural garden decoration” or “The engravings of the gardens”

Gordeeva Marina – Chief Librarian of Rare Book Department

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034

Abstract

The albums of engravings of Petrine time in the research literature is called “The engravings of the gardens”. They include drawings of park buildings. Initiative of publication belonged to Peter I. 78 engravings are located in 3 parts. They were printed in St. Petersburg Printing house in 1718. The article clarifies the composition of the publication and the fates of the copperplates as well as of printed albums.

Keywords: album, copperplate, impress, gardening, the Petrine era.

Подковырова В. Г. Изобразительные «толкования» к Откровению Иоанна Богослова: об одном из гравированных циклов в России (XVIII в.)

Подковырова Вера Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, В. О., Биржевая линия, 1

e-mail: vera.podkovyrova@gmail.com

Podkovyrova V. Illustrated “exegesis” of the Book of Revelation: of one 18th century Russian set of engravings

Podkovyrova Vera – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Manuscripts Department

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034

e-mail: vera.podkovyrova@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the specific features of the Apocalypse illustrations in Russian tradition. One of its most spread branches – Filareto-

Chudovskaya edition – transformed in time into the cycle of engravings. They were done in technique of so called flat printing or sticking. Two manuscripts with such engravings are kept in the Library of the Russian Academy of Sciences – they are illustrated Apocalypses from E. A. Burtsev’s (№18) and M. V. Plushkin’s (№ 256) collections.

Keywords: Apocalypse, iconography, Russian book miniatures, book engraving, the Library of the Russian Academy of Sciences.

Руднев Д. В. Издание учебной литературы в Морском кадетском корпусе на рубеже XVIII и XIX вв.

Руднев Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034 Санкт-Петербург. Университетская наб., 11

Rudnev D. The publication of the textbooks in the Sea Cadet Corps in the late 18th century

Rudnev Dmitry – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Russian Language

St. Petersburg State University

11, Universitetskaya Naberezhnaya St. Petersburg, Russia, 199034

Abstract

The article examines characteristics of printing of textbooks in the Sea Cadet Corps’ printing house in the 1790s and in the early years of the 19th century. In this period the printing house not only reprints old textbooks, but publishes new ones because of the modernization of the educational process in the Sea Cadet Corps. The article reveals the impact of the Director of the printing house on the printing process and finds out the details of certain editions.

Keywords: the late 18th century, book printing, educational literature, Sea Cadet Corps.

Гальцин Д. Д. Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741): судьба собрания и история его изучения

Гальцин Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, В. О., Биржевая линия, 1

e-mail: dmitrygaltsin@gmail.com

Galtsin D. The library of Theophylactus Lopatinsky (c. 1680–1741): the history of a private collection and its study.

Galtsin Dmitry – Candidate of History, Researcher of Rare Book Department

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034

e-mail: dmitrygaltsin@gmail.com

Abstract

The article deals with the history of a private library that belonged to Theophylactus Lopatinsky (c. 1680–1741), rector of Moscow Academy, Archbishop of Tver and Kashin, member of the Holy Synod. Lopatinsky's book collection was one of the largest private libraries of the Petrine era. The author traces the history of studying Lopatinsky's library in 19–20th centuries and focuses on marginalia found in Lopatinsky's books.

Keywords: private library, Theophylactus Lopatinsky (c. 1680–1741), Stephan Yavorsky (1660–1722), Petrine era, marginalia, history of books.

Савельева Е. А. К вопросу о Готторпской библиотеке

Савельева Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, В. О., Биржевая линия, 1

Savelieva E. A. On the question of the Gottorp library

Savelieva Elena – Candidate of History, Leading Researcher of Rare Book Department

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034

Abstract

It is known that the Gottorp library was sent to St. Petersburg by sea in 1713. Till now there is no information about delivery of these books to destination. It is possible that the ship never reached St. Petersburg because of hostilities between Russia and Sweden. It can be supposed that the books were lost in transit or have been captured by the enemy.

Keywords: the early history of the Academy of Sciences Library, Peter I, the Gottorp library, transportation by sea, the Northern War.

Хомеев П. И. Английская книга в первоначальных фондах Библиотеки Академии наук (по данным Камерного каталога)

Хомеев Павел Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, В. О., Биржевая линия, 1

Khoteev P. The English book in the early stocks of the Academy of Sciences Library (according to the Chamber Catalogue)

Khoteev Pavel – Candidate of History, Senior Researcher of the Rare Book Department

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034

Abstract

The catalogue printed in 1740s reveals the early stocks of the Academy of Sciences Library. This catalogue enumerates not only the Latin, German, French and Russian books but also ca. 1000 English publications kept in the Library by that time. It was the largest collection of English books in Russia. It included scientific, educational literature, references as well as fiction. There was a great demand for English books among the readers of the Library.

Keywords: the 18th century, the Academy of Sciences Library, the early Library stocks, English books, the readers.

Содержание

От составителя	5
<i>Васильева А. А., Васильева Л. С.</i> Сергей Павлович Луппов. Военные письма	7
<i>Копанева А. Н., Копанева Н. П.</i> Николай Александрович Копанев – хранитель Библиотеки Вольтера	24
<i>Вознесенский А. В.</i> Ранние московские шрифты: проблема «перекрещивания строк»	34
<i>Гордеева М. Ю.</i> «Архитектурные огородные уборы» или «Куншты садов»	44
<i>Подковырова В. Г.</i> Изобразительные «толкования» к Откровению Иоанна Богослова: об одном из гравированных циклов в России (XVIII в.)	51
<i>Руднев Д. В.</i> Издание учебной литературы в Морском кадетском корпусе на рубеже XVIII и XIX вв.	63
<i>Гальцин Д. Д.</i> Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741): судьба собрания и история его изучения	76
<i>Савельева Е. А.</i> К вопросу о Готторпской библиотеке	88
<i>Хотеев П. И.</i> Английская книга в первоначальных фондах Библиотеки Академии наук (по данным Камерного каталога)	96
Приложение к сборнику	106

Четвертые Лупповские чтения

Доклады и сообщения

Санкт-Петербург, 12 мая 2015 г

Формат 60 x 84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 100 экз. Печ. л. 7. Заказ № 100.

Отпечатано в ОПП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)